

Андрей
Воронов-Оренбургский

СТАЛИНГРАД

ТОМ 6

ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

Андрей Воронов-Оренбургский
Сталинград. Том шестой.
Этот день победы

«Автор»

2019

Воронов-Оренбургский А.

Сталинград. Том шестой. Этот день победы / А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-05090-7

"Сталинград. За Волгой земли нет!" - роман-сага о чудовищной, грандиозной по масштабу и человеческим жертвам Сталинградской битве, равной которой не было за всю историю человечества. Автор сумел прочувствовать и описать весь ужас этой беспримерной кровавой бойни и непостижимый героизм советских солдат... Как это возможно? Не укладывается в голове. Но ощущение полное - он сам был в этом аду!.. Он сам был участником Сталинградской битвы... Книга получилась честной и страшной. Этот суровый, как сама война, роман, возможно, лучший со времен "Они сражались за Родину" М. Шолохова. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05090-7

© Воронов-Оренбургский А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	70
Глава 11	77
Глава 12	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Андрей Воронов-Оренбургский

Сталинград. Том шестой. Этот день победы

Глава 1

...В следующий миг со стороны фрицев ударило оранжево-белое пламя, сухо и бойко застрекотали шмайсеры штурмовиков. Андрей видел, как из-за груды обвалившегося наполовину дома, в помощь пехоте СС, выкатили два полугусеничных бронетранспортёра SdKfz 251. Туго, плотно ударили из пулемётов, перед раструбами стволов замельтешило клочковатое пламя. Пули зло защёлкали по броне, высекая пучки искр, ровно башню танка неистово клевали крепкими, как кремень, клювами хищные птицы.

Из глубины танка, до его слуха донёлся пронзительный крик старшины: «Пр-рыгай, твою мать!» Машина судорожно дёрнулась вправо, выписывая юзом не мысленный крюк».

Он кубарем слетел вниз; приземлился в жирную, как творог подмёрзшую грязь, в которой застряли обломки бетона. Удар был довольно резким, чтобы у него захватило дух, а из глаз посыпались искры. Однако ему хватило благоразумия откатиться от подорвавшейся машины.

Объятый огнём Горыныч, агонизирующими рывками преодолел ещё десять метров, врезался в перевернутый грузовик и вспыхнул неистовым, накалённым красным светом печного устья. В воздух полетели рваные куски металла, с зубчатых катков слетели, разом лопнувшие, гусеничные треки.

Танк замер, как огромный буйвол, сокрушённый разрывной пулей. Смятый капот сиял алым, словно поглотил исходящий от взрыва неистовый жар. Плавился металл. Клубясь-чадя, горело соляное масло. Оранжевая вспышка, раздирающий уши взрыв – и башню оторвало от корпуса. Крепёж и обломки, крутясь, разлетались. Между ударом и взрывом прошло не больше пяти секунд.

* * *

...Комбат Ребяков, лёжа на животе, блевал, под свист пуль, наступавших эсэсовцев. Лёгкие его были забиты зловонным дымом. Удушливый кашель рвал спазмами грудь и глотку, словно с дымом в его бронхи залетели тлетворные споры истреблённой человеческой плоти. Он наелся трупов, и они начинали в нём разрастаться, раздували его. Он кашлял, хрипел, брызгал ядовитыми слезами. Вокруг на землю с грохотом валялись куски металла, жарко горела резина. От запаха ему стало совсем худо. Рвота не прекращалась до тех пор, пока не осталось ничего, кроме воздуха.

Упираясь локтями в землю, майор пополз к танку. Кровь из носа текла так, что сомнений не оставалось: он был сломан. Правда, не особенно болел и Андрей рассудил, что боль придёт позже. С руки, на которую он приземлился, свисали лохмотья хэбэшной ткани комбинезона пополам с кожей. От плеча до локтя шла сплошная красная полоса фрикционных ожогов. Кожу над рёбрами с этого бока тоже припало будь здоров – до сырого мяса. Во рту стойко держался привкус крови. Он выплюнул зуб и уставился на то, что некогда было его боевой машиной.

Останки Т-34 горели, а то что осталось, выглядело как корявые малиновые борта плавающего мангала. «Юрка! Старшина!...» – молотом бухнуло в висках. В лицо ему пахло страшным жаром, в котором явно угадывался привкус горелого мяса. Красно-малиновое сияние корпуса бронемшины убывало, становясь жемчужно-чёрным, фиолетовым. Корма танка внезапно снова рванула, разбрасывая расплавленный металл дождём серебряных рублей.

Он насилу поднялся. Укрываясь за танком сделал три шага. Ноги подкашивались, но в остальном всё было, вроде бы ничего. «Редькин! Юрок!» – снова бухнуло в голове колоколом. Слева он нащупал языком ещё один зуб, который свисал на кровавой нитке плоти, сунул чёр-

ные пальцы в рот и выдернул кусочек сломанной эмали. Внезапно из-за развороченной кормы танка что-то показалось... Оно рывками шло прямо на майора, но он был слишком потрясён, чтобы двигаться.

Обгоревшее до черноты, сгорбленное, покорёженное существо напоминало обугленный труп. Единственная уцелевшая рука плетью болталась у правого бока.

...и снова Андрей не двинулся с места. Понимал, что должен, но контуженный мозг не мог дать команду ногам.

Это воплощение ужаса, шатаясь, не дойдя четырёх шагов, рухнуло перед ним. Он почувствовал тошнотворно-сладковатую вонь, которая могла идти от сгоревшего в уголь мяса.

Даже за сталинскую премию с целым грузовиком водки в придачу, Андрей ни на шаг не подошёл бы к этой чертовщине. Собственно, сейчас ему меньше всего хотелось водки. Видит Бог, он отдал бы всё на свете за глоток воды, чтобы очистить пересохший рот от грязи. Машинально попятился от обугленного существа – оно не шелохнулось, не встало с земли. Ребяков в душе молил Бога, чтобы оно было мертво. Как вдруг паника снова вгрызлась ему в кишки. Существо приподняло чёрную голову, ноги дёрнулись, слабо расталкивая, растопленную жаром грязь сожжёнными ступнями. Шея, державшая навесу голову, тряслась от дикого напряжения.

Из-за нервного потрясения и обескровленных мышц по плечам майора полз озноб. Потом услышал нечто такое, отчего у него замозжило между зубами. Звук был тихим, невнятным, и сперва подумалось: это, должно быть, с танковых катков сорвалась налипшая грязь. Но вот жуткое блекотание слало громче, отчётливей.

Ребяков затаил дыхание, полынный ком шайбой подкатил к горлу. Тю-у! Он, будто, узнал этот голос... который шёл снизу, из страшной обугленной головы.

– Бляха-муха! Мазута... Юрка?! Ты-ы? – От внутреннего протестного крика Андрей чуть не разжал пальцы, не выронил взведённый ТТ. Секунду стоял молча с опущенными глазами – затем вскинув голову, решительно подошёл к лежащему старшине, низко наклонился, увидел сплошной чёрный пузырь, жутко заменивший собой знакомое-весёлое лицо Редькина, и в ужасе отшатнулся, закрылся рукой.

Слепой старшина заволновался, похоже, он пришёл в себя, и ему нужно было что-то сказать, но вместо слов из горла рвалось хрипкое мычание. Комбат отнял руку от лица: на нём не было слёз, оно превратилось в камень. Склонился ниже к безбровому, безглазому пузырю. Видел, как обугленные, кровоточащие губы хватали воздух, а обожжённые лёгкие задыхались.

– Батя-а!..Ком-бат...Батя-ня-аа! Ты-ы?... – мученически просипел Редькин.

– Я Юрок, я!..

– Где ты!..Дай руку.. – старшина протянул жуткую, чёрную, как кочерга, уцелевшую руку.

Ребяков, не чувствуя пальцев, повернул его боком, чтобы удобнее взять и куда-то нести... Как увидел страшную рану...Сразу понял – смерть ему, не жить Мазуте и трёх минут. Взрывом ему вырвало бок, и он, будучи в шоке, полз по снегу, волоча вывалившиеся из живота парной красный ком.

Майор стал на колени, вложил его спёкшуюся руку в свою ладонь и, уткнув голову возле умирающего, обоняя страшный запах горелого мяса, задрожал лопатками. Рот его исковеркало немым криком отчаянья, нестерпимой жалости к своему экипажу. Он беззвучно, без слёз рыдал по ним, по погибшему своему батальону. Рядом слышал тяжёлый дых умиравшего друга, и всем своим существом ожидал: близкое страшное, непоправимое приближение чудовищной развязки. В этот миг он запоздало понял, как был не прав. Что поступок его, против воли Абрека, – комбата Магомеда Танкаева, – «оставить танки для усиления рубежа!» – и впрямь оказался бессмысленным, безрассудным, но более гиблым и обречённым.

– Вот так...вот так...ни черта не получатца у нас...товарищ Сталин...Бить врага на его территории...Э-э-э...»мчались танки, ветер подымая...наступала грозная броня... Э-э...э-

э...э...» «И летели наземь самураи...под напором стали и огня...» Комбат! Батяня...ты где? ...Артиллеристам дан приказ... – под свист пуль, что-то нечленораздельное бредил-подвывал механик, т всё жался, тыкался по-собачьи жуткой обугленной головой к плечу своего командира.

...Овладев собой, Ребяков судорожно расстегнул комбинезон, порвал на себе исподнюю рубаху и, прижимая комья х/б к ране старшины, видел, как пузырилась кровь, как полотно мгновенно набухало и сыро чернело. Как дрожал жёлто-белый, безглазый пузырь лица, как с хрустом трескался в муках чёрный перекошенный рот.

А он продолжал каменеть лицом и плечами, без слёз оплакивая всех своих погибших ребят...Их – молодых и красивых, беспрекословно исполнявших его приказы, доверчиво ждавших от него, хмурого-жёсткого командира, скупой похвалы, отцовского одобрения; о них, беззаветно любивших свою советскую Родину, отдавших по его приказу, самое драгоценное, что только есть у человека – свою жизнь.

– Ради Бога!..Старшина! Мазута...слышишь ли ты меня? – взорвался Ребяков. –Здесь я! Здесь, около тебя. Русские своих не бросают. С тобой помру, брат, не отступлюсь!

Увы...По неподвижному обезображенному лицу Редькина невозможно было понять: слышит он или нет. И ещё, повысив голос, презирая наступающий треск автоматных очередей, майор Ребяков продолжал, обращаясь к обугленной пористой массе.

– Ты...прости меня, Юрок! Без умысла...погубил я тебя. Прости в сердце своём! Любил тебя, уважал...и Петрухина...И старшего лейтенанта Зуева Олега...И всех, слышишь, всех вас! Прости Старшина. Не страшись смерти. Она облегченье, даст тебе покой. Отойди с миром и прости. А я...я чуть погодя! Вот только отмщу за вас ребята... фашистским псам...и к вам, мужики...Там – встретимся, ждите!

К Редькину вернулось сознание. Безглазый пузырь дрогнул, повернулся на голос, будто узрел майора. Из растресканных губ засочилась липкая сукровь. Старшина пытаясь осилить боль и ужас, забормотал невнятно, ровно давясь чем-то:

– Вот и всё, Владимирыч. Вишь, как всё просто...Страшно только... Чую – помираю, комбат...Я уж не жилец...а тебе спастись надо, Владимирыч...Чоб бить их гадов ползучих...здесь и везде...Где?...Где ты, комбат! – обгорелая клешня ухватила за командирскую сумку, натянула до дрожи, как лесу, тонкую шлейку. Ты это...Владимирыч...моим, как-нибудь...жане Анжелке...Адрес, ты знаш...Обещай, майор...

– Само собой. Обещаю! – Андрей дрогнул очугуневшими скулами.

– Не оставь детишков моих...Кривоночки, клюковки мои...– Вздутый пузырь вновь моросила дрожь. Похоже, старшина плакал, ему нужно было что-то сказать важное, отчего-то освободиться, но вместо слов из горла его выходил глухо отрывистый хрип. – Уходи, Владимирыч. Ах, как тяжело дышать. А-а-аа...На этот свет рождаца...только душу губить...

И тут, обезболивающий шок, в котором прибывал Редькин, истёк, оборвался, как нитка. На глазах комбата, он забился возле него. Пузырь вместо лица превратился в сплошной крик, по уродливой массе потекли кровавые слёзы. Повинуясь пронзившей его боли, коя тот час лишила рассудка, старшина, вобрав голову в плечи, пополз прочь.

– А-аа-и-и-и! Аа-а! Ааа-ии!!.– он кричал, будто не разжимая, трупно почерневших губ. На обгорелом лбу выступил ядрёный зернистый пот. За старшиной дымились, отливая нежно-розовым и голубым глянецом, выпученные кишки. Хрипатым, нечеловеческим голосом он прорыдал:

– Убей!..Убе-ей меня, комбат! Что медлишь?! Аха-ха-аа-а! Ты...ты, не знаешь, как это больно... – умолял несчастный, пытаясь затолкать обратно то, что вырвал из него взрыв.

– Застрели, умоляю! Ну, же! Чего ждёшь, изверг?...Убей!.. – Он протягивал к нему красную, окутанную паром руку.

Майор через силу сглотнул душивший его ком, не решаясь выполнить страстную мольбу своего механика-водителя. Сгрёб грязный с окалиной снег, жадно истопил его в пересохшей глотке. Во рту всё ещё держался медный привкус крови, а два глубоких гнезда на верхней десне, где раньше были зубы, дёргало в такт сердцебиению. Собрав кровавую слюну, он харкнул в сторону. Плевок, попав на обугленный танковый борт, зло зашипел, как змея, испарился.

У Андрея омертвели руки, от которых будто отхлынула вся кровь. Ноги казались тяжёлыми, что двухпудовые гири. Собственноручно застрелить своего старого боевого товарища!.. Миссия оказалась невыполнимой. Его охватила дрожь, на глаза навернулись слёзы. «Холеру – мать вашу!..» Он чувствовал себя полной развалиной. Избегал смотреть на Редькина, не в силах видеть в его муках бездонное горе. Лицо командира Ребякова казалось каменным, непроницаемым, с глубокими бороздами крупного резца, выбитыми каменотёсом. Только голубые глаза, не успевшие окаменеть, сверкали из глубины чёрного, как булыжник, лица.

– Что ж ты делаешь, зверь!..Издеватца вздумал?.. – истерзанный стнящий крик Редькина был невыносим.

В следующий миг, грохнувший пушечный выстрел, оборвал адские муки старшины.

Сам не свой, словно в бреду, Ребяков в последний раз обнял успокоившуюся на веки плоть. Сжимая плечи, давясь страшным запахом горелого человеческого мяса, прижался лбом к опалённому виску, сдавленно прохрипел:

– Друг! Мазута! Прощай...Мы отомстим за вас!

В следующий момент, он будто вынырнул пробкой из бездонного омота, в иную, реальную жизнь. Ошалелыми – красными глазами дико оглядел разостланный вокруг мир. Тот грохотал грозowymi залпами артиллерийских батарей, валил с ног пулемётными очередями; сводил с ума рёвом пикирующих бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей; воющим уханьем мин, треском разлетающейся брони, сокрушительными ударами бомб и фонтанами огня – тут и там, разрывавшихся фугасов.

...Преодолев растерянность, первым делом он спешно вытащил из грудного кармана старшины наполовину обгоревший партбилет. Следом, хватив разлапистой пятернёй, – выдрал с лоскутьём его боевые награды, сунул их тоже в офицерский планшет.

Внезапно реактивная струя швырнула его на лопатки. Граната, как малиновый мохнатый репей, прогудела мимо. Вонзилась в каменную глубину первого этажа обвалившегося дома, ярко озарив жёлтым светом прямоугольник окна, словно в доме зажглась праздничная люстра. На грохот-вспышку, как цепные псы в деревне, тот час отозвались вокруг частые беспорядочные автоматные-пулемётные очереди потревоженных русско-немецких постов.

Бляха-муха! Он едва не оказался на пути этой слепящей молнии, этого дьявольского гремучего клубка! Успел отвернуться, упасть, от взрыва, выносившего наружу серный зловонный вихрь. Используя последние секунды, вовремя нырнул в горячий пепел, в тесную темень какого-то закута среди бетонных плит, – счастливо изумляясь тому, что судьба продлевает ему эти секунды.

Выждав время, осторожно выставляя в бетонный проём край танкистского шлемофона, он чувствовал височной костью ледяное дыхание пустоши с размытыми очертаниями руин, в которых, как живые точки, таились немецкие снайперы. Его глаза туманил тугой северный ветер, наполненный кристалликами льда, наждачной пылью развалин, металлической пудрой осколков. Улица, пустая, обставленная обгорелыми зданиями, пропадала вдали. Запорошенная снегом, была испятнана чёрными вмятинами, бесформенными глыбами, от которых на белый саван ложились дроглые тени. Где-то там, за домами-переулками, лежал труп обгоревшего Редькина, застыл в надсадном рывке обезглавленный «Горыныч», валялись трупы штурмовиков, и догорал сбитый гигант Люфтваффе – бомбардировщик Fw 200 Condor.

Вон там, у горящей пятиэтажки, его, перебежавшего улицу, едва не настигли две колючие пульсирующие очереди. Отпустили, полетев дальше, вдоль обитых-облупленных, дырявых стен.

...Ребяков снова рискнул выглянуть, оценить обстановку. В доме напротив, на серой плоскости фасада слабо промерцало. Пули исклевали торец бруса над головой, осыпав его лицо колючим щепём, просвистели у виска и щеки. Повсему, немецкий наблюдатель заметил оживление, дал щедрую автоматную очередь. Андрей сильнее вжался в спасительное узилище. "Да, брат, положение дал твоё ей-же-ей дерьмовое... и это ещё мягко сказано».

В памяти телеграфным пунктиром промелькнули слова жизнерадостного Юрки Редькина: «Не-е, братцы, чой-т не говори, а человек создан для счастья. Особенно наш, советский!... Вот вытряхнем под ленинским кумачом потроха из германского зверья... Вырубим на семи ветрах его волчью шкуру на кремлёвскую стену... Чо б другие боялись... И гульнём за всю мазуту. Это ж сколь баянов порвём, от Карпат до Камчатки! Сколь водки салютнём за Победу! Э-эх, береги жопу Европа, русские идут!

«Человек создан для счастья», как заклинание, повторил Ребяков, ощупывая притулившиеся у пряжки ремня «лимонки», и заключил: «Только вот заковыка, Юрок... выходит счастье не всегда создано для него». «Ну да ничего, ничего, брат, – ободрял себя майор. – У нас ещё будь-будь... откроется второе дыхание! Но уже через секунду, сам же парировал: «Только вот зачастую, оно приходит с последним вздохом».

Он задержал накалённый взгляд на заледенелой жёлто-багряной луже возле себя, – из мочи и крови. Чуть в стороне от неё лежал разбросанной копной красноармеец. Во лбу, под расколотой каской, зияла дыра, будто ему вбили железный костыль. Глаза выпученные, с лопнувшими сосудами, хранили жуткий застывший блеск зрачков. Комбат перевёл взгляд на руки безжизненно кинутые по сторонам, узрел на белом снегу тёмные ногти, как зреющий чернослив, налитые розовой синевой. Перекошенный рот был сведён последней судорогой предсмертного крика. Среди губ, орошённых кровавой пеной, как фиолетовый баклажан, торчал опухший язык. В мутных сумерках, жесткая, что пескоструй пурга, заметала страшное лицо. И ярко багровел в снегу неведомым листом оторванный с шинели сержантский погон с тремя тусклыми жёлтыми лычками.

Выглянув в третий раз, майор обмер. Фашисты подошли ближе, почти на бросок гранаты. На фоне неба, окатисто очертились тевтонские каски, стволы автоматов, толстые луковицы гранатомётов панцер-гренадёров.

Снова промерцало. Пули свистнули близко. Одна из них щёлкнула в металлический рельс, высекла искристый пучок, срикошетила, зажужжала злым шершнем.

«Чтоб я сдох! Обложили собаки... – кошмар окончательно стал явью – несущий смерть. – Вот и п...ец, Андрюша. Нам ли быть в печали?2

Отчаянные мысли заматались в голове, как птицы в горящей клетке. «Да где же пехтура Абрека? Где автоматчики, которых он обещал дать! Раком они у него что ли ползают! Бойцы... мать их в качель!...»

Он будто увидел себя со стороны: жалкого, грязного. Беззащитного... Ни дать – ни взять; земляной червяк под штыковой лопатой. И тут в нём, словно что-то оборвалось. Совесть, превратившись в цепного пса, впиалась в сердце мёртвой хваткой. «Все погибли, а ты жив? Так не бывает. Что доложить комдиву? Как появишься в штабе дивизии и, глядя в его ожидающее лицо, расскажешь о гибели батальона? Как покаяться – повиниться за это?.. Как, вообще, жить с этим ярмом? Мысль о сём была столь же страшной, как и о гибели своих танкистов.

«Судак ты белоглазый... отмороженный! – матом крыл себя Ребяков. – Пр-росрал танковый батальон... Ребят заживо спёк, как каплунов! Нет мне прощения, уж лучше пулю в лоб, чем позор». Эта безумная мысль возникла спонтанно, как чёрт из табакерки. Взорвалась в голове, чтобы прервать непосильные страдания, скрыться от них раз и навсегда. Уравняться

со своими павшими боевыми товарищами и остаться здесь... Лежать с ними рядом на этих расколотых-обугленных кирпичах. «Это я... я торопил и толкал их в пасть смерти. Подставлял под взрывы и снаряды врага... Я их убийца».

... Тут вдруг он приметил в развороченном оконном проёме выставленный наружу мятый раструб речного рупора. Из бордовой горловины, чуть погодя, раздался на ломаном русском бодрый голос:

Ахтунг! Фнимание! Слушай, русиван! Мы точно знать, что ты здесь. Германский командование предлагает тебе почётный капитуляция... Кароший обращение, горячий питание, немецкий сигареты. Ты смелый командир, русиван. Мы уфажать твой смелость. Зер гуд! Мы гарантировать жизнь. Ты окружён! Сопротивление бесполезно. Сдафайся! Мы пришли освободить русский народ от жидоф, комиссароф и колхозных козлоф. Бросай оружие, выходи. Твой война кончен. Не бойся! Мы накормим тебя. Даём три минута на размышление. Потом будем немножко уничтожат тебя. Время пошёл!

Голос пропал, послышался тихий издевательский смех, затем – мёртвая тишина. Эта тишина, будто схватила его за горло железной рукой, сдавила так, что непроницаемая темнота поплыла перед глазами. И в тот же миг каменное лицо его вдруг жалко, по-ребячьи, сморщилось, а в затравленных глазах сверкнули слёзы. Сквозь искрящуюся грань он близко увидел лица своих родных, следом погибших парней-танкистов... и горько зарыдал. Потом с гневом, почти с ненавистью схаркнул: – Что ж, ты, делаешь с собой?! Раскис. Как баба!!

Сгорстив волю, он утёр лицо рукавом, снял с пояса противопехотные гранаты, устроил перед собою для броска. Здесь же, рядом, положил чёрный ТТ.

– У тебя остался одна минута, иван. Здафайся! – снова раздался голос из рупора. И снова злорадный смешок, от которого майор ощутил холодные горошины пота на лбу и шее. Это был смешок тех, чьи фугасы превратили его Т-34, его «Горыныча» в ошмётки летящей стали.

– Сволочи! – Он подался вперёд и, весь каменея от напряжения, каждой складкой своего комбинезона, каждой складкой лица, не ведая, как сам ужасен в своей мертвенной белизне, в своей вымученной отчаянной твёрдости, сказал:

– Осади, не гавкай тварюга! Не по чину выскочил пёс. Ишь загибает паскуда... Брось! Дырка от бублика, вам, а не майор Ребяков.

Бог весть почему, но именно в этот миг ему вспомнился их разговор по душам с комбатом Танкаевым. Вспомнился проволочный волос его жестких усов, внезапно вспыхивающий под вздетой бровью волчий, чёрно-фиолетовый глаз, узкий проблеск белых зубов, и сквозь урчащий рокот мотора «виллиса», его твёрдый голос с характерным кавказским акцентом:

– Гитлер вэроломно напал на Союз... Разрушил наш-ш общий дом, изуродовал жизнь народов. Вай-ме! Оч-чен плохо. Что ж товарищ Сталин взял на себя брэмя восстановить наш дом. Покарать и изгнать фашистскую нэчисть с благодатной советской земли. Вывести из плена изнурённые, порабощённые народы, вновь показат им Солнце, чистое Небо! Э-э, объяснит им, запутавшимся, сбившимся с тропы предков, куда текут их рэки, дует их вэтер. Какие священные имена носят звёзды над их головами... Как называются на дрэвнем языке цветы и травы у них под ногами. Будь увэрэн, Андрей... в этой войне мы победим.

– Думаешь? – Ребяков с сомнением повёл тяжёлым плечом.

– Увэрэн. Ибо наше дэло правое, действуем мы в соответствии с волей отцов и волей нашей мудрой партии... В том направлении, куда смотрят глаза всэх народов Советского Союза, куда нэотвратимо движется история всего мира. Дошло-о?

– Да уж слишком пафасно, комбат, – усмехнулся Ребяков.

– Хо! Зато вэрно.

– Но война-сука... лишена иллюзий. Оглянись! Вокруг кровь, пот, смерть и дерьмо! От наших баб-красавиц одни хребты да лопатки остались, так-нет? Дети, старики, как мухи мрут...

– М-да, это так... Но, что делать, если голод и мор по всей стране тенью ходят?.. Если вся тяжесть войны на женские плечи легла. Мужчины – воины все на фронтах. Всегда так было. Переживём, если все будем вместе, как пальцы в кулаке. Булат в огне куётца, верно?

– Верно. Но закаляется в воде. Романтик ты, Магомед. Люди разные... У всех свой порог, свой предел возможного...

– Я услышал тебя, майор! – обрубил Танкаев.

– Ну и?

– Нэт, брат, – убеждённо, но сдержанно и спокойно возразил Магомед. – Были и есть люди, которые ради святой идеи, вэры, если угодно, идут на эшафот! Не пряча глаз, с гордо поднятой головой. Развэ, у тебя в батальоне мало таких джигитов? Слава Небу! Клянус, у меня – каждый второй.

Глава 2

Alles! Твой время вышел, иван! Sterben!¹

Из развалин показался молодцеватого вида долговязый офицер, в шинели, великолепного сукна зеленовато-серого, с нежным серебристым оттенком, перетянутый поясным ремнём и портупеей, – в браво заломленной назад фуражке. Он был отчаянно молод и не менее того желал быть красивым. Сзади, в трёх шагах за ним, скрипела снегом цепь из двенадцати плечистых штурмовиков – в касках с автоматами на боку. Лица обозлённые, мрачные, наполовину скрытые густой тенью от нависа касок. Шли ходко, но шаги делали короткие, точно сберегали пространство и старались сохранить запас его позади себя. Понятное дело: боялись иванов возможно, державших их в перекрестье своих прицелов.

Но долговязый, похоже, не боялся и самого чёрта. Или только делал вид? Шёл браво, насвистывая, шегольски, с лёгким вывертом хромовых сапог. В руке его небрежно, покачивался офицерский «вальтер». Ствол в отблесках пламени горевших развалин, светился тускло-красным, как неусыпный глаз хорька.

– Да он же пьян...гадёнш! – майор передёрнул затвор ТТ. – Борода густая, да башка пустая. Живым хотят взять сучары. Ишь ты... «Твой время вышел, иван!» – угрюмо усмехнулся Ребяков. – Вр-решь, фриц! Такой пулемёт не пройдёт. В России два соловья на одной ветке не поют. Это для меня Отчизна! Здесь родился жил, умру! Но вам, колбасникам грёбанным...это, один хрен, не прочухать.

Он опять вспомнил ответ комбата Танкаева:

– «Нэисправимый романтик», гаварыш? «Книжки», гаварыш, мне писать? Может быть... после войны и напишу мемуары, Андрэй. Как друзэй теряли...Как фрица били...Как шли с боями...Но нэ тепэр! Я, как и ты, майор, ещё и командир. Клятву на вэрность Родине давал, нашей компартии и народу. И клятву эту...мы обязаны сдэржат, брат! Чего бы нам это не стоило...

Голос комбата Танкаева был твёрд, как кремь. И сейчас майор Ребяков был благодарен ему за эти слова, за этот уверенный, твёрдый, как кремь, голос. Он поддерживал его воинской дух, побуждал к бою, выдержке...Он будто чувствовал в эту роковую минуту рядом с собой крепкое плечо отважного горца и, покусывая кончик опалённого уса, столь же твёрдо ответил:

– Так и будет, комбат! Мы уральцы – тоже горцы...Не волнуйся, брат...Обещаю, Абрек... Баркала² тебе и прощай. Не поминай лихом...

– Fluchen! Hassen! – слух резанула близкая немецкая ругань.

– Schmutzigen affen!.. Russischen schwine!.. – серую сталь касок, пятнистый камуфляж, кожаные подсумки для магазинов МР40, выставленные вперёд автоматы, свирепые лица эсэсовцев, можно было рассмотреть, как штучный товар на толкуне.³

– Halt die kiarre, алрака! – молодой офицер резко оборвал солдат. – Leiten! Sie mich! Schnell! Schiebt auf mein commando...Schnell!⁴

...Ребяков посмотрел на свой боксёрский матёрый кулак, которым валил с ног быка трёхлетку, угрюмо усмехнулся.

– Где мои пять братьев свинцом налитые, смертью пахнут! Я ж вас козлов упёртых по стене размажу. Жопы порвы на свастики!

– Эй, русиван, сдафайся! So ist das leben! Schnell! Feuer!

¹ Сдохни! (нем.)

² Спасибо (авар.)

³ То же, что и базар, рынок (разг.)

⁴ Закрывать рты, идиоты! Вперёд! За мной! Быстро! (нем.)

Автоматы бешено запрыгали в руках штурмовиков, всаживая жёлтое шумное пламя в близкий фасад, заваленный строительным хламом; обкалывая штукатурку, доламывая стёкла, высекая пучки искр из бетона.

Над головой, слева и справа, окружая майора лучистыми блеками, неслись автоматные очереди штурмовиков. Внезапно всё стихло. Немцы

неуверенно, как по минному полю, подошли ближе. Офицер, недоверчиво вслушиваясь в тишину, нервно выкрикнул тот же призыв: «Иван, сдавайся! Бросай оружие!!»

– А на дудке, что в моих штанах, поиграть слабо?! – Ребяков вырвал чеку гранаты. Буркнул под нос: – Эх, раззудись плечо молодецкое! Лови журавля на счастье, ганс!

Первым подорвался долговязый унтерштурмфюрер. Там, где он шёл, рванул клочковатый взрыв, тупой короткий удар. Офицера, будто на батуте, подбросило в воздух и, распашнутая шинель цвета фельдграу, взмахнув широкими полами, накрыла его лежащее, безглавое тело. Следом рухнуло ещё трое эсэсовцев. Они словно споткнулись о красный, дрогнувший на их пути взрыв, оторвавший одному руку, другому стопу, раздробивший третьему голень. Последний скакал на одной ноге, стряхивая с другой свисавшую, как портянка, багровую стопу. Перекошенное адской болью лицо, рвал нечеловеческий крик. Он упал бесформенным изуродованным комом, из которого нелепо торчал обрубок ноги.

Взрыв второй «лимонки» проклокотал вдоль порванной цепи штурмовиков, стачивая-срубая руки и лица, отбрасывая кровавые ошметья в сторону. Штурмовики хватили воздух руками, пятились назад, разбегались с нарастающим воем, падали, под метким расчётливым свинцом танкиста.

...Всё это схватил взглядом отстреливающийся Ребяков, судорожно забывая в рукоятку ТТ новую обойму, не успевая пережить увиденное.

Вдоль дома крадучись пробирались гитлеровцы, уцелевшие в атаке. Быстро переставляли ноги в в укороченных сапогах, стараясь достигнуть подъезда. Майор живо передёрнул затвор, вогнал пулю в ствол. Беря упреждённые, трижды выстрелил в набегавшего. Пули задымились на цоколе, третья нагнала цель, утопила в нём своё раскалённое жало, свалила его в метре от сорванных дверей подъезда. Другие яростно огрызнулись рыжим пламенем автоматов. Пули подняли фонтанчики пыли у шлемофона майора и только. Он поднялся, ринулся прочь, делая крутые петли. Дважды кувыркнулся под очередями в неловком прыжке, тут же вскочил, пробежал ещё десяток другой метров вдоль дома; крыша была сорвана, сквозь горящие балки виднелся угрюмый лик свинцового неба.

...грохоча по брошенным листам кровельного железа, ловко перескакивая через брёвна, поднырнул под обгоревшую поперечину, окунулся с головой в едкую гарь, вырвался из её чадных объятий, загремел сапогами по железным листам, рассыпая вокруг искры.

...Впереди прочертилась чугунная решётка. Приближаясь к ней с каждым рывком, он лихорадочно искал брешь, в которую сквозанёт, как язь в прореху сети...И тут!

– Da ist er! Genommen lebt!!⁵ – пулемётная очередь бросила комбата ничком в снег. Страшная боль в рёбрах пронзила его, едва не лишив сознания. Пистолет выпал из скрюченных пальцев. Сквозь туман боли, словно в ночном кошмаре, он медленно повернулся набок, потянулся дрожащей рукой за ТТ, но тотчас поле зрения залил ослепительный белый снег, оглушительно взревел мотоцикл. Проклятье! Его обнаружили.

* * *

Мотоциклисты резко свернули в его сторону, швыряя из-под колёс колясок изгибающиеся хвосты грязного снега. Андрей увидел обветренное лицо передового водителя. Бурое от ветра, с красными глазами, которые горели раскалёнными углями, под стеклом защитных

⁵ Вон он! Брать живым!! (нем.)

очков, оно пугало хищным оскалом. Фельдфебель злорадно хохотнул, выворачивая ручку газа, и взмахнул крагой, призвав остальных следовать за ним.

...Нога в кованном немецком сапоге с разгону, пыром ударила в поддых красного офицера. Он снова рухнул-покатился по земле, собирая обломки кирпича и бетона. Замер, пронзённый разрядом боли. Некоторое время он неподвижно висел над тёмной пропастью, потом медленно покотился кувырком в пасть Тьмы. Откуда-то доносился грохот разрывов, вой ветра, треск мотоциклов, смех, ругань, немецкие голоса.

– Grobartig! Sehr gut! Аха-хоо! Бравая русская свинья попалась к нам в загон.

– Промах, Зепп, промах! Как Бог свят! Вепрь! За этого краснозадого секача... Нас всех ждёт награда! А, может, и отпуск на Родину, а? – Hoiliger Gott! Ты, Клаус, у дьявола яйца обсахаришь своим языком. Это патока, друг! Сталинград отпускает солдат Рейха... только в могилу.

– Эй, в сторону болтуны! Это моя добыча! Дайте, чёрт возьми, взглянуть на трофей. Хаа! Да он и впрямь здоровяк – ветряная мельница. Кулак кувалда. Удар и отчаливай на тот свет приятель! – лающие голоса эхом отозвались в голове Ребякова. Кто-то рядом тирком продул губную гармошку, но вдруг осёкся, засопел. Не покидая седла мотоцикла, слил избыток выпитого, прямо под колёса своего железного коня, и вновь весело брызнул на гармонику.

Новый пинок по рёбрам вывел майора из полубессознательного состояния. Сквозь красный туман боли, он увидел склонившееся над ним, обветренное лицо того самого фельдфебеля – широкое, налитое тёмное кровью, мясистое, злое.

– Живей дерьмо! Hassen... Scheisse! – мордатый фельдфебель поставил тяжёлый грязный сапог ему прямо на горло. – Mistkerl! Толку от него мало... наших погибших парней, один бес, пивом уже не напоишь. Но я так понимаю: для военной разведки абвера этот клиент ценный... Их спецы выжмут из него всё, глоток за глотком. А коли так, то и нас поглядят по шерсти, чтоб я сдох!

Видит Бог! Эти слова фельдфебеля были пророческими. Пуля снайпера, как злобная хищная птица клювом, вырвала клочок сукна на его мундире. Из груди толчками захлестала чёрно-гранатовая парная кровь. Оседая на землю, с вытянутой рукой, безумными глазами, он рухнул горой мяса на пленного. И тут, за чугунной оградой будто лопнул металлический стержень, жажнула снова и снова пушка советской «сорокопятки». Её подхватила пулемётная очередь и жаркий треск автоматов.

...Андрей видел, как сорвался с седушки мотоцикла водитель, у которого была прострелена челюсть и рубиновой дыре блестели осколки выбитых зубов. Рядом запоздало чавкнула в грязь, сверкнувшая хромом, губная гармошка.

«Так мужики! Так, братцы! Спасибо!.. Дайте им по рогам... Дайте им сволотам проростраться...» – беззвучно шевеля разбитыми губами, торопил приближение своих Ребяков. Метрах в семи снаряд «сорокопятки» накрыл другой мотоцикл с коляской, превращая его седоков в ошмётки и костный пепел, расшвыривая по асфальту и обглоданным свинцом кустам их жилы и ключья одежд.

Verdamnte scheisse! Теперь все думали только о бегстве, как спасти свои шкуры. Пережившие первый шок немцы, скопом, как дрофы, шарахнулись к своим мотоциклам.

– Verpiss dich! Rettet euch!⁶

– Holen sie sich aus diesev Holle!⁷

– Wegriehen! Schnell!⁸

⁶ Спасайтесь! (нем.)

⁷ Прочь из этого ада! (нем.)

⁸ Отходим! Быстрее! (нем.)

Тут и там взрели двигатели. Комбат Ребяков попытался подняться на ноги, но боль гранатой взорвалась в левом боку, где сапогом фельдфебеля были сломаны рёбра. Снова упал, тяжело дыша. Мотоциклы пронесли мимо, рыча, как хищные звери.

– Братцы-ы! – попытался крикнуть он, но послышался лишь придушенный шёпот.

– Братцы-ы! Товарищи... – простонал майор, когда в следующий момент мотоциклы исчезли за поворотом и рёв их трескучих выхлопов быстро затих среди всеобщего грохота боя.

И надо же!.. В этой дьявольской какофонии громов, среди сего крошечного ада, рвущихся бомб и снарядов, он каким-то чудом сумел услышать звон одинокого колокола. Точно такой же...какой слушал когда-то в Тюлюке, что плыл в прозрачном хрустале воздуха над малахитовой стеной Сигальги и, такого же древнего каменного громадьа Иремеля. «Откуда он взялся в этом пекле? Как сохранился? По ком звонит?.. По мне? По погибшим...живым? По нашей Красной армии? По Сталинграду?.. По всей России?..»

А колокол продолжал бить набат, только теперь он казался, где то безмерно далеко, на краю бесконечности...

Он испытал тошнотворное головокружение. Его крепкое сильное, но теперь избитое-истерзанное тело не справлялось, дыхание захлёбывалось, в пересохшем горле бурлил ком боли. Глаза заливал липкий пот. Воля, кою он использовал, как палку, колотила его мышцам ног, по плечам, по горячим сломанным рёбрам, по дрожащему мокрому животу. Он попытался столкнуть с себя тушу фельдфебеля – тщетно. Но воля иссякла, отступила перед страданием униженной, обессиленной плоти.

«Нет! Не могу... умереть вот так! – прикрикнул он на себя. – Я должен выжить. Упредить Абрека о танках фон Дитца! Должен...обязан упредить!»

... «Помоги! Поддержи!..» – умолял он кого-то, кто летел над ним, ослепляя, закатным светом, кидал в лицо вихри колючего ветра.

– Да чтоб тебя... раз-зорвало жирного борова на части! Н-ну же, тварь!..– сквозь липкий пот и размыто-туманный жар он увидел-почувствовал: труп фельдфебеля, подобно могильной плите, наконец-то сдвинулся, а потом всей мёртвой массой скатился с него. – Твою мать!.. Ну и порос...Центнера полтора с гаком...Отожрался гад на даровых колхозных харчах...» Яйко, млеко, шпик!..» – с клокочущей ненавистью прорычал Ребяков. – Всё хорош...отгулялся хряк...Из такого холодца наварить...взвод с голодухи студнем обдрищется!

Отдышавшись, он кое-как перевернулся набок, начал ползти к своим. Благодарил Небо за помощь, за то, что остался жив, что дышит, что видит мир.

Теперь он отсчитывал едва слышные удары колокола, чтобы не позволить сознанию соскользнуть в чёрную пустоту Тьмы.

«Один...два...четыре...семь...десять...» Временами, на несколько мгновений он потерял сознание. Приходил в себя, хватал губами припорошенный мельчайший окалиной снег. Берёг силы. Но гнев, бурливший в его напряженных жилах, заставлял ползти всё дальше и дальше.

* * *

Через четверть часа его, полуживого, подобрали танкаевские стрелки, так и не сумевшие пробиться сквозь немецкий заслон.

...Угостив фрицев свинцом, убедившись, что враг откатился назад, группа стрелков, под началом старшего сержанта Нурмухамедова, выдвинулась вперёд. Следовало узнать, по какому поводу мотоциклисты слетелись, как вороньё на пададь, возле трамвайного депо...

...Группа из пяти человек вышла гуськом из развалин. Впереди на улице, озарённой всполохами разрывов, среди воронок, наполненных тьмой, обломков, объединенных тенью, лежало мёртвое тело. Не видно было лица, бесформенно вяло вытянулись руки и ноги.

– ...и какого рожна... Мы тут ищ-шем, товарищ старший сержант! – боязливо пригибаюсь под свистом шальных пуль, продолжал недовольно брнжать комаром Буренков. – Разве, смерти? – Не ты, а она тебя ищет, чучело, – едко усмехнулся Марат, как вдруг поднял руку.

Бойцы насторожились, ошетинились автоматами. Их командиру Суфьянычу, вроде, как показалось, – «мертвое тело» шевельнулось.

– А ну, Григорич, вперёд! Она к той развалюхе... – Нурмухамедов указал рукой на смятую танком пушку. – Вишь, тело рядом?

– Так точно.

– Вот и спознай, чо к чему. Только тихо! Гляди в оба!

– Да тама одни мертвяки и поганки, Суфьяныч! – нервно хихикнул толстяк. На затылке и шее его бежали мурашки.

– Разговорчики, рядовой Буренков. Топай, «поганка», пока сам не «мертвяк». Одна нога здесь друга там. Ну, же!

Григорич набряк обидой, как губка водой. Обреченно втянул голову в плечи, на полусогнутых понёс своё большое, рыхлое тело вперёд. Он не был уверен, но кажется, кто-то там, впереди, пробежал вдоль дома. Сердце качало не кровь, а ледяную воду.

Бойцы затаили дыхание, ждали... И вот послышался возбуждённый окрик:

– Товарищ старший сержант!

– Тьфу, дурак, мать его чёрт! – в сердцах матюгнулся Марат. – Чо орёшь, ежа рожаешь...

Но Буренков, будто не слышал. Ещё громче крикнул:

– Ну, где ты, Суфьяныч? Подь сюда! Глянь, народ, никак свой. Танкист!

– Да пропади ты пропадом... шайтан разнелюбый! Впился, как репей в свинячий хвост! – снова скрежетнул зубами сержант. – Ай да, мужики! Пока Григорич всех фрицев до кучи к себе не созвал.

Стрелки лязгнули затворами, серыми тенями просочились к депо. Окружили с двух сторон крикуна.

– Цыц, Буренков, мамкино горе... Рот закрой, тепло не трать! – Суфьяныч в лёт, заткнул словесный фонтан земляка. Глянул на лежавшего пластом танкиста, цокнул зубом от возбуждения.

– Уф Алла! Да это ж... комбат Ребяков, мужики! Вот те на-па...

– Точно?

– Точнее не бывает. Оно и ордена при нём...

– А где ж его батальон? Сам без танка... – не удержался Буренков. – Почему?

– По кочану. А ты чо особист? Глаз чо ли нет? Не вишь обгорелый он весь! Ты, мамкино горе, в танке горел?!

– Братцы, воды... воды... – как задушенный, захрипел, пришедший в себя Ребяков.

Ему тот час подали фляжку, чутка приподняли со спины, чтоб было удобней. Он долго дёргал кадыком, покуда не утолил в груди печного зноя. На силу оторвал от разбитых губ фляжку, задрожал голосом:

– Братцы... родные!.. – на глазах его заискрились слёзы. – Чёртовы окояхи... Забросили-позабыли меня тут... Едва не окошел... хорошие вы мои...

– Не спеши, майор, на тот свет. Там кабаков нет.

– Эт... в точку, сержант. – Он растянул в улыбке чёрные от крови губы, глядя на грязных-страшных, и впрямь, как черти болотные, стрелков. – Ну и волк... петуха! Не зря вас фашист боится...

– Вы не краше, товарищ майор. Увидела вас немчура, вот и драпанула со страху! – рассмешил всех Суфьяныч. Но тут же решительно перешёл к делу: – Сколько вас тут осталось? Где ещё след поискать?

– На небе, разве... – Ребяков мотал головой, словно уклонялся в углу, на ринге от кулаков-ударов, чернел в скулах, раскрытым ртом хлипко всасывал воздух. – Один я тут... как Папанин на льдине. Нет больше моего батальона... Нет и прощенья мне...

Нурмухамедов споро скинул с себя плащ-палатку, разбросил рядом с майором:

– А ну, кладите его и мухой в лазарет!

– Не-ет! – сквозь стиснутые зубы прорычал Ребяков. Щёки его сабельным ударом раскроил надсадный оскал. – Сначала... к комбату Танкаеву... упредить надо! Следом... за мной... прут танки фон Дитца... – он хотел приподняться, что-то ещё сказать, но жгучая боль в рёбрах, вновь бросила его в бессознательное состояние.

– Абжандадзе, Лукаш! Подхватили и понесли! Эй, осторожней, не дрова тащите! – прикрикнул на бойцов старший сержант, и голос слабым эхом отозвался в голове Ребякова.

Глава 3

Барон был в ярости! Мотопехота Кальта Бельтера положительно спутала ему все карты, – упустила красного майора, командира танкового батальона.

– Alpack! Nutten ficken! Du gehst mir auf die eier! Именно из-за его инвалидных мотоциклеток с крестинами в люльках... Я вынужден был остановить свои «тигры», чтобы не подавить их, как куриные яйца! Dummkopf! И кто им только доверил ещё лучшие пулемёты в Европе?! Prost! Этому удачу Бельтеру, кажется, что он умнее других. Идиот! Подрезав мои танки своими тарахтелками он что же... Думал удивит? Покажет мне белого дрозда? Или летающую свинью! Scheisskerl! Но это ему просто так с рук не сойдёт! Чёрт с ним, с Бельтером... Я, один бес, доведу начатое до конца. Обойду этих лузеров и выйду к Волге первым на сём рубеже! Чего бы мне это не стоило...

Отто испытал мучительное наслаждение, какое бывает у игрока, срывающего в казино внезапный банк. «Это хорошо. Даже очень хорошо, что иваны утёрли соплю этому ретивому тупице... У меня снова есть шанс. И уж я не упущу его, мой Учитель!»

... Железный Отто действительно был во всех отношениях универсальный солдат, детище нацистского Рейха, и отлично знал с какого конца держать оружие. Но кроме этого, он был ещё и игрок, – удачливый и азартный! Чёрт возьми! Он любил играть со смертью своей и чужой. С опасными витавшими вокруг него таинственными-злыми энергиями, за коими ревниво охотились, которые скрупулёзно изучали в подземных лабораториях сверхсекретные службы «ан энербэ»⁹, под бдительным, всемогущим патронажем самого фюрера.

Эти энергии пропитывали его; пронизывали незримой радиацией ледяные глаза, беспощадное нацистское сердце, сильные тевтонские пальцы,

Рациональный, въедливо думающий нордический мозг. Смертоносные для других, они сообщали ему силу и ратное вдохновение. Вместе с ним крушили врагов Третьего Рейха, в котором он славил жестокий, прилетевший из туманной бездны воинственный Дух легендарной Валгаллы, уничтожавший земной уклад, превращавший процесс разрушения и тлена в невиданный ужасающий апофеоз красоты.

... Он снова, будто играя с судьбой, высунулся из башни «тигра» по пояс. Втянул воздух раздутыми ноздрями. Блеснули зубы. Отто содрогнулся, – он вновь чувствовал Его присутствие – холодное дыхание прямо в лицо. Миг, другой, он вглядывался в клубящийся пороховыми дымами воздух... Вдруг увидел сначала импульсивный лик фюрера. Тот истово цитировал строки из «Михаэля»¹: «... Я надеваю стальную каску, пристёгиваю кортик и декламирую Лилиенкрона. Я вижу руины домов и селений при свете багровой зари... Вижу затравленные, остекленевшие глаза и слышу душераздирающие стоны умирающих. Слышу шёпот мёртвых... Я больше не человек. Меня охватывает звериная ярость. Я чую кровь. Я дико-свирепо кричу: «Вперёд! Вперёд! Верность в верности! Я хочу стать героем!» «К чёрту сомнения! Alles für Deutschland! – Всё для Германии! Кровь и земля! Кровь и честь! Золото отдадим за железо, железо за честь! Зиг хайль! Один народ, один Рейх, один фюрер!» «Расовая гигиена и нацистская евгеника под штандартом национал-социализма, опираясь на железные плечи СС, СД, СА и гестапо – наведут в мире новый порядок. Новой Библией, для оставшихся на земле полноценных народов, будет «Майн кампф»!»

... Старина Вилли на время выключил двигатель «Конрада», и остальные экипажи сделали то же самое. В наступившей тишине они слышали, как ветер с Волги гремит в рваном кровельном железе. Ветер коснулся лица штандартенфюрер фон Дитца, словно ледяные пальцы

⁹ Букв. «наследие предков» (нем.)

¹ Одно из прозаических произведений И. Геббельса. «Михаэль. Немецкая судьба на листах дневника. Рассказ героя-фронтовика Михаэля, об его устремлениях и его русского друга анархиста Ивана Винуровски, почитателя Ф. Достоевского. Повесть написана от первого лица – Михаэля, за которым, угадывается автор, и состояла из откровений Михаэля, из его разговоров с любимой девушкой Гертой Хольк и из диалогов с Иваном.

побежали по его лицу. Глаза Отто вожделенно замерцали. «И как тебе это нравится? – спросил он сам себя. – Неужели мой путь завершён? Или он только начался?..» Казалось, кровь вскипает в его жилах. Он хрипло и отрывисто засмеялся. И тут увидел Его за спиной фюрера. Мастер стервятником над ним, над огненными руинами Сталинграда, превращая их всех в жалких, ничтожных крыс. Его габариты продолжали меняться и плазменно преломляться, как это бывает в ночном кошмаре.

Noiliger Gott! Повелитель, столь же внезапно вновь принял человеческие размеры, быть может, немногим более, чем обычные.

...Барон заворожённо опустил взор и увидел: скрюченные чёрные пальцы-когти придерживали, как марионетку, плечи Гитлера. Это видение длилось секунду. В следующее мгновение вождь истаял в клубах дыма, словно горсть соли в кипящем солдатском котле... И они остались один на один, мистическим образом окружённые со всех сторон незримым, непроницаемым занавесом.

* * *

Глаза Учителя чуть светились, обманчиво, как угли, потухающего костра. Зловещее молчание продолжалось минуту, а, может быть, Вечность. И завершилось низким грозовым аккордом, заставившим Дитца затрепетать.

– Мой ученик, мой любимец, – торжественно сказал Он. – Вот мы и встретились... как я тебе обещал. Твои победы множатся, ставки растут. Скоро тебя произведут в генералы. Время это быстро приближается, Отто. – Голос Мастера стал как раскалённая сталь. Он смотрел на пылающий город, и жуткий лик Его был маской света и тени. – Всё славно, всё превосходно, друг мой, – чёрные пальцы-когти щёлкнули друг о друга. – Надеюсь, ты, помнишь наше соглашение – в оплату за мои услуги, ты должен ускорить падение города! Клика моих слуг голодна, Отто. Я хочу узреть пир на костях, кои не видел ещё мир. Пусть будет больше крови! Больше смертей! Пусть это проклятый город красных вандалов насытится собственной кровью, отпрыгнёт, снова насытится, снова отпрыгнет и снова упьётся кровью! Пусть Сталинград увидит настоящую оргию, достойную Древнего Рима. Пусть легионы Третьего Рейха придут в бешенство, и пусть жертв будет столько, сколько они способны уничтожить. Я наблюдал за твоим решением проблемы с красным майором Танкаевым, Отто. Это не совсем мудро, то, что ты делаешь. Ты, забываешь о силе и мощи, которой обладаешь. Преимущество внезапности скоро может исчезнуть совсем. Действовать надо быстро, следовательно, сейчас. Разве, ты, забыл нашу первую встречу в твоём родовом замке под Берлином?

Все чувства Отто мгновенно напряглись ещё сильнее. Кровь в венах заклокотала. На сей раз, он отвёл взгляд мгновенно, потому что зелёные глаза Повелителя обжигали, как всплеск напалма. Нет, он ничего не забыл. В памяти навсегда отпечаталась та ночь – ночь ужаса и чёрного колдовства.

Глаза Учителя расширились, теперь они сверкали, как горны, и Дитц, едва осмеливался мельком смотреть в эти глаза, опасаясь, что сам превратится в пепел. Стоявшее перед ним Существо зловеще усмехалось:

– Мне нужны новые души, Отто, много душ... Я голоден, невыносимо голоден... – изогнутые когти снова щёлкали, как кастаньеты.

Остекленевший взор барона налился звериной яростью. Казалось, дрогнула и сместилась голографическая пластина, и возникло другое лицо: бледное, со вздутыми желваками и жилами, дикими зрачками, бурно дышащими ноздрями.

– Что молчишь? – в круговерти дымов глаза Повелителя казались раскалёнными добела кругами, впившимися в лицо Отто.

– Werden sie vevbfmmt! Я тоже хочу посмотреть, как войска Вермахта, печатающая шаг, пройдут по Красной площади... Прежде чем мы сотрём с лица земли это гнездо большевизма. Но так же хочу увидеть... и как побегут из их столицы голосащие бабы и сопливые говнюки за Урал, куда их погонят наши моторизированные корпуса и дивизии.

– Bravo! Ответ завоевателя, Отто. Ваш фюрер сделал мудрый выбор, заключив союз со Мной, а не с Богом... Без Тьмы нет Света. Теперь он приносит на Мой алтарь несметные жертвы – кровь и плоть второсортных народов. А я – дарю ему победы. Чем плох наш союз?

Более того, таким образом, он очищает Землю и свой род от мусора, заразы и прочего хлама тупиковых ветвей Человечества. – Наставник замолчал и в тишине рассматривал своего послушника. Лик Мастера был расколот пополам серповидной ухмылкой. – Но и это ещё не всё. Фюрер делает это во благо новой белой сверхрасы, нового мира, который, как водится, рождается в муках, слезах и страданиях, в огне и сере кровопролитных битв. Ты воин своего Предводителя, Отто. Истинный ариец. Один из лучших! Так будь достоин своего вождя. Иди смело вперёд, Отто. Иди и убей своего врага-кровника, сдери с него шкуру. Тебе – его череп... Мне – душу. Ты носитель некоторых моих тайных знаний. Используй то, чему Я тебя научил. Выруби собственную легенду в истории Земли. И твоё имя будет занесено в анналы Нового мира. Нашего мира... Золотом по белому мрамору... – гремуче вещало чёрное Существо – Bete Noire. Но помни! Удар твой должен быть стремителен и внезапен, как бросок кобры.

– Jawohl? Mein Excellence! – заворожённый до мозга костей фон Дитц по-военному вытянулся во фронт, щёлкнул каблуками, чётко выдал девиз СС: – Моя честь – верность. Клянусь!

– Моим именем, во имя Моё, – как и в прошлый раз поправил Мастер.

– Твоим именем, во имя Твоё, – убеждённо повторил Отто.

– Да будет так. Я доволен тобой, мой ученик. Теперь оставляю тебя. Но знай, буду рядом. Час избранных близок...

Повелитель, продолжая страшно усмехаться, непостижимо растворился во Тьме, и лишь улыбка Его, как улыбка Чеширского Кота, повисла в воздухе. Потом и она исчезла... Но вот! Уже за туманным занавесом, который истаебал на глазах, он вдруг увидел Его вновь...

Тело Учителя внезапно начало трансформироваться, увеличиваться в размерах, вытягиваться и темнеть, словно густая вечерняя тень. Лицо стало хищной маской Зверя, жуткие огромные клыки выдвинулись из бордовой огнедышащей пасти. Он вскинул к небу длинные руки, и что-то тёмное разверзлось, прорвав просторные рукава чёрной сутаны. Руки превратились в аспидные кожистые крылья, бьющие по воздуху. Ужасное Существо зашипело и оглушительно рыкнуло на окружающий мир в триумфе победителя, повернулось, дважды подпрыгнуло, как гриф, и грозно взмыло в затянутое дымами небо. Мощные, многометровые крылья с тугим хлопком развернулись, заработали; исчадие ада – с драконьей шеей, шипастым длинным хвостом, с чешуйчатymi когтистыми лапами – на миг зависло в воздухе неподвижно, как громадный цеппелин готовый к атаке. Потом, бросив победный взгляд, на разрушенный объятый огнём город, чудовищная тварь изрыгая из пасти жидкое пламя, понеслась прочь от промышленной зоны, в сторону Мамаева кургана, рассекая косматые гривы дымов глянцевиными чёрными крыльями, сея повсюду ужас и смерть.

...Отто, в оцепенении благоговейного страха, проводил Его полёт восторженным, верно-подданническим взглядом.

Снова испытал жгучий укус Тьмы, наполнивший его горделивой, надменной силой. Небывалое чувство значимости-власти над неполноценным гуманоидным большинством – душило, распирало его изнутри. Презрение – к вульгарной биомассе второстепенных народов, патологическая ненависть к врагам Рейха – зашкаливала. «Расовая теория» фюрера, превращённая в государственную доктрину нацистской Германии была в действии.

«Fin Volk, Ein Reich, Ein Fuhrer!» Отто разделял взгляды тех, кто был убеждён: главная заслуга Гитлера в том, что он превратил расхожий-бытовой антисемитизм в идеологическую и политическую категорию! А потом и в государственную доктрину! Das ist unser letzter Trost. Вот до этого ещё никто не додумался. К чёрту пресные, наивные пассажи о христианском милосердии и гуманизме. Это всё выдумки хитрых и ловких попов, из века в век пудрящих простодушной черни псалмами мозги!»

Gott mit Uns! Решительно ко всем, кроме арийцев – белой нации господ, Отто относился с презрением, откровенно считая их представителей, чем-то вроде поганой «гуммы» – сифилитической опухоли... «Гранулемой» – воспалительного разрастания ткани, на здоровом теле Земли... На вроде тех губительных метастаз, что наблюдаются в поздних периодах сифилиса в различных тканях и органах носителей страшной заразы.

...Разгорячённое сознание само собой повторило много раз прежде говорённые восклицания: «Heilige jungfran! Grobartig! – он с наслаждением повёл одеревеневшими плечами. – Касание Главного Мастера!..» Из всей 6-й армии генерала Паулюса, штурмующей город Сталина, из всех блестящих, верных Великой Германии рыцарских сердец, лишь он один нёс на себе сакральное прикосновение Главного Мастера Тьмы! «Blut und Boden!» – это было за пределом его понимания. Теперь вся его воля-ненависть сконцентрировалась на красном командире Танкаеве, который, как прозорливо указал Повелитель, был кровником и камнем преткновения на его пути. Который в этой великой битве был последним рубежом, за коим его, штандартенфюрера СС Отто фон Дитца, ждала новая возделенная воинская слава, весомый карьерный рост и триумф победителя.

Внутренним иступлённым взглядом он отыскивал своего заклятого врага. Память тут же воспроизвела давно вертевшийся в голове возможный диалог при их встрече; он, словно зритель, увидел себя со стороны.

– А ты смелый, отважный командир...майор Танкаефф...Долго, храбро сражался...Жаль, не на нашей стороне. Многих, очень многих наших, ты, загубил...Друга моего в танке сжёг... Настоящий солдат Рейха, офицер...отличный семьянин и спортсмен был...Но сегодня не твой день. Не твоя победа. Так, что мне сделать с тобой? Убить сразу? Или сначала бросить в лапы военной разведки...где из тебя сделают отбивную?

– Рэж быстрее. Ты, ведь, другого ничего нэ умеешь...

– Ай, ай, ай...Отнюдь, майор. Я умею многое, и ты скоро это узнаешь. Но вот пасть пойманного зверя должна молчать, не так ли? Что? Вижу, вижу...Ты по-прежнему не сдаёшься, майор. Это делает тебе честь. Но вот пасть пойманного зверя должна молчать, не так ли? Что? Вижу, вижу...Ты по-прежнему не сдаёшься, майор. Это делает тебе честь. Но, давай, посмотрим правде в глаза. Сталинград пал. Через день, другой, третий последние фанатики вроде тебя...будут расстреляны на площадях или повешены на столбах. Понимаю, не хочешь смириться с нашей победой, новым временем? Но почему!

– Тебе не понять, немец. Другая кровь в моих жилах, чтоб менять свои принципы. Клятва Родине нэ ржавеет. А с вами...шакалами...мы разберёмся. Красная Армия ещё не сказала своего последнего слова. Не вам одним шкуры дубить. Эй, знай это, немец. – Брось, майор, не та нота взята. Мне завидуют многие. А я завидую волкам...они не так одиноки...Но это лирика. Молись, майор Танкаефф. У меня живые завидуют мёртвым.

– Нэ пугай, фриц. Пуганный.

– Хм...смело, но глупо. Хорошо подумай, майор. Жить-то тебе осталось всего минуту, пока я курю. Может и меньше.

– Цх-х! Дэлль мостугай...гавур! Мнэ жалость твоя, как собаке пятая нога. Но я не собака. Убэй!

– Убью, не сомневайся. Но сначала...с тебя живого шкуру сниму, большевик...И накинута тебе на плечи. Leck mich am arsch. Schmutzigen affen! Prost. Hassen!..

* * *

Рядом с «Конрадом», колыхнув орудием, остановился «Молот Тора» – боевая машина командира 2-й танковой роты штурмбанфюрера СС Дитмара Рейна. «Тигр» невольно замер, выбрасывая из кормы душные шматы угарного дыма.

– Mein fuhrer! Patron! – Дитмар высунулся по пряжку ремня из башенного люка. – Vergammt! Почему не выходите на связь с «Орденом»?

– Что-о?! – перекрикивая мотор двигателя, оскалился Дитц.

– Почему не отвечаете «Ордену»? Вас вызывает генерал-лейтенант Хубе... Срочно!

– Чего хочет этот неумный старик? – не меняя позы, бросил через плетёный погон Отто.

– Не могу знать, штандартенфюрере!

– Но тебе то, что-то приказал Старина Ганс?

– Точно так, штандартенфюрер. Моей роте приказано отступить, равно как и всему вашему ударному батальону, под защиту полковой артиллерии полковника Герхарда Лютце и дожидаться подкрепления!

– Это смешно, mein freund! У русских осталось штыков на плацдарме, меньше чем волос на яйце. Короче, вы не видели меня, штурманбанфюрер, а я вас – не слышал! – холодные, немигающие глаза впилась в командира 2-й танковой роты. И в то же мгновение ему показалось, будто по его языку прошло острое лезвие ножа. Взяв себя в руки, Рейн крикнул сквозь рокочущий разрывами ветер:

– Но мотопехота Кальта Бельтера отступает, patron!

– Плевать на трусов, Дитмар! Ударному батальону СС не пристало пятиться раком назад! Verpiss dich! Какое нам дело до других говнюков из Вермахта, показавших врагу спину! СС не нарушает данную клятву фюреру. стыдно быть такими же подлецами, таким же трусливым дерьмом, как Бельтер! Ему бы следовало поучиться стойкости-смелости у иванов!

– Ваша правда, excellence, – кивнул Рейн, когда сырое дыхание Волги принесло с собой запах солянки и гниения трупов. – Но нами не до конца подавлена их артиллерия, штандартенфюрер. Геройство должно быть с головой, осмысленным и скоординированным, ради...

– Вы утомили меня, Дитмар! Halt die klappe! Соблюдайте субординацию, чёрт возьми! Вы доложите об этом, когда вас спросят! – Глядя на него своими серыми холодными, как куски льда, глазами, Железный Отто сжал кулаки: – Дьявол, у нас опять из рук хотят вырвать нашу победу! Стельку от сапога им, а не лавры!..

– Ваше предложение, patron! – Дитмар Рейн наконец обрёл прежнюю власть над своим голосом.

– Штурм! И брать открытой силой! Да, у иванов хорошие корректировщики огня. Но ещё более – отличный командир.

– Майор Танкаефф?

– Тот самый. Verdammt ihn tausendmal!¹⁰ Да, чёрт возьми! Мы можем повторить судьбу майора Зельдте! Можем! – глаза Отто потемнели, став похожими на чёрный лёд. На железных челюстях напряглись сухожилия желваков. – Но можем и стяжать викторию. Если наш будет свиреп и внезапен, как бросок кобры! – Он с чувством повторил слова Повелителя. На его твёрдом нордическом лице светилась непоколебимая решимость. – Мы выжжем дотла это осиное гнездо! – теперь он отдавал приказы по рации. – Батальон! Делай как я! Идём на прорыв двумя колоннами. Работаем парами по огневым вспышкам артиллерии! Уничтожаем и атакуем по центру! – чётко и зло рубились команды. Скорость движения не сбавлять. Всем экипажам оставаться на связи!

Он бросил рацию в люк, льдисто сверкнул глазами на Рейна.

– Теперь вам всё ясно, майн фройнде?

¹⁰ Будь он проклят тысячу раз! (нем.)

– Jawohl, standartenfurer. Мы свернём им головы и опрокинем в Волгу!

– Ответ рыцаря, Рейн. Beital! Leiten! Sie mich!¹¹

«Тигры» – «пантеры» хищно лязгнули бронёй люков, словно железными челюстями. Взревели моторами, перестроились, разделились и плавно тронулись, качая угловатой бронёй среди обгорелых развалин. Танковые колонны, как две жирных пятнистых змеи, со зловещими метинами тевтонских крестов, поползли к Волге. Вслед за ними, как шумное чёрное воронье, сорвались с мест, наполняя округу трескучим граем, мотоциклы СС гауптштурмфюрера Миллера.

¹¹ К бою! Вперёд! За мной! (нем.)

Глава 4

Из воспоминаний генерал-полковника Танкаева М.Т.

По всему фронту, с севера на юг, вдоль Волги, шёл несмолкаемый бой, и казалось, за развалинами промзоны, какие-то мифические свирепые великаны взад-вперёд исступлённо перекатывали огромные пустые цистерны. Швыряли-пинали их, и те прыгали-катились, мятые, грязные, гулко гроыхая и подсакивая.

Обгорелые, перепаханные воронками чёрные берега продолжали оглушительно рывкать-харкать батареями тяжёлой артиллерии. Железо-бетонное небо, как ледовое поле, расколотое сотнями трещин ледореза, было до горизонта исчерчено длинными дрожащими трассами, ревуших на разные голоса снарядов, которые остервенело вырубали-вырезали в этих стонущих берегах, могильные котлованы; сметали тугим ярым огнём постройки, поднимая над землёй буруны облаков: буро-синих, гранатово-чёрных, ртутно-зелёных, опалово-седых, горчишно-красных – все сто пятьдесят цветов и оттенков смерти.

...Кто хоть единожды видел это, тот никогда не забудет сего ада! На опалённой сетчатке его глаз, как тавро, навсегда выжглись картины этого плазменно-лопающегося кошмара: яростные, захлёбывающиеся собственной кровью под перекрёстным артогнём атаки пехоты, дьявольские налёты штурмовой авиации, пикирующих бомбардировщиков, что железными водопадами ковровых бомбардировок заживо погребали в окопах солдат, центнерами вывороченной, поднятой на воздух земли.

Многострадальная Волга, обожравшаяся до блевотины трупами, упившаяся до безумия человеческой кровью, кипела-бурлила от сбрасываемых бомб. Безумие и ужас!...При форсировании в Волгу входило 25 тысяч солдат, выходило на западный берег – 2 тысячи. Через три дня, безобразно распухшие трупы, всплывали на поверхность и тысячи тел плотно сбитых друг к другу течением, запруживали пойму реки так, что берега и прибрежные левады, на многие километры превращались в гиблые, непроходимые болота.

«...11 ноября немецкие войска начали последнее решающее наступление в Сталинграде. К вечеру части наших советских войск сохраняли за собой лишь три небольших плацдарма на берегу Волги. Около 12 000 человек в районе рынка и Спартаковки; в центре – 600 человек в районе завода «Баррикады»; на юге – 45000 человек и 20 танков.

В течении следующих пяти дней немецкие атаки раскололи 62-ю армию командующего Чуйкова В.И. Советская группировка в районе рынка и Спартаковки, атакована частями 16-й танковой дивизии, сократилась до 300 человек. Советское командование беспокоила и новая серьёзная проблема – лёд на Волге, из-за которого прекратилась переправка войск и бронетехники, никак не укреплялся. Многократные попытки организовать снабжение обескровленной 62-й армии по воздуху окончились провалом – она контролировала лишь узкую кромку земли, и большая часть сброшенных с самолётов грузов – попала в руки фашистов. Тем временем разведка Люфтваффе обнаружила неожиданное наращивание советских войск к северо-западу от города. Это взволновало Паулюса, и действительно поводы для беспокойства были...»¹²

«...однако положение в самом Сталинграде, для защитников города, становилось катастрофическим...Ожесточённый враг раз от разу усиливал давление. Яростные контратаки советских войск сбивали наступательный прорыв 6-й армии, сковывали продвижение механизированных частей, ломали график летней кампании 1942 года, расстраивали реваншистские планы нацистской Германии и лично – Адольфа Гитлера.

Между тем кампания 1942 года по существу была последней возможностью для фашистской Германии нанести решающее и окончательное поражение Красной Армии. К сере-

¹² См. там же.

дине июня 42-го, после поступления подкреплений, численность Вермахта на Востоке составила 3,15 млн. человек, что на 100 тыс. превосходило численность немецкой армии в начале операции «Барбаросса» в 1941 году. Более того в операции 42-го года, которая получила и 3-я румынская армия Дмитреску, а так же Королевская венгерская армия. Эта 2-я армия венгров приняла конкретное участие в операции «Блау» и в последующих боях в районе Сталинграда, где понесла невосполнимые потери: из первоначального состава в 110 00 человек к февралю 1943 года она потеряла 105 000. <...>

Но и это ещё не всё. Советская Россия, как и Царская Россия, в Отечественной войне 1842 года с Наполеоном, билась со всей Европой. В войсках Гитлера воевали, отнюдь, не только немцы, но и отборные дивизии Италии, Болгарии, французский легион, brave бельгийские стрелки, сводные отряды поляков, испанцев, датчан, норвежцев и финнов. Словом история повторялась. И доброты, волков в овечьих шкурах, желавших пожировать, – нажиться на богатствах СССР, хватало с лихвой. Каждой твари по паре – общим числом (помимо немцев) свыше 1,5 млн. касок. <...>

Будущее всей войны было поставлено на карту в битве за Сталинград. Да... Это была самая большая и чудовищная битва в истории Человечества, но и самая главная для Германии, – на триумфальный исход которой были брошены все силы оккупированной Европы, а также поставлена честь Третьего Рейха. <...>

<...> Перед летней кампанией 42-го, в Берлине, обращаясь с напутственным словом к войскам, Гитлер повторил знаменитые грозные слова Катона: «Карфаген должен быть разрушен!» Известно... Пунические войны перевернули ми и всю дальнейшую историю. Уничтожение Сталинграда по злоеющим замыслам фашистской клики так же должно было перевернуть мир и навсегда изменить всю дальнейшую историю. Очевидно, если бы Германия выиграла Сталинградскую битву... В войну тот час бы вступила Турция, с целью захвата богатых нефтяных месторождений Северного Кавказа и Закавказья – Баку. Несомненно, Дальний Восток отошёл бы – милитаристской Японии. <...>

Начальный этап операции «План Блау», как и ожидалось, был сокрушительным. Напор фашистов был страшен. Многие советские части оказались отрезаны от основных сил, а затем и окружены гитлеровскими моторизованными соединениями. К нашей беде, Люфтваффе, как и в 41-м году, практически сразу захватило господство в воздухе, сделав крайне опасным, для советских войск передвижение в светлое время суток. Действительно, немецкое наступление на первом этапе развивалось более чем успешно. «В Сталинграде, в этом городе Красного Дьявола... русские захлебнутся кровавой похлёбкой войны! – иступленно заявлял в Берлине фюрер и потрясал в бешенстве кулаками. – Большевики, эти голодранцы-безбожники, евреи-марксисты! Для освобождения мира от этой проказы надо больше, чем экономическая блокада, политические тюрьмы и концлагеря! Для крестового похода на Восток – *Drang nach Osten*, – необходимы тевтонский Дух, гордость, злость, железная дисциплина, фанатичная ненависть и ещё тысячу раз **НЕНАВИСТЬ!** Наша святая миссия очистить арийский мир от этих грязных свиней, вздёрнуть на виселицу их краснозадых демонов-главарей, а остальной мусор сжечь в доменных печах!»

Безмерно тяжело, горько... Но следует признать, многое из этих чудовищных проектов Берлина, – осуществилось. План «выжженной земли», утверждённый в рейхканцелярии «наци №1», выполнялся неукоснительно, с немецким педантизмом и аккуратностью. Особенно свирепствовали на захваченных советских территориях части СС и карательные отряды сформированные из числа радикальных националистов всех мастей. Смерть и ужас, которые сеяли эти палачи, не поддаются никакой человеческой логике. Тысячи, десятки тысяч до смерти замученных изуверскими пытками, зверски изнасилованных, затравленных собаками, зарубленных, повешенных, расстрелянных, заживо сожжённых в бараках, закопанных в

огромных рвах, утопленных в собственной крови мирных людей! Количество этих незащищенных женщин, беспомощных стариков и детей не поддаются исчислению. <...>

Огромные потери несли наши части и на полях сражений между Доном и Волгой. Мускулы и челюсти железной машины Вермахта были в действии. Так к концу июля 1942 года только один советский Южный фронт потерял 135 000 убитыми-пропавшими без вести и 72 000 ранеными. <...>

Однако вскоре по всему Кавказскому ТВД наступательный прорыв немецких войск угас. Причиной тому было постоянно усиливавшееся сопротивление наших войск, сокращение поставок вооружения-боеприпасов, топлива для моторизованных частей, а так же большой недокомплект в боевых соединениях, который практически в каждой дивизии достигал в среднем 4000 человек.

Гитлер, коий к этому времени потерял интерес к Кавказу, перепоручил командование группой армий «А» фон Клейсту, а сам полностью сосредоточился на операции по захвату Сталинграда.

Надо отметить, этот город магическим образом притягивал немецкие войска и его захват имел для Гитлера, едва ли не сакральное значение. Гитлер был просто одержим этой мыслью. Точно так же и для Сталина удержание города на Волге стало главной задачей. Верховный требовал, что бы город был удержан любой ценой. Тем более что он создавал – в случае потери Сталинграда Москва окажется уязвимой для рокового удара с юга.

23 августа самолёты Люфтваффе начали массированные бомбардировки Сталинграда. Только после первого авианалёта (1000 бомб), в городе погибло более 200 00 тысяч гражданского населения. Это больше, чем погибло в городах Хиросима и Нагасаки, на которые США сбросили атомные бомбы. За два дня 600 бомбардировщиков совершили 4000 боевых вылетов. Расположенные вдоль Волги нефтехранилища полыхали, начались массовые пожары и в самом городе. Во время этих бомбардировок из 600 00 жителей города погибли больше половины.

Да, потери были велики и невозможны. Но именно в Сталинграде закалённые в боях части Вермахта столкнулись с Красной Армией, которая стремительно наращивала свою боеспособность. <...>

Между тем ожесточённые, кровопролитные бои в городе набирали лишь силу. Начавшиеся 4 августа, они продолжались и весь октябрь. Яростные, беспощадные уличные бои без какого-либо преувеличения шли за каждый дом, подъезд, этаж, подвал, чердак... За каждый метр, за каждую пядь земли, за каждый камень обильно политый кровью. Концентрация войск была беспрецедентная – на 4 км – сосредотачивалось до 5-и пехотных и 4-х танковых дивизий! С той и другой стороны обрушивались лавины огня. Воздух ревел моторами самолётов, наносивших чудовищной силы бомбовые удары. Небо и Земля – всё перевернулось вверх дном. Это сражение не зря называют сражением технической эры. Сталинградская битва – это битва машин и моторов. Но и это не всё... Это была битва титанов – Сталина и Гитлера. Битва принципов, битва идеологий, где цена человеческой жизни перестала существовать. В огненной дуге Сталинграда она ровным счётом не стоила ничего: хоть эта была жизнь врага, хоть своя. Ставки командующих, генеральские штабы – интересовала сугубо статистика. А, ведь ещё недавно, гибель даже одного человека принято было считать трагедией!

Идея фикс Гитлера была захватить Сталинград, перерезать Волгу, своими соединениями и сломить дух сопротивления советских войск. Фюрер был изначально большим мистиком, чем Сталин. Он фанатично верил в свою исключительную звезду, посылая на Волгу и Кавказ, почти 2 млн. немецких штыков и касок. «Видит Бог! Под Москвой была случайность... Мы всё равно победим!» – иступлённо повторял он с трибун. – Германский дух, германская отвага и стойкость – неискоренимы!» Надо отдать должное: в течение кампании 1942 года

на Восточном фронте боеспособность отдельного немецкого солдата всё ещё оставалась очень высокой. Большую роль здесь сыграла, несомненно, идеологическая подготовка. Так, в конце весны 1942-го нацистская пропаганда стала наращивать свою активность, чтобы создать необходимую мотивировку для сражавшихся на Востоке солдат. Офицер-воспитатель координировал мероприятие по поддержке морали личного состава, формировал батальонную библиотеку из нескольких сотен новых пропагандистских изданий, а так же организовывал семинары, темой которых были «возрождение немецкого духа» и «неизбежность окончательной победы Германии». Всё это должно было «усилить воинские качества» и принять среди солдат «моральную устойчивость во время кризиса». <...>

Принятие подобных кардинальных мер показывает новую тенденцию в политике Верховного командования, которое стремилось заставить войска эффективно сражаться на фронте, несмотря на испытываемые ими лишения и всё более и более неблагоприятную стратегическую ситуацию. Также постоянно подчёркивалось, что немецкие войска ведут борьбу с «дикими варварами», «недочеловеками», «кровожадными большевистскими ордами», победа которых приведёт лишь к гибели цивилизованной Европы и Великой Германии. И подобная тактика имела временный успех. <...>

День ото дня враг наращивал давление силами свежих дивизий и продолжал фанатично рваться к Волге. Тяжёлые танки шли через цеха, перемалывая трупы и бетон в кровавый рулет. Нам, защитникам своих рубежей, приходилось лежать ничком на земле, как матросам на палубе в шторм. Шквальный огонь врага из всех видов оружия, не давал возможности поднять головы. Сам воздух казалось, был изрешечен осколками, как сеть ячейками. А немцы, не смотря на потери, всё шли и шли. Отбитые атаки сменялись новыми атаками. И нам казалось, им не будет конца. Катастрофически не хватало людей. Даже бойцы из штаба генерала Чуйкова, решительно все стрелки заградотрядов должны были перейти в бой. Мародёров, паникёров, дезертиров, предателей расстреливали без суда и следствия по закону военного времени. Заградотряды создавали, конечно, не от хорошей жизни, но практика их была порой высока и действенна, как у гильотины.

11 ноября 6-я армия Паулюса начала последнее решающее наступление. Расстояние от передовой до Волги было не более 300-от метров. Многие гражданские лица и не только... полагали тогда: победа будет за оккупантами; что они вот, вот сомнут и сбросят наши обескровленные, измотанные, крепко поредевшие войска с крутых берегов в Волгу. Да...превосходство врага в численности и в технике было очевидно. Правда и в том, что кованые сапоги этих элитных, прекрасно экипированных, сытых и обогретых, закалённых в боях дивизий Германии – растоптали всю Европу. Но правда была ещё и в том, что мы были солдаты Красной Армии. В наших обледенелых, бурых от крови окопах, зло и скабрёзно шутили: «...фриц-колбасник совсем оборзел...Смерти не боится гад, пулям не кланится. Вцепился в Сталинград, как хряк в корыто с помоями. Но хрен им в зубы собакам! Пока есть хоть один советский боец – фашист Сталинград не возьмёт».

Большую, крайне важную работу вершили на передовой и командиры-политруки. Тяжёлые ранения, адская боль, страх и отчаянье, – кто в последний момент выслушает и разделит предсмертную исповедь бойца? Кто услышит стон его души? Кто возьмёт на себя труд отправить с огненной черты последнюю весточку родным? Кто успокоит-ободрит искренним словом? Кто поможет добрым советом?.. Что тут добавить?

Многие замполиты-политруки-комиссары по сути исполняли на передовой ту же миссию, кою прежде в армии, из века в век, исполняли войсковые священники. Эти люди делили с солдатом все его самые суровые фронтовые лишения, беды и страдания, равно, как и его армейские радости, боевые успехи, когда на привале, хоть на краткое время, изрубцованную войной душу, оставляли тревоги и опасения...Когда можно было поспать, вдоволь поесть

солдатской каши, покурить и написать на коленке намусоленным химическим карандашом письмо родным. <...>

Политорганы, партийные и комсомольские организации частей и подразделений так же уделяли особое внимание повышению активности воинов, их готовности вступить в смертельный бой с врагом, заботились об обеспечении личного состава всем необходимым, принимали меры по улучшению работы тыловых частей и интендантских складов.

<...> Ежедневная самоотверженная работа многочисленных партийных организаций в тылу и на передовой... Это был наш ответ нацистским наставникам-инструкторам, касательно полит подготовки личного состава, боевого духа красноармейцев, несмотря на тяжелейшие испытываемые ими лишения, бесконечные смерти полковых товарищей и всё более отчаянную ситуацию на фронтах. Как и германское Верховное командование, наше также стремилось заставить войска стойко сражаться с превосходящим, лютым врагом. <...>

Немецкие офицеры-наставники в 6-й армии Паулюса были предшественниками офицеров национал-социалистического руководства, должности которых были введены в конце 1943 года и которые стали главным инструментом политического контроля в Вермахте в течение последних кровопролитных 18 месяцев Великой Отечественной войны. Политическая обработка солдат в духе беспощадного национал-социализма сопровождалась и беспощадной, ежедневной, изнурительной физической и огневой подготовкой. <...>

Наши командиры и политработники Красной Армии делали, собственно, то же самое. А как иначе? Как не вспомнить суворовскую науку побеждать! Его крылатое-бессмертное: «Тяжело в ученье – легко в бою». Действительно, трудно переоценить их кропотливую пропагандистскую, на первый взгляд рутинную работу политвоспитателей. Но без национальной идеи, что является-становым хребтом государства – нет и гражданского общества, а значит нет и патриотически настроенной, боеспособной армии. Ведь армия, как и правоохранительные органы страны, есть точный слепок е общества. Верно говорил в царской России народ: «Каков поп, таков и приход».

Меж тем, подавляющее большинство политработников в войсках, на совесть занималось боевой и политической подготовкой советских бойцов во всех частях и соединениях нашей необъятной многонациональной Родины. Ещё до войны, большинство комсостава РККА, хорошо понимало: сколь близки реальные боевые действия. На пороге новая большая война! Поэтому учёба армейских частей с каждым днём становилась всё строже, всё интенсивнее. Почти каждый день в дивизии из военных округов поступали самые различные приказы, реляции и распоряжения по приведению частей в боевую готовность для отправления на фронт. К выше сказанному, исходя из личного опыта, хочу добавить: коммунисты и комсомольцы, которые обязательно были в каждом боевом подразделении, несомненно являлись крепкой и надёжной опорой наших командиров. Лучшим доказательством этого была сама оборона Сталинграда

В связи с этим на память вновь приходят слова классиков прошлого. «Русский народ вынесет всё, что Господь не пошлёт!» – писал поэт Н.А. Некрасов. Великой Л.Н. Толстой в «Набеге» вопрошал: «Неужели тесно жить людям в своих, данных им Богом, пределах? На этом прекрасном свете под этим неизмеримым звёздным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, ненависти, мщениия или страсти истребления себе подобных?»

Тот же гениальный Л.Н. Толстой в «Войне и Мире» призывал: «Стойте насмерть за правду! Здесь и наше сознание, и наша кровь и сила! Здесь на Смоленской дороге, как нигде русская армия почувствовала несправедливость...»

Вот и здесь, в Сталинграде, каждый пытался хоть последний раз послужить России, своей любимой Родине! А попросту: оставался верен данной клятве, помнил о могилах своих

предков, о родном доме и своём воинском долге. «За Волгой земли нет!» – этот приказ товарища Сталина каждый держал в своём сердце.

«Сталинград будет уничтожен!» – как зловещую мантру повторял Гитлер. «Мы отстоим город или погибнем там» – заявил генерал Чуйков. <...>

Всё было сконцентрировано на одном – отстоять Сталинград. С потерей это архиважного стратегического плацдарма, операция «Уран» была бы не осуществима. Победа в Сталинградской битве – это великое событие в мировой истории, надежда, луч света для всего Человечества. В Сталинграде вопрос был поставлен ребром: будет ли существовать Советский Союз и его народы?.. Останется ли знакомый привычный мир прежним или его ждут виселицы, концлагеря, душегубки, рабство и смерть. <...>

Немцы за дело взялись со свойственной им основательностью и дисциплиной. Это было мощное и беспощадное уничтожение города, после Роттердама и Варшавы. Война в мире руин, пепла и огня...Цель фашистов была очевидна: стереть с лица земли ненавистный город имени Сталина. Но была и другая цель, ещё более значимая, для нацистских бонз Третьего Рейха. Путём оголтелых зверств – достичь слома духа советского народа. Их карательные-штурмовые отряды СС вселяли ужас: жестоко пытали, глумились над пленными красными командирами – отрезали им головы, уши, носы. Гениталии, расчленяли на части, как туши баранов, скармливая сторожевым псам...Их штурмовая авиация сеяла страх и безумие. От их хищных стай темнело небо, снег становился красным, усыпанным чёрными телами людей. «Юнкерсы», «мессеры» ежедневно топили паромы с ранеными солдатами, жёнами и детьми, нещадно бомбили-расстреливали санитарные поезда. На карту поставлено было всё! Враг лютвал хуже дикого зверя – рвал и метал, – пытался сломить дух защитников Сталинграда...Но это у фашистов не получилось. Зверь сломал железные когти-клыки о стальные штыки и волю наших бойцов. И постепенно врагу открывалась страшная правда: они ведут жуткую войну в безнадежном положении!»

Глава 5

Из воспоминаний генерал-полковника Танкаева М.Т.

«Помню, это было вначале августа 42-го, когда войска генерала Паулюса только начали наступление на Сталинград. В мои руки по случаю попал дневник одного убитого офицера Вермахта. Страницы дневника дышали его откровением...Эти свидетельства, на мой взгляд, весьма интересны, характерны, типичны для передачи и понимания того духа и настроений в целом, которые царили тогда в войсках 6-й армии.»

«8 июня 1942 года. Этим числом фюрером утверждено начало генерального летнего наступления – операция «Блау». Наши моторизованный IV корпус под командованием генерал-полковника Йенеке вместе с другими частями армейского подчинения 6-й армии выступает на Восток из района Курска.»

9 июля. Группа армий «Юг» зачем-то разделена на группы армий «А» и «Б». Чёрт знает...Приказы не обсуждаются, начальству виднее. Gott mit Uns – с нами Бог! Gott, strafe Russland! Боже, покарай Россию!

14 июля. Verdammte scheisse! Проклятье! Мы затеряны в безбрежной прорве степеней. Это какая-то азиатская баня! Стоит дикая жара – 40 градусов. Всех нас терзает когтями дикая жажда. Мы опасаемся пить воду из колодцев. Всюду флажки! Санинструкторы предупреждают: «Achtung! Брать воду запрещено! Источник может быть отравлен партизанами». Но мы всё равно берём и пьём, чтобы охладить радиаторы машин... чтобы не сдохнуть самим в этой раскалённой степи.

16 июля. Колонны техники, наших моторизованных пехотных дивизий растянулись из горизонта в горизонт, с Запада на Восток. Зной по-прежнему нестерпим. Prost! Не знаю, сколько градусов в этой дьявольской пустыне: 40, 50 градусов или больше! Знаю только, что зной непрерывен, безнадёжно ровен и глубок. Пыль стоит жуткая. Солнца не видно. Но мы чувствуем его...Оно рядом, над нами. Оно так огромно, так огненно и страшно, что кажется, будто земля приблизилась к нему и скоро сгорит вместе с нами в этом беспощадном огне. Спасаемся только ночью. Fich dich! Это действительно страна Красного Дьявола. Ей нет ни конца ни края!

18 июля. Сегодня купались в какой-то маленькой речке. Какое счастье! Мне казалось, мы вычерпаем её до дна нашими касками.

Baumstark! Нам всем снова хочется жить и побеждать. Преподать урок дикарям, установить свой мир и порядок в новой германской колонии. «Господин мира должен иметь колонию не за «семью морями», а у себя под боком, на том же континенте!» – напутствовал нас фюрер. И мы, легионеры Тысячелетнего Рейха, готовы исполнить священную волю нашего триумфатора. Но где же кровожадные варвары? Когда мы сцепимся с этими большевиками и выпотрошим им кишки, как тунцам. Zuk Holle fahren! Чертовски хочется боя! Но туземцев покуда не видно, хоть лопни!

19 июля. Мы продолжаем движение на Восток. Наш корпус находится где-то в середине этого половодья машин, касок и артиллерии. Идём тремя колоннами. Нас то и дело обгоняют всё новые и новые эскадрильи Люфтваффе. Серебряные крылья Рейха! Гордость и слава Германа Геринга. Счастливыцы! Быстрые, свободные, беспощадные, как ястребы. Мы пехота завидуем им, как дети. Дьявол, эти крылатые бестии первыми доберутся до мифической Волги...Сделают дело и оставят нас без Железных крестов и наград. Ficken butsen blasen! Что за наваждение! Порой мне кажется, что наша летняя кампания...это и есть Крестовый поход немецких детей...И все мы, как бараны, пылим гуртами на бойню к усатому людоеду Сталину...Verdamm ihn! Nonsens! Будь он проклят... Привидится же такое!

Мой приятель из маленького городишка Рейдте, что на берегу Рейна, – капитан МАКС Россбах подсмеивается надо мной и шутит:

– Всё потому, майн фройнде, что под тобой давно не было ретивой ведьмы. Да, да... Тебе необходимо снятие спермотоксикоза. Короче...твой фитиль между ног...надо затушить в знойном огне её преисподни.

– Думаешь?

– Уверен. Поскачешь на какой-нибудь русской девке и всё будет в полном порядке. Alles, gut.

Хм, может, Макс и прав...И мне действительно следовало бы раскатать на перине какую-нибудь грудастую Машу, может быть...Но мне почему-то, кажется, тут всё гораздо сложнее. Что эс, время покажет...

20 июля. Бивак у сожжённой деревни...Мы прочёсываем «дфоры» и «испы» иванов. «Карашо», «фесело». Я выучил несколько слов на варварском языке – забавно.

Фельдфебель из моей роты Христоф-Август, по прозвищу «Ави», притолкал под автоматом ко мне местную девку, лет пятнадцати.

Bitte, герр лейтенант, как приказали...русская фройлян. Зер гут! Кровь с молоком. Есть на что посмотреть, за что подержаться. Хай-хо! Будет, что вспомнить за пивом, герр лейтенант. Правда злющая сучка! Палец мне прокусила тварь, пока волок её за волосы к вам. – Он потряс окровавленным пальцем и грубо выругался, сверкая глазами. – Russisch fotze! Halt die kiarre, mist stueck! Halt, schickse! И говорит комсомолка, герр лейтенант.

– Почему осталась? Не ушла со своими?

– Из-за больной матери и младшего брата, герр лейтенант.

– Vielen dank, Avi. А теперь оставь нас одних.

– Jawohl, мой командир.

...Да простит меня несравненная невеста Хельга из Бремена... Но на войне, как на войне...Так вышло. So ist das leben.¹³

Verdammt! Наивный Макс...Нет, дружище Россбах, дело, конечно, не в спермотоксикозе, а в душе... За этот день я дважды отвёл страсть, но дерьмовые мысли никуда не ушли, так и жуужжат в голове...И жалят, жалят душу, как осы... Что же до русской девки...Фельдфебель «Ави» прав. Bravo! Славный был amisiermatrtze¹⁴. Русские бабы – что надо! Мои парни тоже довольны. Право, они не хуже наших...В этом вопросе я не согласен с нашими умниками из «Национал-социалистиче бриффе»¹⁵ На эту тему не разделяю и отцов-основателей, что стояли у колыбели национал-социализма. «Ведь, без женицын и свет нам не мил!..» – сказал поэт. Впрочем, с таким «калибром», как говорят у нас в войсках, не спорят – иткоттен¹⁶.

...После обеда много болтали о местных туземцах, то бишь о славянах. Все соглашались с доктриной Геринга, Гиммлера, Геббельса, Бормана, Риббентропа, – стоявших в первой пятёрке нацистских вождей, которые шли вослед нашего фюрера. Ключевая программа в политике национал-социализма сводилась к простым и понятным инструкциям для каждого немца. А именно: на территориях оккупированных германскими войсками производятся санитарные чистки, и устанавливается немецкий закон. Русские, украинцы, белорусы, а так же все примитивные народы Кавказа и Средней Азии должны были стать «иллотами»¹⁷. Их животную плодовитость предполагалось строго регламентировать, на корню уничтожать неполноценных выродков; не допускать лечения заболевших, здоровых детей «эффлин-

¹³ Такова жизнь. (нем.)

¹⁴ Букв. «развлекательный матрас»; соковыжималка (нем.)

¹⁵ Один из одиозных журналов Рейха, теоретич. орган нацистов, издавался в Берлине идеологом «расовой теории» Штрассером.

¹⁶ Будешь убит (нем.)

¹⁷ Рабами (греч.)

гов»¹⁸, «шретлингов»¹⁹ учить лишь латинской азбуке, правилам сложения и вычитания, уличного движения, а так же беспрекословному подчинению своим новым хозяевам. «Культурный слой», любые активные элементы следовало уничтожать в зародыше».

Как Бог свят! Jedem das seine! Каждому своё! Разве, с этим поспоришь? Так было со времён сотворения мира. И так будет. То, что позволено Юпитеру, не позволено быку».

21 июля. Продолжаем жариться у той же деревни. Приказ стоять до подхода XIV танкового корпуса генерал-лейтенанта Хубе и моторизованных дивизий генерала Гейтца, отставших по причине отсутствия бензина. Fluchen! Ох, уж этот Новый Тысячелетний Рейх с его старыми болезнями интендантской службы!

После обеда слушали дивизионного пропагандиста-наставника господина полковника Ульриха Зейссера. Энергичный занятый тип! Вот уж кто знал на зубок всё богатое наследие незабвенного Карла Мая, решительно всё о «расовой теории», о «золотой эре арийского господства»... Более чем о «еврейской заразе», «еврейских насекомых-вампирах», о «немых безбожниках-большевиках» и «сталинских комиссарах».

Странно вот только нам: почему такой уникальный человек Ульрих Зейссер, служит в частях Вермахта, а не в элитных – СС! И куда только смотрят вездесущие агенты Рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера? Таких головастых-спецов, преданных партии, Рейху следовало бы ценить и держать возле себя, а не в окопах искать смерти. Кстати, герр полковник Зейссер был, отнюдь не рохля, не какой-нибудь там отварной картофель. Имел два Железных креста за отвагу, ранение в грудь, и при необходимости всегда мог промыть мозги зарвавшемуся или нерадивому солдату... По-свойски натывать рылом ...и напомнить: что солдатский котелок не свинячье корыто, и моется, как и обеденная тарелка с двух сторон. Но и это не всё! Толстяк Ульрих Зейссер был ещё и непревзойдённым знатоком-толкователем программного, фундаментального труда фюрера – «Майн кампф». Который, нет слов, знал наизусть и, хоть при лихой бомбёжке, хоть ночью подыми по тревоге, – мог без запинки цитировать сей труд с любой страницы...впрочем, как и невероятные приключения легендарных героев Мая – Олд Шеттерхэнда и вождя апачей Виннету, что нас особенно радовало. Ведь эти бессмертные, солнечные герои были из нашего детства, как и всеобщий кумир Германии – Адольф Гитлер.

...Когда мы ещё лежали в колыбелях, – Виннету и Шеттерхэнд уже скакали на быстрых мустангах по страницам романов Карла Мая, стреляя и убивая всех, кто вставал на их праведном пути.

Воевал в это время и Гитлер – в его судьбу вмешалась сама история – 1 августа 1941 года началась Первая мировая война. И будущий фюрер воспринял её с восторгом. Став добровольцем, он протрубил в окопах четыре года, едва не ослеп в одной из химических атак; был тяжело ранен. До офицера не дослужился, зато получил не только медаль за ранение, но и орден Железный крест 1-го класса.

Кстати, полковник Зейссер говорил нам, что читал некоего литератора-политэмигранта Клауса Манна. Дескать тот целкопёр утверждает в своём пасквиле: «Третий Рейх – есть посмертный триумф Карла Мая». И рассматривает воздействие его книг на умы немецкой молодёжи как тлетворное: «Май отравил сердца и души прославлением откровенной жестокости». Что его главный герой – Олд Шеттерхэнд на страницах романов постоянно ссылается на Библию, якобы дававшую ему святое право истреблять пачками представителей неполноценных рас, и фюрер неоднократно высказывался в том же роде...Что неоднократно цитирует в «Майн кампф» якобы последние слова своего любимого писателя: «Человек человеку волк», «Если ты силён – всё дозволено», «Нет ничего святого», «Победа! Великая

¹⁸ От немецкого слова «обезьяна».

¹⁹ От немецкого слова «леший».

победа! Мир предстал передо мною в новом истинном свете!» «Жизнь – жестокая борьба!» «Смерть за Германию – это Победа!» «Я живу для борьбы!» «Я умру для Победы!»

*Что ж, может и так... Да только что в этом плохого? Если наш Май и наш фюрер включены народом в триумвират ключевых персоналий немецкой истории? *Lesz mich am arsh!*.. Этот недоделок Клаус Манн! Мало ли кем может восхищаться, кого цитировать наши вождь! Всех этих трусливых пачкунов, врагов Рейха должна ждать в Германии виселица или печь крематория! *Scheisse!* Попадись мне этот Манн... Лично бы выгрыз ему кадык своими зубами. *Verpiss dich!* Икнуть не успел бы тварь... С одним мы были согласны. Гитлер сумел сделать смерть делом обыденным. По дороге на Восток мы видели тысячи трупов и чёрные тучи мух, звенящих над ними. Со временем мы привыкли к этим картинам и запахам. «Властелины мира не должны быть чувствительными и сентиментальными. – Говорит фюрер. – Война должна сама себя оккупать: кровью, смертью, награбленным и захваченным у врага! Мусор на земле должен быть убран. С этим вряд ли кто будет спорить. Немецкая чистота и Новый порядок спасут и навсегда изменят старый прогнивший мир».*

Бабы обоего пола трезвонят на все голоса: «Богатства Гитлера! Сокровища нацистов Третьего Рейха – прокляты! На них гибель миллионов людей!» Но это вопли слабых, – раздавленных сапогом Вермахта. «Писк мыши в амбаре, из которого хозяин вынес зерно...» – как говорил великий Кант, в адрес метафизиков – ярых своих оппонентов. «Жизнь – это жестокая борьба!» – как тут опять не согласиться с «Майн кампф»!

«Наш Ади¹ – гений! – приходя в полный восторг, не забывал напоминать нам куратор полковник Зейссер. – Наш «богемский ефрейтор» – это Миссия, спаситель мира! В мгновение ока Он изменил состояние упаднического духа немецкого народа... То обстоятельство, что Германия родила в свою самую чёрную-тяжкую годину Гитлера, божественное свидетельство её живучести». «Гитлер – честный, прочный винтовочный шомпол, железный солдат с открытым сердцем ребёнка!» Внемлите! Его утверждения чисты и совершенны, как грани горного хрусталя: «Главное не экономика, не благосостояние народа, главное – идеология, дух! И тут всё логично. Где лучшие всего закаляется дух? Нет! Не в мягкой постели, не в обстановке изобилия и радости, не в сытости и праздности... Но в борьбе! Борьбе вооружённой, в экстремальных условиях. Лишь в вечной борьбе человек стал великим, – в вечном тепличном мире он гибнет. Самый храбрый и дисциплинированный получает, как фаворит Природы, право на существование, на господство...»

¹Одно из ласковых прозвищ Адольфа Гитлера среди немцев, по аналогии с Наполеоном I, которого французы между собой по-свойски называли «Бони».

*Сильнейший должен властвовать, а не миндальничать и сюсюкать о пагубном милосердии, не растворяться в более слабом, жертвуя собственным величием и достоинством! Стало быть, кто хочет жить, тот борется с оружием в руках! А те, кто не хочет вражды в этом мире, кто не желает сражений и побед, не заслуживает жизни. *Verpiss dich!* Даже если это жестоко... это так, а не иначе!» «Помните! Человек гибнет не в результате проигранной войны, а из-за потери сопротивляемости, потери рыцарского, бойцовского духа – качества, которые присущие лишь чистой крови. Однозначно всё, что не является хорошей расой на этой земле, – дерьмо и отбросы! Не «беззубая красота», но «железная воля и сила» спасут мир.*

*22 июля. К вечеру подошёл танковый корпус генерала Хубе. Дрожь земли от грозных многотонных машин мы ощутили сквозь подошвы своих сапог задолго до появления его бронированного авангарда. *Heilige jungfran!* Его танкисты ей-ей похожи на чёрных чертей из адава пекла. Теперь сообщая ждём моторизованные дивизии Гейтца, – приказ командующего 6-й армии. Скуку и серость в наших рядах продолжает разгонять толстяк Ульрих Зейссер. Похоже, полковник мог цитировать фюрера от рассвета до заката.*

Mein Gott! Что и говорить! Мы восхищались этой ходячей энциклопедией – Зейссером, у которого в нашей дивизии была убедительная кличка «Глобус».

...Вот и сегодня, у бивачных костров, возле грузовиков, мы плечо к плечу, слушали его, открыв рот. «Глобус», нервно дергая щекой, методично, как бетонную сваю, вбивал в наши головы, кто именно на европейском континенте является «отбросами и дерьмом».

Бесспорно: цыгане, жидаы и славяне. Отсюда следовал запрет фюрера на смешанные браки, выведение «чистопородных немцев».

– И наконец, последняя и особо важная тема «Майн кампф», которую вы обязаны выжечь в своих сердцах! – Зейссер звонко щёлкнул гибким стеклом по плотному голенищу своего безупречного сапога. – Это улучшение расы и порабощение низших рас. Для создания более высоких культур на Земле, понятно требовалось наличие народов низшего сорта. И такого «сорта»...и в германии, и на европейском континенте, оказалось что грязи! Как Бог свят! Первая культура человечества основывалась не на приручении животных, а на эксплуатации низших сортов людей. Только после порабощения покорённых рас подобная судьба ожидала и животных! Ибо сперва плуг тащил тупой раб, и лишь потом – бык или лошадь...Теперь вопросы! Ну, ну смелее, господа! – полковник чиркнул зорким взглядом по лицам собравшихся. В эту минуту он был похож на хищную птицу. На большого нахохлившегося коршуна на столбе, который ухватил когтями окровавленную добычу, вытянул вперёд голову с отточенным клювом и решал: продолжить ли драть сочную плоть или сорваться со столба и полететь к далёкому берегу. И нужен лишь хруст сучка, резкий жест, чтобы подтолкнуть его к взлёту.

– Ну же! – Зейссер жёстче ударил стеклом по голенищу.

– А что же русские, герр полковник! Если мы так несокрушимы...Какого дьявола иваны не выбросят, как чехи или словаки, белый флаг? – выкрикнул с борта грузовика занозистый лейтенант Крибель.

Его дружно поддержали громкие голоса из других рот. Куратор, похоже, не ожидал такого поворота. Но он был тот охотник! Знал, где сидит фазан, знал и как его взять на жаркое. Ведержал паузу и пуце прежнего обрушился на стоявшие перед ним штурмовые роты:

– Стыдно! Стыдно, господа, задавать такие вопросы! Порой мне кажется...я веду беседы не с легионерами просвещённого Рейха, а с непробиваемыми тупыми касками. Молчать! Стыдно, господа! А более стыдно перед Берлином, коий доверил таким, как я, доносить до вас – надежды Германии на Восточном фронте, – идеи непогрешимого фюрера. Но вы меня из терпения не выведете. Что-о? Да, однозначно! Кхе-кхе...Фюрер всё предусмотрел: и спаривание на научной основе, и стерилизацию эффлингов, и депортацию, а также штрафные лагеря для выблядков леших и обезьян...Но сейчас не об этом...Да помолчите, чёрт вас дери, лейтенант Крибель. Да, да, да!! И практика гиммлеровских концлагерей, и душегубок и крематориев...Кхе-кхе... Но сейчас не об этом!.. СД, СС и гестапо – держат руку на пульсе... Всё под контролем, Крибель! Wenn ich bitten...Halt die Kiappe!!²⁰ Я неоднократно останавливался на проблеме селекции нации прежде, повторюсь и теперь! Рейхсканцлер не раз говорил с самых высоких трибун: «Национальное государство обязано считать проблему расы центральной проблемой своей жизни. Только так! Оно обязано пещься о чистоте расы...Заботиться о том, чтобы только здоровые белые люди зачинали детей...» Величайший позор и расовое преступление рожать цветных даунов и уродов от спаривания человека и обезьяны. Ну, а если последовательно всё время производить спаривание, то и народится избранный «фюререский» слой! Так: нордическая раса, чьим знаменосцем мы – немцы являемся, творит всё самое прекрасное и ценное! Еврей же олицетворяет зло, порок и неполноценность...

²⁰ Будьте любезны...Заткните наконец свой рот! (нем.)

– Это понятно! С этим никто не спорит... Но русские! *Verdammtn sie!*²¹

– Хватит, герр полковник! Одни и те же яйца без лука – надоело! – из первого ряда пехоты поднялся бывалый офицер. – *Di gehst mir auf die eier!* Расскажите нам ещё байку о том, что иваны похожи на маленьких дикарей с луками-стрелами... Да, будь я проклят! Которых нечего бояться! Что их дикая свирепость не природная суть, а лишь досадный просчёт воспитания. *O-la-la!* Стоит таких голожопых сорванцов поймать за руку, выпороть ремнём... и проблеме конец!

У танков и бронетранспортёров послышался издевательский смех.

– *Bravo, Lance!*

– *Vielmehr reiben wir uns die ohren!*

– *Genug von geschichen uber «gute» Ivanov!*²²

– Хватит сказок! – в сторону «глобуса», что камни в стекло полетели хриплые голоса.

А бравый, одноухий капитан Рудольф Ланс, награждённый за Смоленск Рыцарским крестом с дубовыми листьями, насмешливо продолжил:

– Ещё скажите, герр полковник, что после немецкого ремня, русские будут плакать!.. А позже будут готовы лизать нам сапоги?

– *Genau so! Die zeh buddy*²³, – невозмутимо парировал Зейссер, заложил большие пальцы рук за ремень и по-хозяйски прошёлся туда-сюда:

– Особенно, капитан, если ремень будет с железной пряжкой! Страх помноженный на страх – сделает своё дело! Дикарями следует управлять, как дрессированными животными... Да! Сделать из них собак, которые лают, но не кусаются. *Well! Was halten sie diese ginge, kapitan Lance? Kuhner!*²⁴

– Думаю... у нас... вряд ли это получится, господин полковник.

– ? – Зейссер в недоумении приподнял брови под лаковым козырьком фуражки. Глаза налились мрачным свинцом.

– У иванов, с вашего позволения, есть поговорка: «Сколько волка не корми...

– волк всё равно смотрит в лес»? – Глобус артистично щёлкнул пальцами.

– *Genau so, mein colonel*²⁵, – отчеканил Ланс. – По мне так иваны и есть те волки.

– *So? Das ist interessant. Gut, gut, gehen, Lance,*²⁶ – куратор задержал свой тяжёлый бульдожий взгляд на офицере.

– В русских нет собачьей сути. Скажем, как у спесивых поляков, изворотливых евреев, продажных чехов, трусливых румын, – что, впрочем, всё едино... Русские вольные... привыкли жить без чужого ошейника.

– Хм, ваши предложения? – стек нетерпеливо защёлкал по начищенному голенищу.

– Чтобы сохранить овец, волков отстреливают, не так ли? Убеждён. Всё население Советов, в первую очередь мужское – подлежит уничтожению.

– А вы кровожадны, дружище.

– не более чем вы, герр полковник... или наш фюрер. Залп победы Вермахта в Сталинграде... – будет залогом спокойствия для наших потомков.

– Браво, капитан! Ответ чистокровного немца. Ответ викинга. Да будет так!

Собравшиеся стрелковые-пулемётные роты взорвались криками одобрения и рукоплесканий.

²¹ Будь они прокляты! (нем.)

²² Bravo, Ланс! Довольно нам тереть по ушам! Хватит сказок про «добрых» иванов! (нем.)

²³ Точно так. В десятку, дружище (нем.)

²⁴ Ну! Что думаете по сему, капитан Ланс? Смелее! (нем.)

²⁵ Так точно, мой полковник. (нем.)

²⁶ Вот как? Интересно. Ну, ну, продолжайте, Ланс (нем.)

– Спокойно! – Зейсер властно вскинул руку со стеклом, словно в ней был тевтонский меч. – А теперь заключительный аккорд, который, надеюсь, окончательно промоет ваши мозги... И поставит на полку то, что ещё не поставлено.

У машин взялась вязкая тишина. Солдаты и офицеры явственно видели, как нервно щёлкает щека полковника, как пульсирует сизая жила на его лбу. С невольной неприязнью смотрели на крупное, с хищно загнутым носом лицо «Глобуса», по которому, как тёмные молнии, металась конвульсия гнева.

– Вы говорите: «русские!» «герои», «храбрецы»... Да они тупые животные! Скот для работы и бойни. Приглядитесь получше к их рожам! Чем дальше от цивилизованного мира обитает варвар, тем он более дик, туп и упрям. Опыт Вермахта на Восточном фронте... тому порука. Русские наиболее свирепы, несговорчивы и опасны для всего цивилизованного мира.

– *Entschuldigung, excellence!*²⁷ Но это их страна, герр полковник. Они... защищают свою землю. И защищают яростно, отважно... героически, не побоюсь этого слова:

– А стоило бы, капитан Ланс... Напрягите мозги! Разве поганый эффлинг может защищать своё вонючее гнездо героически?.. «Яростно» – да! «отважно» – допускаю. Но «героически» – нонсенс! Эти краснозадые обезьяны с гранатой в руке, со Сталиным в башке – действуют исключительно на животных инстинктах, защищая свою территорию, свои «избы», «землянки», «пещеры», своих грязных самок и вырожденков, как зверь своё логово и потомство. Мы – идеологи Рейха, пропагандисты национал-социализма отлично знаем эту «коммунистическую модель» – «стадного рефлекторного поведения»... Да, да, господа: во многих её вариантах – грубых и изощрённых... Право, эта модель намного старше тёмных средневековых процессов – «охоты на ведьм». Она соответствует магическому сознанию троглодитов, кое ищет выхода с помощью массовых человеческих жертв – большевистских репрессий... Но это уже либеральная философия яйцеголовых. К чёрту марксистские дебри... Этот хитронырый, злобный и душный иудейский каббализм с кумачовой петлёй на шее. *Verfluchten jüden! Verdammten kommunisten!*²⁸ Эта тема по адресу концлагерей и зондеркоманд СС... неторопливых дознаний с пристрастием в «прачечных» гестапо. Нам же – легионерам Тысячелетнего Рейха, стальному шлему и мечу Великой Германии... дана фюрером другая универсальная модель – простая, но гениальная, а главное необременительная для понимания широких национал-патриотических масс. «Сожги жида для мамы!» «Пристрели славянина для папы!» «Задуши коммуниста для фюрера!» «Вместе – очистим наш Дом от паразитов!» «Германия – для немцев!» *Jedem das seine!*²⁹ Чего прощай?! – в оловянных глазах Зейссера стучал фанатичный всепожирающий огонь. – «Убей или Умри! – учит нас фюрер, а вместе с ним: Гегель и Дарвин, Ницше и Шопенгауэр, Фрейд, Май, Шпенглер, гаусгофер, Кьеллена и Хасе! И его непогрешимый «Майн кампф» – это чёткая программа к действию!

Секунду, другую у наших танков и грузовиков стояла мёртвая тишина. Слышно было, как в железных корзинах трещали бивачные костры, увлекая за собой в звёздное небо летучие космы, сыпучие ворохи огненных светлячков. Все мы сидели-стояли лицом к этому огню. Краснели молодые лица, радостно блестели глаза. Огонь бушевал, швырял алые языки, взрывался изнутри белыми молниями, ширился, пожирая поленья и сучья, накалялся... И нам казалось, что это священный очистительный огонь, который германский солдат, на остриях своих штыков несёт старому миру. Над нами качались вершины редких сосен, раздвинутые багровым светом, будто кто то огромный, незримый ходил по лесу и шевелил вершины деревьев.

²⁷ Простите, екселенс (нем.)

²⁸ Проклятые евреи! Чёртовы коммунисты! (нем.)

²⁹ «Каждому своё»; лозунг нацистов на воротах Бухенвальда.

Прогорела ещё минута и вдруг наши стрелковые, танковые роты взорвались бурными аплодисментами-восклицаниями:

*– Colonel, bravo! Goldene worter!*³⁰

– Gott ist mit uns!

– Fur Fuhrer und Faterland!

– Du bist der beste Ulrich! Weiter so!..

*– Wir warden gewinnen! Wird un seve weit unter der ferse sein!*³¹

Когда возбуждение стихло, Зейссер снова взял слово:

– Непобедимые солдаты Рейха! Надежда фюрера и всего цивилизованного мира! На ваш Крестовый поход на Восток, на ваши дивизии и танковые корпуса ныне возложена великая миссия – очистить мир от большевистской чумы. Вам элитным частям и соединениям 6-й армии оказана великая честь – быть стальным кулаком, теми железными клещами, которые уничтожат красных бесов и освободят благословенные земли для благородного германского плуга!

Солдаты фюрера! Вы лучшие воины в мире, которых когда-либо видело Солнце! Непреклонная воля нашего вождя направила вас сюда, в бескрайние степи диких гуннов, сарматов и скифов, чтобы исполнить священный долг. Да, многие из нас падут в предстоящей битве и не доживут до Победы. Но мы, потомки Зигфрида, поклянемся, что во имя Великой Германии нам не жалко и жизни! Это последняя ваша битва. Помните, на вас сегодня обращены тревожные взгляды всего свободного, белого мира! Верю, – у нас всё получится! Так будем железным кулаком Возмездия! Blut und Boden!

– Кровь и земля!

– Ein Volk, Ein Reich, Ein Fuhrer!

– Один Народ, Один Рейх, Один Фюрер! – чернели норы сотен кричавших ртов.

– Sieg!

– Heil!

– Sieg!!

– He-il!!

– Sie-eg!!!

– He-e-eil!!!

Сотни, тысячи рук выбрасывались вперёд на римский манер, и мы исступлённо скандировали: «Победа!» «Спасение!»

...Все оставались в строю крайне взволнованные, словно нас и впрямь наполняли: боевой дух и волшебная энергия Одина, переливавшаяся из его легендарного двуручного меча.

Как на духу...Подобные речи авторитетных командиров-наставников имели для нас огромное значение. Scheisse! Мы не знали, что нас ждёт впереди...И потому наши молодые горячие сердца так нуждались в зрелом – отцовском напутственном слове. Как Бог свят! Тогда мы все готовы были умереть за нашего фюрера.

25 июля. Закат – жёлтый и тусклый. Над нашими колоннами висят чёрные, ничем не освещённые, неподвижные тучи. Под колёсами-гусеницами рычащей техники стонущая земля, чёрная, как дёготь...И наши лица в этом зловещем свете желты, как лица мертвецов.

...на кратком привале мой взвод хмуро и молчаливо смотрел на пыхтящий русский «самовар»... Verdamtme scheisse! Чертовски хотелось утолить жажду кипятком. Но трофейный «самофар» почему то никак не хотел закипать. Смешно! Он такой же упрямый и вредный, как его хозяева – русские. Ефрейтор Шольц вновь «раздухарил» его местным варварским

³⁰ Браво, полковник! Золотые слова! (нем.)

³¹ С нами Бог! За Фюрера и Отечество! Вы лучший, Ульрих! Так держать! Мы победим! Мир будет под нашим сапогом! (нем.)

способом – сапогом! Но он снова потух... Отразил на боках своих мстительный азиатский прищур и угрозу заката, и тоже стал чужой и враждебный, как всё тут вокруг... Такой же мёртвый и непонятный, как трупы туземцев, гниющие в канавах и на обочинах нелюдимых дорог.

– *Nutten ficken!* Чёртова прорва степеней... Где мы? – спросил кто-то из пулемётного взвода, и в голосе его я почувствовал тревогу и неуверенность.

Обер-фельдфебель Мец из Цвайбрюкена пожал плечами, будто сказал: «на краю света». Кто-то судорожно хрустнул пальцами, рассматривая родные лица на маленькой фотографии; кто-то нервно засмеялся. Кто-то вскочил и, прикуривая от бензиновой зажигалки быстро заходил, вдоль покосившегося набок грузовика. Теперь, ближе к нашей цели – Сталинграду, часто можно было встретить этих быстро расхаживающих, рыскающих зачем-то среди костров-постов, машин и людей, иногда сосредоточенно молчаливых, иногда странно бормотавших что-то.

– На войне, *narr-bekloppt!* – сипло и раздражённо ответил тот, что нервно смеялся, и снова захохотал глухим, длительным смехом, точно давился чем-то.

– Чего хохочешь?! – возмущился ветеран ещё I-ой мировой войны Блюхер. – Заткнись, дурак! Без тебя тошно...

Тот ещё раз подавился, хохотнул в кулак и нехотя смолк.

Темнело, громадная туча насадала на землю, точно хотела задержать невиданное доселе по размаху движение, железный поток, растянувшихся на сотни километров механизированных колонн; мы с трудом различали латунные призрачные лики друг друга. У многих в руках замерцали карманные электрофанарики. Их жухлые лимонные лучики беспокойно шарили по лиловому савану, надвигавшийся с востока Тьмы.

...Я смотрел на солдат своей роты. Нахохлившись, они сидели у костров – небритые коростой грязи, словно в зловещем пасмурном сне. Все надежды этим днём достичь границ призрачного Сталинграда оказались тщетны. За каждым холмом, был новый холм, за каждым курганом – мелкие перелески, и снова угрюмые взлобья меловых, плешивых курганов, и снова холмы, как сакральная доска до исступления, до тошноты. Зато теперь я верил своим парням. Им действительно осточертело это бесконечное, тупое движение на Восток. Им до крика хотелось пострелять самим, сцепиться с заклятым врагом, проверить себя в стоящем деле.

...К вечеру этого дня авангард нашего корпуса натолкнулся на сожжённые иванами бронетранспортёры и мотоциклы разведроты обер-лейтенанта Хеймана. Узкий проход между горбами холмов. Да, это было поистине гиблое место. Найдены были и обезглавленные трупы разведчиков. Их уже основательно обглодали шакалы и лисы; каскады жирных мух гудели над ними. Что ж, ожесточенные иваны платили нам той же монетой... Слабонервных рвало. Всем было разрешено залить в глотку по установленной мерке инапса. Пылу поубавилось. Охотничий азарт в глазах потух, осталась злость – лютая и беспощадная. *Verpiss dich!* Страшен суд Господень! Попадись нам сейчас любой враг, мы разорвали бы его на куски.

Успокаивало одно: по сводкам дивизионной разведки до Сталинграда оставалось не более 80 км. Значит, уже завтра мы будем драться. Все мы жаждали крови и мяса советских собак! Знали и то, что правительством Рейха на карту поставлено очень, очень многое.

Пути Господни неисповедимы... Но будь проклят враг! Мы готовы на всё! Чёрт в костёр, наши легионы чувствуют – победный конец близок. Слава Германии! Слава героям идущим на смерть, *Gott, strafe Russland!*»³²

* * *

³² Боже, покарай Россию! (нем.)

Да... в то лето 42-го... многие из них уже потирали руки, чувствовали себя героями. Думали: победа – в кармане, что конец войны близок... И для многих из них, конец был действительно близок.

Теперь краткое резюме. Я умышленно задержался столь подробно на дневнике немецкого офицера. Что бы было понятно, с каким оболваненным фашистской идеологией зверьём, сошлась на Волге штыки в штыки наша Красная Армия. С каким невероятно сильным и стойким в своём фанатизме врагом, – мы бились и умирали за город имени Сталина. И продолжали стоять, не смотря ни на что, помня приказ: «За Волгой земли нет!» Стояли насмерть во имя жизни. Чтобы те, кто придёт к нам на смену, кто теперь читает эти строки – помнили кому они обязаны своей мирной жизнью... Что могут учиться, работать, любить, рожать и воспитывать детей... Да просто вольно дышать, видеть доброе солнце и высокое чистое небо.

... Прекрасно помню: рядом с трупом того немецкого капитана валялась присыпанная землёй офицерская сумка, а в ней – опалённая огнём книга Карла Мая. Замечу: к тому времени я уже довольно сносно овладел немецким, который штудировал, при каждом удобном случае. Увы, названия книги не сохранилось. Но вот речь одного героя романа (как много позже выяснилось – Шеттерхэнда) отчётливо врезалась в мою память.

«Беги, Люке! Беги, грязный пёс, в логово своего босса. Пусть кровожадный зверь знает – больше скачек не будет! По его следу мчатся четыре всадника Апокалипсиса... и за ними грядёт Ад!»³³

Что тут скажешь? Карл Май был ярым пропагандист немецкой идеи – «своего места под солнцем», великим выдумщиком и неутомимым писакой. Но вот его фанатичный поклонник «наци№1» – Адольф Гитлер уже от слов перешёл к делу!

За дивизиями и корпусами 6-й армии Паулюса действительно шёл ад. Не книжный, а настоящий, который нам предстояло ещё испытать».

³³ Вероятно, речь идёт о романе К. Мая «Трубка мира».

Глава 6

Из воспоминаний генерал-полковника Танкаева М.Т.

«Кампания 1942 года только стала переломной в боеспособности немецкой армии, но она также показала, что советская армия с каждым месяцем становилась всё более профессиональной и эффективной. <...>

Так успех операции «Уран» в ноябре 1942 года продемонстрировал не только тактическое и техническое преимущество наших войск, но и стал примером блестящего планирования боевых действий на стратегическом уровне. В отличие от «Плана Блау» операция «Уран» преследовала более скромные цели – локальный двойной охват противника, который был достигнут, несмотря на то, что Красная Армия ещё не до конца восстановилась после тяжелейших поражений начала войны. Советские командиры прекрасно использовали полученный на войне опыт, особенно по преждевременной эскалации первоначально успешного контрнаступления зимой 1941-1942. Поэтому успех советских операций в конце 42-го убедительно показывает, что наше командование учитывало и училось на своих предыдущих ошибках, которые стоили Советскому Союзу чудовищно дорого. <...>

В отличие от неприятеля Гитлер и его Верховное командование оказались в 1942 году неспособными оценить приобретённый опыт. В ходе осуществления «Плана Блау» фашисты повторили те же ошибки, которые они совершили во имя операции «Барбаросса». Преследовавшие сверхчестолюбивые цели наступление началось слишком поздно, и немецкое командование оказалось не в состоянии превратить первоначальный тактический успех в стратегический триумф. Гитлер постоянно растягивал линию фронта, распыляя свои силы и оставляя фланги уязвимыми перед советским контрнаступлением. И наши войска с благодарностью приняли – с катастрофическими для Вермахта последствиями – столь неосторожное «приглашение» противника. Неудача немецких войск в попытке разгромить СССР в 1942 не была следствием какого-то менее эффективного взаимодействия родов войск, недостатками разведки и подготовки младшего и среднего комсостава или же снижения морального настроения боевых частей – всё это оставалось практически на уровне 1941-го. Скорее дело было в том, что советское командование научилось эффективно использовать просчёты врага на стратегическом уровне. <...>

«Уран» был только первым шагом в скоординированном советском ответном ударе, до мозга костей потрясшем весь Восточный фронт. «Уран» стал классическим примером стратегии окружения, которая показала превосходство нашей армии над войсками Оси. Однако, в отличие от практикуемой фашистами тактики «котлов», командование РККА при осуществлении операцией ставило перед войсками географически ограниченные цели, но стремились гарантировать, что цели эти будут достигнуты. <...>

Как известно 11 ноября гитлеровцы начали решающее и окончательное наступление в Сталинграде. К вечеру положение защитников города стало ужасающим. Фашист на всех участках выдавил нас к самому берегу Волги, до которой оставалось не больше 200-т шагов! <...>

...все мы готовились к одному: подороже отдать свои жизни за Родину. Надежды на спасение, на внезапное чудо – ни у кого не было. Мы обнимались, целовались, навсегда прощаясь друг с другом.

Никто...Ровным счётом никто из нас не знал о том, что к северо-западу от города, стремительно наращивается свежая группировка войск. Что наши войска готовились разгромить противника сокрушительным ударом в ходе операции «Уран». Что мы – смертники, до последнего момента являемся отвлекающим фактором немецких дивизий, иступлённо рвущихся к Волге. Не берусь утверждать, но как мне думается...о контрнаступлении Крас-

ной Армии, о готовящейся операции «Уран», – не знали даже командующие Сталинградской битвы: Ерёменко (Сталинградский фронт), Чуйков (62-я армия), Шумилов (64-я армия). Операция «Уран» готовилась в жесточайшем, сверхсекретном режиме.

Как известно уже стало теперь, положительно никто не знал об этой операции и в самом Кремле. <...> «Уран» не случайно назвали «Тайной трёх». Действительно, о сей операции знали лишь три человека – её создатели: генерал армии заместитель начальника Генштаба Василевский, генерал армии Жуков и, конечно, Верховный главнокомандующий товарищ Сталин. Интересная деталь: операция «Уран» обязана своему необычному названию – секретного доклада академика Вернадского об атомной бомбе – новом оружию массового поражения, огромная взрывная мощь которого основана на взрывной цепной ядерной реакции – (расщепления ядер тяжёлых элементов, таких как плутоний или уран).

Эта была воистину стратегически блестяще разработанная операция. Без сомнения Георгий Жуков и Алексей Василевский, эти два гения РККА – могли командовать не только фронтами, но и группами фронтов.

Советские войска серьёзно готовились разгромить заклятого врага сокрушительным ударом в ходе операции «Уран». Для готовящегося наступления Ставке с большим трудом удалось собрать следующие силы: Юго-Западный фронт 398 000 человек, 6 600 орудий и миномётов, 160 «Катюш», 750 танков и 540 самолётов; Донской фронт – 309 000 человек, 5 300 орудий и миномётов, 150 «Катюш», 190 танков и 270 самолётов; Сталинградский фронт – 429 000 человек, 5 800 орудий и миномётов, 145 «Катюш» и 660 танков. Между тем оборонительные позиции на участке Донского и Юго-Западного фронтов занимала 3-я румынская армия (110 000 касок), а на участке Сталинградского фронта – 4-я румынская армия (80 000 касок).

Операция «Уран» началась 19 ноября атакой войск Юго-Западного и Донского фронтов на позиции 3-й румынской армии. Румыны вооружённые немецким стрелковым оружием яростно сопротивлялись концентрированному удару советских 5-й танковой, 21-й и 65-й армий, и первоначально наступление развивалось медленно. Однако, наконец, 1-му и 26-му корпусам 5-й танковой армии удалось пробить широкую брешь в румынском фронте, через которую в прорыв хлынули резервы. К концу дня румыны потеряли до 65 000 тысяч солдат. 20 ноября 1-я румынская, бронетанковая дивизия была на голову разгромлена частями 5-й советской танковой армии, которая так же нанесла сильнейший удар по 22-й танковой дивизии противника, отбросив его к Чиру.

В Сталинграде продвижение немецкого XIV танкового корпуса Хубе, у которого закончилось горючее, захлебнулось. Выручила авиация. Наши штурмовики и бомбардировщики вовремя обнаружили и сожгли две колонны «наливников», доставлявших на передовую стратегически важное топливо для бронетехники XIV корпуса.

На южном участке фронта позиции 4-й румынской армии атаковали советские 51-я, 57-я и 64-я армии. Румыны тщетно пытались оказать сопротивление, но стремительный удар 13-го танкового и 4-го механизированного корпусов взломал их оборону. Потеряв свыше 36 000 человек, румыны в панике отступили, лишь испытанные немецкие 29-я моторизованная и 297-я пехотная дивизии оказали яростное сопротивление.

21 ноября фланги фашистов с севера и юга от Сталинграда были смяты, а части Красной Армии стремительно приближались с двух сторон к Калачу. Два дня спустя 28 000 румынских солдат капитулировали – это стало бесславым концом 3-й армии, которая с момента начала операции «Уран» потеряла свыше 90 000 человек. Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в Калаче, намертво захлопнув тем самым ловушку, в которой оказались 6-я армия Фридриха Паулюса, часть 4-й танковой армии Германа Гота и остатки разбитой 4-й румынской армии: 256 000 немцев, 12 000 румын, 150 танков, 1900 орудий и миномётов, 11 000 автомашин и 24 000 лошадей. Во время операции «Уран» войска

генерала Паулюса потеряли 44 000 человек, 460 танков и 380 орудий и миномётов. Тем временем группа армий «Дон», составленная в большинстве своём из второочередных формирований, начала в срочном порядке создавать новую линию обороны вдоль рек Чир и Дон. Генерал Паулюс также перегруппировал свои войска, заняв многолинейную, глубоко эшелонированную круговую оборону.

* * *

...Всё так... Но всё это начнётся лишь 19 ноября... А тогда! – безумие и ужас медленно, но верно наполнило нас, сравнивая с землёй последние советские огневые рубежи, закатывая в твердь, наматывая на гусеницы ещё живую, пульсирующую плоть. К северо-западу от Сталинграда раскинулась жуткая пустыня. Все города и селения были сильно разрушены, превращены в кучи щебня, или стёрты с лица земли. Огромные стаи пикирующих бомбардировщиков «Stuka» – не оставляли населённым пунктам ни единого шанса. Всюду душу мучил и преследовал один и тот же кошмар: сожжённые деревни были нелюдимы-покинута; совхозные фермы разрушены, обугленные остовы пугали своей кладбищенской пустотой... Урожай гнил на заброшенных, изъезженных грузовиками, перепаханых танками полях. Первая волна немецкой армии смела буквально всё. Фактически уже в течении первых двух-трёх недель эта ещё недавно цветущая территория на подступах к Сталинграду, стала мёртвой зоной и в прямом, и переносном смысле, так как повешенные на столбах, массово расстрелянные люди были повсюду. Вздутые, разложившиеся трупы женщин, детей, стариков и животных, слегка припорошенные пеплом-золой, безмолвно и жутко звали живых к возмездию, страшной, но праведной мести. <...>

Взгляд каменел при виде этих оголтелых зверств чинимых фашистами. Каждая смерть являла собой изуродованную часть мира, которая отпугивала и доставляла мучительную горечь, перекипавшую в жилах в свирепую ярость. Конечно, война многое объясняла: кровь, смерть, страдания, холод, голод, пот и слёзы... Но такую бессмысленную, иступлённую жестокость, такую безумную ненависть ко всему живому... ни поднять, ни тем более принять было немислимо. Казалось, дрожащий ужас в глазах детей, женщин, беззащитных стариков, чужая животная боль, отчаянье, предсмертные агонии – активно снимаемые на киноплёнку нацистами, пропущенные через их возжеленные взгляды и, счастливо замиравшие в сердцах, в общем и целом, – обретали мучительную красоту. Похоже, эстетика распада и плена питала их разум и мироощущение. <...>

Мне не раз приходилось видеть трофейные фотоснимки и киносъёмки – страшные свидетельства бесчинств, массовых убийств, глумливых надругательств и жестоких насилий – осознанно и последовательно творимых гитлеровскими оккупантами. Они потрясают сознание нормального человека своим чудовищным злом, уродством нацистской морали, которая возведена ими на недостижимый пьедестал, на заоблачную горную высоту. И всякий раз мы убеждались: именно эстетика Смерти питает их отравленное сознание, через которое – извращённый нацистской идеологией разум и дух обретают ни с чем несравнимое наслаждение. Природа, медленно тратившая энергию жизни на создание дерева, человека или дома, испускала её мгновенно при попадании снаряда. Высвобождала энергию смерти. Создавала жуткую красоту разрушения – Зла.

В память врезалась одна страшная киноплёнка... Каратели из зондеркоманды СС, расстрелявшие из автоматов мужчин посёлка, насиловали молодых женщин прямо на глазах их испуганных детей... Вытолкали прикладами из разграбленного дома ещё одну молодуху – солдатку. Она была беременна, на последних сроках, с большим животом; упала на колени перед эсэсовцами, слёзно умоляла её не трогать, показывала – укрывала руками тяжёлый округлый живот. Но те лишь глумливо смеялись, срывали с неё одежду, горячо спорили между собой: «какого пола ребёнок», делали ставки... Потом один оберштумфюрер со смехом приказал своим солдатам держать её за руки за ноги, а сам, как мясник, вспорол штыком ножом

несчастной живот, отсёк пуповину и вырвал из её распоротого чрева за ножки ещё народившееся дитя... Остриём ножа указал на пол, корчившегося младенца, с сочувствием подмигнул проигравшим и подбросил ребёнка палачам на штыки на глазах ещё живой, обезумевшей матери...

И весь этот ужас снимал старший офицер, чья твёрдая рука ни разу не дрогнула, а ледяной глаз подтаял слезой. Палач хладнокровно снимал страдания мира, спокойно стрекотал камерой без малейшего сочувствия, желая лишь одного: чтобы эти страдания-смерти были сняты, как можно натуралистичнее, сочно и ярко. Провоцировал своих подручных палачей, чтобы образ боли и ужаса, запечатлённый в любительской съёмке, вызывал неподдельное содрогание и аплодисменты германского зрителя. Сам же он оставался бесстрастен и холоден, как оловянный слиток. Вёл мерцающий радужный зрак вдоль жуткой парной раны на животе убитой, стараясь не упустить шокирующих подробностей, смачно снять гранатово-чёрный наплыв крови и перламутровую слизь. Брал крупным планом пузырь розового глаза, выбитого из черепа пулей.

И на весь этот «Новый порядок» с кирпичной стены комендатуры взирал большой портрет Гитлера, обрамлённый кровавыми полотнищами со зловещими чёрными пауками свастик. Одержимый взгляд стальных глаз выделялся раскалёнными добела кругами, впившимися в распаренные красные лица своих солдат. Сакрально сцепленные ниже пояса пальцы рук казались чёрными когтями. Чуть приоткрытый, перекошенный рот давал иллюзию слабой улыбки под чётко выбритой по моде «стопкой» усов. Взор фюрера и вправду гипнотизировал, вербовал. Портрет молчал, но было полное магическое ощущение жизни, плотных колец спрессованной тёмной энергии в этом фотографическом изображении, в этом дьяволе во плоти, в коричневом без затей, строгом военном мундире. В зрачках мерцали ртутные отблески далёких бомбовых взрывов, а слух – ей-ей – ловил знакомые бесноватые ноты, которыми были наипигованы его длинные истеричные тирады, как перцем, солью и чесноком дешёвая колбаса:

«Gut! Sehr gut! Alles für Deutschland!»³⁴ Кровь и честь!

Огнём и мечом вы утверждаете священное право Великой Германии. Под свист пуль и снарядов, штандартами Третьего Рейха, сквозь смердящую тьму и тернии старого мира – вы прошли к вечному свету звёзд! Вы заслужили это! Мы арии – раса господ! Война необходима нам – немцам, как воздух. Мы сыны воинов. Мы – истинные хозяева мира! Прочь сомнения трусливых демагогов демократии. В печь жухлую риторику старого мира. В печь жидов и уродов! Очистим нацию от скверны и кровопийц!

Огнём и мечом вы утверждаете священное право Великой Германии. Под свист пуль и снарядов, под штандартами Третьего Рейха, сквозь смердящую тьму и тернии старого мира – вы прошли к вечному свету звёзд! Вы заслужили это! Мы арии – раса воинов. Мы – истинные хозяева мира! Прочь сомнения трусливых демагогов демократии. В печь жухлую риторику старого мира. В печь жидов и уродов! Очистим нацию от скверны и кровопийц!

На этот Крестовый поход нас благословил Ватикан. Папа Пий XII лично пожимал мне руку и осенял крестом. Bravo сыны Великой Германии! Берите на захваченных территориях всё! Не обращайтесь внимание на вопли прогнившего мира. Vae victis!³⁵ Как объяснить евнуху прелесть камасутры? Вперёд, к вещей славе! К новым победам! Вы вскормлены молоком волчицы, как Ромул и Рэм. Вы воспитаны стальным орлом Тысячелетнего Рейха. Покрыли себя громом блестящих побед и славы, каких ещё не знала история. Вперёд, на Сталинград! Мир будет наш. И ваши бессмертные легионы Древнего Рима, Великого Цезаря, которому мир целиком так и не покорился. Ваши имена будут занесены в анналы Нового мира! Вперёд сыны Германии! Заставьте большевистских псов жрать трупы своих комиссаров!»

³⁴ Хорошо! Очень хорошо! Всё для Германии! (нем.)

³⁵ Горе побеждённым (лат.)

Гитлер на портрете молчал. Сталинград ещё только ожидал удар первой железной волны Вермахта, ночных бомбардировок и сокрушительного огня мощных гаубичных батарей, в состав которых входили сверхтяжёлые осадные мортиры типа «карл», «Дора», «Берта» – которые транспортировали по железной дороге или в разобранном виде (частями) при помощи танковых тягачей... Да, всё ещё было впереди... Город ещё только ждал свирепые танковые удары, полчища оккупантов, проверка его на прочность...

Но, глядя на этот дьявольский образ фюрера, душу не покидало тяжёлое, гнетущее чувство: для Сталинграда, России, да и для всего мира уже начал осуществляться неумолимый жестокий план, в котором положительно каждому рождённому на земле – уготовано просчитанное и выверенное место... В зависимости от его цвета кожи и глаз, формы носа и черепа, неукоснительно следуя чётким пунктам «расовой теории» – кого ждала петля, кого газовая камера, кого печь крематория, кого кастрация – стерилизация и цепь раба... а кого – почётное «место аристократа под солнцем».

Осознание этого чудовищного, беспощадного приговора врага естественно прождало и в нас – свирепое, беспощадное ожесточение. Никто не хотел умирать. Никто не хотел попасть в лапы фашистов, зная какая участь его ожидает. Особенно это касалось командиров Красной Армии, коммунистов, политработников, комиссаров. Если пленный советский офицер отказывался прислуживать врагу – его ждала неминуемая смерть. Но прежде, особенно если он попал в лапы карателей из национальных частей СС³⁶, его подвергали жестоким пыткам, чтобы сломать воинский дух, а после могли совершить ужасное, унижить, лишит последнего – мужской чести. Так уголовники поступают с теми, кого хотят опустить на самое дно своей тюремной иерархии, кого хотят подавить навсегда, внушая отвращение к себе самому, и этим отвращением делая человека навсегда изгоем, одиноким и немощным. Но Добро сильнее Зла. Свет побеждает Тьму!

<...> Любовь к родным, преданность Отчизне, коммунистической партии, страх плена, животная ненависть к врагу и страстное молодое желание жить, – весь этот сплав чувств, калёным железом жёг наше сердца, крутым кипятком шибал в головы, в заледенелые жилы, растапливая в них окаменелую кровь, заставляя её вскипать, бурлить жаждой жить, мстить фашистам... Заставляя нас крепче вращаться в эту мёрзлую землю, сильнее

³⁶ Первоначально личный состав войск СС комплектовался исключительно из добровольцев. Однако в ходе Второй мировой войны из-за больших потерь в живой силе их стали пополнять обычными призывниками. Более того, одна из самых известных своей оголтелой жестокостью бригад СС – так называемая «Бригада Дирливангера» (по имени её командира, бригаденфюрера СС) была укомплектована... досрочно освобождённым матерыми уголовниками-рецидивистами. Имел судимость и сам Оскар Дирливангер. Знакомство со «звериным» кодексом тюрьмами не прошло бесследно и «Наци №1». Жестокий криминальный отпечаток получила не только личность Гитлера, но и всё нацистское движение. Суровый опыт венских уголовников, однозначно, не прошёл даром для будущего фюрера. Он твёрдо усвоил ряд аморальных постулатов преступного мира: «Убей или умри», «Человек человеку волк», «Цель оправдывает средства» и т. п. По той же причине Гиммлер начал формировать из числа фашиствующих молодых людей-иностранцев национальные части СС, в которых, однако старшие офицеры, как правило, были немцами. Так появились соединения «Латвия», «Эстония», «Хуньяди» (из венгров), «Шарлемань» (из французов), «Валлония» (из Бельгийцев), «Галиция» (из украинцев западных областей; формировались во Львове). Были и подразделения помельче – из уроженцев Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Башкирии (татаро-башкирские батальоны); даже из индийцев, англичан, боснийцев, поляков и скандинавов... Наконец в системе СС были образованы весьма специфические подразделения особого назначения – части «Мёртвая голова» – для охраны концлагерей вместо обычной тюремной стражи.» Интересная справка: Все считались как бы побратимами, поэтому к старшим по званию, вплоть до самого рейхфюрера СС Генриха Гиммлера, обращались просто по званию, без предстоящего слова «господин». Например, «Штандартенфюрер!» однако в войсках СС полагалось обращаться сообразно воинскому уставу: «Господин полковник!» Так офицеры СС часто имели двойные звания, если они служили в войсках или полиции. К примеру, кинематографический Штирлиц имел звания штандартенфюрера СС и полковника войск СС. Его же противник, уже лицо реально существовавшее – шеф гестапо Генрих Мюллер к концу своей карьеры имел звания: группенфюрера СС и, соответственно, генерал-лейтенанта тайной полиции. И ещё: В возрасте от 25 до 30 лет офицер СС обязан был жениться: (Увы, киноштандартенфюрер СС Штирлиц, он же советский кинополковник Исаев, в реальной действительности обязан был бы иметь в Берлине вторую, немецкую семью. Правда автор мог бы сделать его вдовцом, что бы узаконить одинокое существование без супруги), при этом его невеста также обязана была пройти тщательное освидетельствование на предмет расовой чистоты и физического здоровья. Преданность фюреру с её стороны также была обязательна. На свадьбе молодожёнам вручалось специальное подарочное издание книги Адольфа Гитлера «Моя борьба».

дружить, выручая друг друга, и драться до конца! – как бы это пафосно не звучало. – До последнего патрона, до последнего вдоха! Всё происходило на моих глазах...А потому подтверждаю: коммунисты (их было не меньше четверти в каждой роте, подавали достойный пример остальным. Они были счастливы, что первыми идут в бой и первыми погибают в схватках с нацистами.

Немцы радовавшиеся своим успехам в Сталинградской битве, торжествовали перед своей гибелью. Миллионы сражались в летней кампании 42-го года...и миллионы погибли...<...>

Хорошо помню настрой германских войск перед операцией «Уран». «Настрой этот впервые поменялся с первым выпавшим снегом. Новое наступление Вермахта явно пробуксовывало. А впереди, как и в 41-ом, оккупантам грозил кулаком генерал Мороз. Гитлеровцы наконец ощутили себя не только захватчиками-победителями, но и жертвами, которых так же, как и других перемалывал слепой Молох войны. Трудно описать это чувство, но мы будто кожей ощутили это. Фриц всегда кичился, что на его солдатской пряжке, как на том берегу сияло: «Gott mit uns!» Фриц и в Сталинграде, когда припёрло, искал Бога в каждой воронке, окопе, яме или канаве...Но чем ближе время клонилось к русской зиме, тем чаще враг находил только смерть да зловонный дух Дьявола. Бог отвернулся от немцев. Он оставался лишь на страницах псалмов, обгорелые образцы которых мы находили едва ли не в каждой траншее.

Другие настроения заметно начинали чувствоваться и в Берлине. В 41-м успехи Вермахта были неоспоримы. В ходе немецкого наступления оказались смяты все расположенные вдоль границы соединения Красной Армии, советские ВВС понесли огромные потери, после чего танковые корпуса вышли на оперативный простор. На некоторых направлениях успех превзошёл все ожидания. По ряду подсчётов более 1,5 миллиона солдат нашей армии были убиты или взяты в плен. 3 июля 41-го года генерал Гальдер записал в своём дневнике: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против большевистской России выиграна в течении 14 дней.»

Но теперь, тот же генерал Гальдер докладывал Гитлеру отнюдь не победные сводки с Восточного фронта...И в голосе его звучала не триумфальная медь, но дроглая, вибрирующая органная нота: «Мой фюрер! Нами задействованы все мощности Европы. Все военно-промышленные концерны и синдикаты во главе с «Арсеналом Рейха» – сталелитейного короля Круппа, – работают на пределе возможностей. Ежемесячно для Восточного фронта с конвейеров сходят 800-1000 бронетанковых единиц...Но эти русские! Эта дьявольская кузница на Урале!.. Verdammten kommunisten! Verdammen sie! 1300-1500 танков! Dass ist fantastisch! Ведь, Люфтваффе рейхсмаршала Геринга разгромило все их заводы!»

Что ж, ни первая операция «Барбаросса» в 41-м, ни вторая «План Блау» в 42-м – «лёгкими летними прогулками» у Вермахта не получились. Да, Гитлеру удалось достичь на Восточном фронте невероятно многого, но свою сверхзадачу – уничтожить Советский Союз – он осуществить так и не смог.

Да, группа армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока добилась большого успеха в течение первой же недели кампании, окружив войска советского Западного фронта в «котлах» у Белостока и Минска. К середине июля немецкие передовые части Гейнца Гудериана были в 300 км от Москвы. Однако Блицкрига – «Молниеносной войны», – которая изменила карту Европы...на Востоке у Рейха не получилось.

Гитлер, после доклада генерала Гальдера о положении немецких войск в Сталинграде, пришёл в бешенство, рвал и метал: «Вы идиот, Гальдер! Это гнусная ложь! Это возмутительно, чёрт возьми! Молча-ать! Сего просто не может быть, потому что не может быть!! Откуда такие сведения? Моча-ать! Это вражеская дезинформация! Чёрная еврейская сперма их главного чревоулицателя Левитана! Моего личного врага! Которого я прикажу первым кастрировать на Красной площади, вырвать поганый язык, а потом, как собаку вздёрнуть,

на кремлёвской звезде. *Scheissker!* Вы слишком много слушаете вражескую Москву, Гальдер. Вот у вас и съехали мозги на бок. – Откуда у коммунистов такие производительные силы? Они что совсем не спят?? Откуда у них столько сырья? Откуда запасные армии, а именно танковые! Хотел бы я знать... Вы мне ответите головой, Гальдер за эту паскудную ложь! *O, mein Gott!* С вашим развитием, как у незрелой репы, Гальдер, вам следует быть не главным инспектором войск, а вторым помощником свинопаса на хуторе голоштанной Польши! *Verpiss dich...*³⁷»

Генерал Гальдер с треском подкинул свой пост и до лучших времён отправлен в отставку. Для наведения железного порядка в танковых частях, фюрер вызвал легендарного генерала Гудериана, одного из видных полководцев, разработавших немецкий удар через Арленны, назначив его главным инспектором бронетанковых войск.

Гудериан, один из творцов молниеносных побед начала войны в 1939-1941 годы, изо всех сил старался увеличить количество и повысить качество танков, а также помог принять на вооружение новые типы машин, такие, как Pz. V «Пантера» и Pz. VI Aust. E «Тигр I». Но он категорически возражал против ведения каких бы то ни было новых наступлений и резонно настаивал с рядом других видных полководцев Вермахта, – перейти к стратегической обороне. Вопреки страстным реваншистским желаниям Гитлера, в немецком командовании, в связи с осознанием невозможности реального восполнения ужасающих потерь последних двух лет, – победило взвешенное предложение Гейнца Гудериана. Германия теперь зализывала глубокие раны, бросив все силы на возрождение былой мощи своих войск.

Примерно такой же непримиримый расклад в мнениях произошёл и в Верховной Ставке в Кремле. Жуков и заместитель начальника Генштаба генерал Василевский твёрдо-аргументированно выступили за оборонительную тактику. Сталину же с частью руководства жестко настаивал на том, чтобы провести ряд закрепляющих успех наступательных операций с ограниченными целями для облегчения положений оккупированных населённых пунктов – к западу от Сталинграда. Однако, когда ещё и ещё раз были взвешены все «за» и «против» – итоги оказались, явно не в пользу сталинских планов.

После капитуляции немецких войск в Сталинграде в феврале 1943 года, казалось, что должен обрушиться весь южный фланг Вермахта. Однако гитлеровцам удалось удержаться, а более укрепиться на новых рубежах. Но и это не всё. Они выиграли сражение под Харьковом и стабилизировали линию фронта. А с началом непроходимой весенней распутицы-бездорожья Восточный фронт намертво застыл, протянувшись от пригородов Ленинграда на севере к западу от Ростова на Чёрное море.

Но как бы не складывалась вся дальнейшая хронология войны... «Величайшая Сталинградская битва стала переломным моментом всей Второй мировой войны. Ранее непобедимый Вермахт был сначала втянут в ожесточённые, изматывающие кровопролитные бои с Красной Армией на Волге – в Сталинграде, а затем окружён в ходе блестяще осуществлённого двойного охвата. Беспрецедентный героизм и самопожертвование советского солдата привели к уничтожению 6-й немецкой армии и проложили путь к окончательной победе на Восточном фронте».³⁸

³⁷ Пошёл вон! (нем.)

³⁸ Г. Гарипов «Генерал-полковник Танкаев».

Глава 7

(Из воспоминаний генерал-полковника Танкаева М.Т.)

« Но всё это случится потом... обо всём этом, те, кто грудью защищал Сталинград и чудом остался жив, узнают много позже.

А тогда... ревущий, пламенеющий ад заживо пожирал защитников, сжигал в уголь и перетирал в пепел в своих стальных жерновах.

И чтобы не говорили позже вражеские голоса, какие бы не раскладывали гнусные пасьянсы, не придумывали клеветнические легенды... Лучшим доказательством подвига советского солдата, остановившего ход «новой истории», которую огнём и мечом хотел навязать германский фашизм – стали десятки и сотни тысяч безымянных могил, которые, как грибы, усеивали долины и взгорья, поля и холмы от Дона до Волги. Там для всех нас и наших потомков, как вечный знак незыблемых истин, горит священный огонь Сталинграда. Чуть прикрывавшая труп, рыхлая, скороспелая насыпь, – сапёрная лопатка воткнутая в неё, облупленная каска на черенке, покосившаяся на ветру... Вот и всё, что указывало на могилу героя, который бился с лютым врагом и отдал свою жизнь за Родину, отчий кров, за могилы предков.

<...> метко сказано: «то, что для русского хорошо – для немца смерть». Уж больно нежен он был против нашего трёхгранного штыка. Но крепче боялся удара с плеча сапёрной лопаткой, которая отточенным ребром кроила немецкую каску – Stallhelm надвое. Рукопашного боя враг старался избегать. Русское «ура», бегущих в атаку красноармейцев, как правило, деморализовало фрицев. Страх духа и паралич тела в первые минуты был налицо, но отступить в первые два года фашист не был намерен. Стоял, как на подковах, не пугай, не убежит и дрался отчаянно. Вообще, надо отдать должное немцы вояки – отличные, умелые – дерзкие, особенно если удача на их стороне. Сравнить их воинскую доблесть с кем-то ещё, будь то британец, американец, румын или поляк – только себя оскорблять. Немецкий солдат на протяжении всей войны удивлял нас своей стойкостью, звериной яростью и упорством.

В слаженности, дисциплине, субординации, умении вести бой во взаимодействии со всеми родами войск, – в первые годы войны, им не было равных. Несомненно, и то, что хотя победа над Польшей далась Вермахту сравнительно легко, она очень много значила для духа немецкой армии. Польская кампания стала для неё проверкой боеспособности её личного состава и техники в преддверии на многомасштабной кампании против французских войск. Это была сильная отлично подготовленная армия, вооружённая современным оружием и уверенная в своих силах. Результат этой проверки особых сомнений не вызывал изначально, но в то же время новая техника, система боевой подготовки и использования техники, требовали испытания на поле боя. Кампания выявила наиболее перспективных командующих и лучшие части, позволив многим гитлеровским дивизиям испытать себя на прочность в бою. Всё это стало подтверждением того, что взаимодействие в бою всех родов войск обладает огромным потенциалом. <...>

Одним словом: с первого дня вероломного вторжения немецких полчищ на территорию СССР, Красной Армии противостояла во всех отношениях лучшая армия Европы, а по оценкам британских наблюдателей, – и всего мира. Те же проникательные британцы назвали новую тактику Вермахта блицкригом (Blitzkrieg – «молниеносная война»). Этот термин, как известно, прочно вошёл в военный лексикон через несколько месяцев после поражения Франции. Другой очень тревожный, но в то же время характерной особенностью новой тактики отмеченной наблюдателями, стало чрезвычайно большое количество погибших во время военных действий гражданского населения. Это ужасное последствие блицкрига стало одной из характерных черт Второй мировой войны. <...>

Красная Армия извлекла ряд уроков из Польской кампании, которые, увы, по большей части не пошли ей впрок. Степень подготовки на всех уровнях оставалась довольно низкой, и что имело наиболее тяжёлые последствия – среди высшего комсостава и в спецвойсках.

К беде Красной Армии – многочисленные беспощадные, зачастую неоправданные чистки и репрессии в первом-втором эшелонах командного состава накануне войны, сказались самым наихудшим образом: и в Генштабе, и в войсках – едва не став для нашей армии и народа катастрофическими...

Тем не менее: Битва за Москву в 1941-м и Сталинская Битва в 1942-м – убедительно показали всему миру – «Молниеносная война» немецких стратегов, генерал-фельдмаршалов на территории Советского Союза потерпела фиаско. Вся дальнейшая хронология Великой Отечественной войны лишь подтвердила эту реальность. Полная решимости сражаться до конца Красная Армия вопреки всему сумела противостоять, не зная ни одного поражения, танковым и моторизованным дивизиям Великой Германии. Более сего ответный удар Красной Армии был адекватным. После того, как измотанные немецкие войска оказались не в состоянии продолжать наступление на Москву, подобно снежной лавине в горах, на них обрушилась Зимнее контр наступление советских воинов. Именно в декабре 1941 года на подступах к Москве хваленый Вермахт сломал свои железные клыки – потерпел за годы Второй мировой войны первое серьёзное поражение.

Неприступной твердыней для фашистов и командующего группой армий «Север» генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба стал и город Ленина. Раздражённый проволочками-неудачами фон Лееба, фюрер снял его с этого поста. Командование группой армий «Север» с января 1942 по январь 1941 принял Георг Карл Фридрих Вильгельм фон Кюхлер. Ярый нацист Кюхлер, осуществляя руководство блокадой города, использовал пригородные железные дороги, чтобы быстро перебрасывать батальоны и полки с одного проблемного участка фронта на другой. Таким образом, ему удавалось долгое время удерживать Красную Армию в постоянном напряжении. Однако у фон Кюхлера было недостаточно сил, чтобы взять город-крепость, и он не мог ничего противопоставить постоянно получавшим подкрепление советским войскам. Когда РККА в январе 1944 года перешла в решительное наступление, он ещё до получения разрешения начал отступление по всему фронту. После этого Кюхлер повторил судьбу генерал-фельдмаршала Лееба: в том же месяце Гитлер отправил в отставку и его.

Ленинградская блокада – самая длинная блокада и один из самых героических эпизодов войны. Советская противотанковая оборона потрясла Берлин, а вместе с ним и всю оккупированную Европу. Немцы были мастерами мобильной, механизированной войны, но им так и не удалось преодолеть упорное сопротивление героических защитников Ленинграда. Люди дрались против машин...и выиграли – не сдали любимый город! В течение почти трёх лет оккупированные воска нацистов разрушали великий красавец-город артобстрелами и массированными бомбардировками, но стойкие, будто выкованные из стали, жители Ленинграда и его мужественные защитники никогда не теряли волю к победе, не смотря на огромные человеческие потери, чудовищный голод и холод. К январю 1944 года, когда блокада, наконец, была снята, потери составили без малого два миллиона человек!..

И все же, коренной перелом в пользу Советского Союза (как полагает подавляющее большинство отечественных и зарубежных исследователей), – произошёл именно в Сталинграде.

<...> Хорошо помню приезд на наши позиции командующего 62-й армии Василия Ивановича Чуйкова. 16 октября 42 года главное направление наступления 6-й армии Паулюса внезапно переместилось на юг: в район между заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь». 16-я танковая дивизия немцев, прорвав огневые заслоны обороны, захватила рынок и продолжала яростное движение на юго-восток. Против войск неприятеля была срочно брошена 84-я танковая бригада; тогда же 17 октября генерал Чуйков перенёс и свой штаб на завод «Красный Октябрь».

...Большие всего мне тогда запомнились его руки. Они целиком были в бинтах испятнанных кровью. «Гляньте, братицы!» «Раненый!..» «Вона как...Нашего командарма...Видать, осколками посекло, товарищи!..» – с тревогой-сочувствием, глядя на бесстрашного полководца, думали мы. Но причина крылась в ином (о чём я узнал много позже). Дикое перенапряжение всей нервной системы – в роковые недели Сталинградской битвы, не прошли даром, сказались на здоровье – активной вспышкой сырой экземы. Кожа рук, как рыба чешуёй, покрылась мелкими гнойниковыми язвами-пузырями. Заболевание это, как назло, усугублялось ещё и невыносимым крапивным зудом, из-за которого воспалённая кожа расчёсывалась в кровь, до мяса, как при чесотке. Что бы избежать этой напасти, помимо дегтярной мази, руки, равно и ноги больного, при перевязке всякий раз тщательно бинтовались на ново.

Помню, конечно, и лицо командующего: открытое, простое, крестьянское, при этом смелое с жёсткими, волевыми чертами, с резкими целеустремлёнными морщинами.

...Наши батальоны как раз меняли позиции. Двухкилометровая бетонка перед товарным депо кипела грязными, мятыми касками, ушанками, среди которых мелькали фуражки совсем молодых командиров взводов. Тут и там дворы-скверы были забиты транспортами с пехотой и артиллерийскими подводами. По разбитой снарядами улице ещё грохотали грузовики с боеприпасами, рычали самоходки, куда-то пробивалась комендантская служба, но густые стрелковые роты, всё прибывающих войск, уже давно не уместались на бетонных подъездах депо, выплёскивались на проезжую часть и там тревожно вспыхивали сигнальные фонари; офицеры-координаторы отчаянно лаяли матом, то и дело, взмахивая красными флажками, как постовые полосатыми жезлами.

...Шум-давка, словно на толкуне. С южной стороны Волги, из соседних улиц-проулков густо валил народ; по трамвайным путям ползли Т-34-ки. Иные стрелковые колонны тут же разворачивали свои боевые знамёна, уверенно двигались на заданные рубежи, другие шумно вливались в шинельный-телогреечный водоворот, ожидая приказов командиров. Бойцы наших батальонов, лучше ориентируясь на данной местности, слаженно делали своё дело, но солдатское любопытство заставляло и их краткое время кружить поодаль, скручивать сигарки из газетной четвертинки, высматривать на удачу знакомые лица, кликать земляков, примериваться к вновь прибывшей мундирной силе. Накипавшая масса была не едина, распадалась на отдельные заступы, сгустки. Среди порыжелых шинелей, как червоточины на буром яблоке, темнели бушлаты морской пехоты, задиристо на ветру реяли чёрные ленты из бескозырок. И в каждом «заступе», «сгустке» была своя жизнь, свой ритм, свой символ и знак, свой командир.

На всю эту иттыковую круговерть, на весь это войсковой замес, стоя у своей машины, молча взирал генерал Чуйков. Его налитые многодневной свинцовой усталостью глаза цепко скользили по оставляемым нами рубежам, напоминавшим пчелиный рой, улей которого медведь разворотил и раздолбанил в щепьё.

Мне казалось: генерал что-то или кого-то ищет, но он никого не тревожил вопросами, никому не отдавал приказов. Продолжал стоять возле приоткрытой дверцы своей чёрной, как смоль, генеральской I»эмки». Чуть поодаль, в салоне автомобиля, за рулём, сидел дюжий сержант, плотный и настороженный, выложив на колени стиснутые, словно готовые к удару, кулаки. На его рязанском скуластом, с русыми усами лице холодно и пытливо синели глаза. Запомнилось как они колко, и нелюбезно осмотрели нас, командиров батальонов 472-го стрелкового полка, прибывших по приказу командующего.

Между тем генерал Чуйков будто не замечал нас, отдавших ему честь, терпеливо дождавшихся, когда он завершит свой осмотр и уделит нам внимание. Но он всё также смотрел поверх голов, наблюдал за движением наших батальонов и точно исследовал, как опытный пчеловод эту, прибывавшую на глазах из траншеи и развалин грязную, в бинтах и крови озлобленную массу, закон её роста, её внутреннюю, растущую с каждой минутой ожесто-

чѐнную силу. И вдруг неожиданно, когда мы уже были готовы скрежетать зубами, оцупал нас твѐрым взглядом и твѐрдо сказал:

– Ну что, орлы!.. Вас учить только саблю тупить...Всѐ вижу, всѐ понимаю, всѐ знаю!.. Но знайте и вы: здесь нам стоять до конца. Приказ Верховного...никто не от менял, – «За Волгой земли нет!» Попали мы...меж косяком и дверью. Немцы прут одержимо, будто и впрямь чѐрт ворожит... Что делать, орлы? Драться! Видно, время помирать пробило...нам или им!.. Все мы тут: и командарм, и рядовой – в одной лодке. Либо отстоим Сталинград, либо все тут погибнем. Всем ясно? Вопросы? – Он снова, чуть теплея глазами, оцупал нас жѐстким взглядом. Его долгополая генеральская шинель была расстѐгнута. На выдавшем виды кителе багряно цвели нашивки за ранения и гордый гвардейский знак, с другой стороны – орденские колодки, над которыми мерцала, (как и у нашего погибшего комдива Березина) – золотая звезда Героя Советского Союза. Мы, стоя навытяжку, промолчали. И так, всѐ было ясно, как в день похорон... – Короче, товарищи боевые командиры. – Он сухо кашлянул в жилистый рабочий кулак и сказал негромко, но твѐрдо и чѐтко, так что мороз по коже. – Как справимся...так и будет. Других слов у меня покуда для вас нет.

И мы справились! Сдержали клятву верности, стояли до конца, как до последнего вздоха, до последней капли крови, стоял и весь Сталинград. Но победу эту вырвать из железных клещей врага, нам удалось посредством чудовищных, невосполнимых потерь! К концу октября 1942 года состояние-положение наших войск на Волге было катастрофическим. «Нам бы только день простоять, да ночь продержаться!..» – вспоминая слова гайдаровского Мальчища-Кибальчища мрачно и зло цедили сквозь зубы живые, и отводили ожесточѐнные взгляды от поленниц-брустверов, сложенных из окоченевших трупов своих же боевых товарищей.

Советские ВВС, задачей которых было обеспечить Сталинградскому фронту Ерѐменко, 62-й армии Чуйкова и 64-й Шумилова – преимущественно в воздухе, вновь, в первые же недели сражения в сталинградском небе понесли огромные потери, и теперь им приходилось с большим трудом восстанавливать свою боевую мощь. Стоило нашему «ястребку» появиться в небе, как откуда ни возьмись, в небо взмывали немецкие «мессеры». Пять-шесть крылатых машин облепляли нашего летуна...И до слѐз, до крика в горле, было больно наблюдать, как эти стервятники начинали загонять его... а потом «расклѐвывать» пулѐмѐтными очередями в пух и прах...Но самая большая проблема заключалась в том, что переправа бронетехники, боеприпасов и собственно войск через Волгу, была практически невозможной! Люфтваффе день и ночь контролировала реку в оба конца на многие километры, и жесточайшим образом пресекала любые попытки. А те, которые всѐ же случались, – неизменно терпели страшный урон, подвергаясь беспощадной бомбардировке с воздуха. <...>

Уже к концу 41-го года, тяжѐлое положение в войсках привело к тому, что советское командование было вынуждено осуществить ряд серьёзных структурных изменений в Красной Армии. То немногое, что осталось от предвоенных танковых частей и частей механизированной пехоты, было сведено в отдельные танковые бригады. Сталин требовал перейти в контрнаступление с целью освобождения территории страны от фашистских захватчиков. В связи с этим Ставка приняла решение создать Артиллерию резерва Верховного главнокомандования, для чего до 50% артиллерийских орудий были переведены из сражавшихся на фронтах стрелковых дивизий.

Другим важным новшеством в РККА было первое присвоение 18 сентября 1941 года ряду соединений почѐтного наименования гвардейских. Качественному превосходству Вермахта противопоставлялась новая гвардия, которая соединила закалѐнные в боях войска, лучшее вооружение и уже испытанный, хорошо зарекомендовавший себя командный состав. Первое время гвардейские дивизии не оказывали особенно заметного влияния на ситуации на фронтах – прежде всего из-за их небольшой численности и не слишком хорошего вооружения, но уже

к ноябрю они стали, очевидно, играть ведущую роль во всех советских контрнаступлениях. Кроме того в улучшении дисциплины в Красной Армии заметно стали видны и усилия специальных дивизий НКВД. День ото дня набирало силу и народное ополчение, а также личный состав военных учебных заведений. <...>

18 октября. Обстановка в Сталинграде продолжала ухудшаться. Животный страх в батальонах нарастал и становился всё очевиднее. Впервые так остро я почувствовал это, когда танковая дивизия Хубе захватила рынок, который в течении последних дней то и дело переходил из рук в руки... Силы наши были на исходе, свирепый бой продолжался уже несколько часов непрерывно, не останавливаясь, не замедляя хода, не давая возможности подобрать убитых и раненых, оставляя их неприятелю, который сплошными массами двигался сзади и стирал наши кровавые следы своими ногами. В тот лихой час в наши сердца и закрался страх. Его иссушающий здравый рассудок, палящий жар казалось, проникал в самую глубину тела, в кости и мозг, и чудилось порой, что на плечах покачивается не голова, а туго набитый мякиной грязный, холщовый подсумок, одновременно тяжёлый и лёгкий, уютный и чужой.

И тогда... тогда я внезапно вспомнил родную саклю: угол кунацкой, синий с белыми облаками и величавыми пиками гор квадрат неба в распахнутом настежь окне; на фынге – низеньком, круглом треножном столике – стоит нетронутый медный кувшин с водою из нашего аульского родника и деревянное блюдо на нём. Куски варёной баранины, хинкал, миска с подливой – кислое молоко с толчёным чесноком, ломоть белого, как снег, козьего сыра и мои любимые с детства тонкие сушёные колбаски.

...в распахнутое окно вижу наше ущелье Урада. Дно его пересекает мелкий, но бурный поток. День клонится к вечеру. Спряталось за дальними снежными кряжами золотое солнце, и прохладные ширококрылые тени легли в ущелье... Ай-е! Тянутся, как руки, сиреневыми клиньями к алмазным папахам вершин. Прощаясь с тёплым солнечным днем, неторопливо кружит над Урадой благородная чета орлов. Их лиловые чёткие тени скользят по суровым гранитным склонам, пугая ягнят. Как всё это величественно и красиво!..

...А в соседней комнате, и я их не вижу, будто бы находится вся наша дружная семья: отец, мама, братья и сёстры... И всё так явственно до предела, до слёз... Клянусь, если бы я мог тогда закричать, я закричал бы... Вах! – так необыкновенно прекрасен, торжественен и желанен был этот простой, мирный образ; этот квадрат прозрачного синего с белыми облаками и пиками гор дагестанского неба, и этот нетронутый с узким и длинным журавлиным горлом кубачинский кувшин...

* * *

В этот же день (18 октября) советская 193-я стрелковая дивизия потерпела от немцев сокрушительное поражение; командующий 62-й армии Чуйков после мучительных колебаний, всё же отвёл 308-ю стрелковую дивизию, чтобы избежать её полного уничтожения.

20 октября. Фрицы вновь укрепляются на тракторном заводе, теперь основательно – при поддержке танков и самоходок. И ведут с нами яростные бои за «Баррикады».

22 октября. 94-я, 305-я пехотные и 100-я егерская дивизии врага вновь атакуют остатки 308-й и 139-й стрелковых дивизий. Снова безумие и ужас... Снова на нас с расколотого взрыва неба, как стервятники срываются бомбардировщики «Штука», и снова безбожно громят. Бомбы, словно железными цепями молотят, выколачивают бойцов бойцов из траншей и укрытий, хоронят живых и мёртвых под горами вывороченной мёрзлой земли... И снова мы отступаем к Волге с боями... смешно и горько сказать «отступаем»... Смещались на десять-пятнадцать метров в другие развалины-катакомбы... Но даже эти пятнадцать-двадцать шагов, казались нам вёрстами ада!

...Помню, как задыхался от бега... Как потом шёл с закрытыми глазами несколько секунд, слыша, надрывный стук сердца, как движется вокруг меня толпа отступающих: тяжёлый, неровный топот ног людских и лошадиных, скрежет железных колёс противо-

танковых «ЗИС-ов» и санитарных подвод, раздавливавших в муку обломки кирпича и бетона. Политрук Кучменёв, пытаясь воодушевить солдат, кричал слова старой песни: «Рвутся снаряды, трещат пулемёты, но их не боятся красные роты...» Бросал призывы: «Со Сталиным мы побеждали! Побеждаем! И будем побеждать! Ура-а товарищу Сталину!»

Но, похоже, его никто не слышал. Вокруг лишь надорванное дыхание, сухое чмяканье запёкшихся губ и тяжёлые стоны раненых... Все молчали, будто двигалась толпа немых, и когда кто-нибудь падал, он падал молча, и другие натывались на него, падали, молча поднимались вместе с ним и, не оглядываясь, быстро двигались дальше. Я и сам несколько раз натывался на трупы и попал, и тогда невольно открывал на миг сомкнутые глаза – и то, что я видел, казалось диким вымыслом, тяжёлым бредом обезумевшей земли.

23 октября. 64-я армия генерала Шумилова предприняла отчаянную, но малоуспешную попытку нанести контрудар во фланг 4-й танковой армии Германа Гота.

В этот же день Паулюс бросил 79-ю пехотную дивизию на завод «Красный Октябрь». Но прежде вся территория промзоны и сам завод в очередной раз подверглись шквальному артналёту и массированной бомбардировке с воздуха. Тактика бомбометания с пикированием была использована на последнем этапе Первой мировой войны. Во время такой атаки самолёт движется к цели под наибольшим возможным крутым углом и сбрасывает бомбу, когда находятся всего в нескольких сотнях метров над целью. Движение с высокой скоростью по почти вертикальной траектории позволяет очень точно поразить цель.

Ли 87 Stuka (от Sturzkampfflugzeug) был создан именно как пикирующий бомбардировщик. Экипаж самолёта состоял из двух человек – пилота и стрелка-радиста, который обслуживал пулемёт, расположенный «против движения». Ли87 нёс одну 500 кг бомбу, крепившуюся к поворотному станку под фюзеляжем. Во время резкого падения вниз плоскости воздушного тормоза, смонтированные на передней стороне шасси, издавали громкий протяжный вой. Считалось, что этот дьявольский звук должен был деморализовать противника. И надо сказать, фрицы добились своего. Этот душераздирающий вой, действительно действовал на нервы и психику; нагонял жути, особенно на необстрелянных бойцов, готовых по первости, как кроты зарыться в землю, чтобы только не видеть и не слышать этого падающего с неба ужаса.

Когда самолёт приближался к земле, загоралась красная лампочка на контактном альтиметре (обычно на высоте 450 метров). Пилот сбрасывал бомбы нажатием кнопки на рукоятке управления, после чего включался механизм автоматического выхода из пикирования. В более поздних модификациях оставшиеся под крыльями бомбы могли быть использованы для поражения других целей.

...От этих взрывов, казалось, лопалось что-то внутри... Глаза слепли в беспощадном огне. Маленький, сузившийся зрачок, крохотный, как зёрнышко мака, тщетно искал тьмы под сенью закрытых век: ртутные всполохи взрывов пронизывали тонкую оболочку и кровавыми вспышками входили в измученный мозг. Фонтаны огня от полутонных фугасов взлетали в небо, были огромны, так ослепительны и близки, что казалось, будто земля приблизилась к солнцу и вот-вот сгорит в этом косматом, диком огне.

Раскалённый воздух дрожал и беззвучно, точно готовые потечь дрожали каменные стены цехов, а потом медленно начинали сползать, обрывались-рушились в низ, исчезая в непроглядных клубах дыма, огня, и пыли.

...Мы снова отступали, чтобы занять оборону у новых развалин... И дальние ряды стрелков, орудия, лошади и дома, казалось, отделились от тверди и беззвучно, плазменно – словно не живые то люди бежали, а батальоны бесплотных теней.

26-27 октября. Через Волгу, всем смертям назло, – была брошена в качестве подкрепления 45-я стрелковая дивизия. Мы только слышали звон о сём... Казалось, дивизия эта растворилась, как горсть соли, в бурлящем гигантском котле с убоиной...

27 октября. 6-й армии Паулюса, шагавшей по трупам своих и чужих, удалось установить контроль над заводом «Баррикады» и большей половиной промзоны «Красного Октября».

...Огромное, близкое пламя пожарниц, бушевало от дома к дому, от площади к площади... На каждом стволе пулемёта, винтовки орудия, на каждой металлической бляхе и пряжке, гранате и звёздочке на ушанке – оно зажгло тысячи маленьких огненных искр... Вспыхнули они и на огненно-белых остриях штыков, показавшихся из огня и дыма, густых немецких цепей... И снова бой – штыки в штыки... За Родину! За Сталина! За Волгой земли нет!

29 октября. Странно...мы ещё живы. Ещё стоим, ещё дерёмся...6-я армия Паулюса контролирует более чем 90% всей территории Сталинграда. Итог плачевен: в распоряжении разрозненных, обескровленных частей – осталась лишь узкая, как сабля, береговая полоса. Видит Бог...если бы не река, нас всех, как пить дать, уже окружили. ВОДА! О ней, драгоценной, грезил каждый из нас. Она была целью всех наших стремлений, словно мы оказались в жаркой безводной пустыне. Это была настоящая пытка, доводящая нас до бешенства. Обезвоженные люди едва не сходили с ума от жажды! Чёрный снег, пропитанный насквозь ржавой окалиной, металлической пылью, мазутом и нефтяной гарью, ни есть, ни топить на огне, ни цедить через марлю было невозможно. Парадокс. Вода была рядом. Много воды. Целая река, огромная, полноводная. Мы явственно чувствовали её манящий сырой запах, но все подходы к ней намертво простреливались пулемётами немцев. И за каждый котелок воды платилась огромная кровавая дань. Но всё равно всякий раз находились те смельчаки, которые под покровом ночи, презрев страх, отправлялись к реке. Ползком, перебежками, подолгу замирая в снегу, притворяясь убитыми, – они добивались до воды.

Как ночь, фашисты освещали берег прожекторами. И стоило им нащупать-поймать лучом храбреца, начинали работать снайперы. В помощь им, скорее ради развлечения, – начинали молотить миномётчики, поднимая у берега багровые от крови фонтаны воды. Это было просто ужасно! За глоток воды – люди платили собственной кровью. Пили и погибали от пуль и осколков. А на них из воды смотрели остекленевшими глазами синюшные лица прежде убитых, таких же солдат. Трупов у берега и в реке было столько! – что прежде, чем зачерпнуть котелком или каской воды, надо было прикладом растолкать-подтопить: плечи, спины, головы, ноги и руки убитых...

И всё же воду доставляли на рубеж! Бойцам доставался глоток-другой, оставшуюся воду берегли, как зеница око, для ранения и охлаждения раскалённых стволов пулемётов. А ещё жестоко хотелось есть и до одури спать. <...>

...Что тут добавить? Я сам находился среди них, видел эти молчаливые, одичалые ряды пехоты, ужасавшиеся от мин и снарядов на дне грязных окопов, воронок оврагов и ям. Их воспалённые от бессонницы, налитые звериной злобой глаза; обожжённые огнём и морозом кирпичные, шершавые лица, когда, почти касаясь бессильно опущенных грязных штыков, обходил их крепко повыбитые, драные, как старый невод, шеренги, боевые гнёзда, когда поднимал в атаку...<...>

Как на духу, порой меня охватывало жуткое чувство. Я вдруг начинал ясно видеть и понимать: эти люди, молчаливо шагающие в пыльных руинах, месившие кровавую грязь, или тупо сидевшие у костров, омертвевшие от усталости, жажды, холода, голода, ран, качающиеся и падающие, – это безумные. Они не знают, куда идут, не знают, зачем это волчьё солнце над ними, горящая от нефти земля и вода, они ничего не знают.

Вокруг – только чёрные от пороховой гари, с красными безумными глазами и широко оскаленными ртами лица. И я такой же...один из них, среди них...Слышу как ревет моторами чугунное небо...Вижу как рушится мироздание...Чувствую, как всё так же гибло и страшно дрожат земля и воздух...Жду смерти, своей пули, осколка, штыка...Но жду спокойно, ровно

во сне, где даже жуткая смерть является лишь этапом освобождения – на пути таинственных и чудесных видений.

И вдруг яро бухает танковый выстрел, будто оглушительно лопнул стальной рельс. За ним немедленно, как горное эхо, два других. Где-то над головой, с диким радостным визгом и воем проносится граната. И следом крик из развалин:

– Батя-а-комба-а-ат! Танки слева-а! Нас обошли-и!

Бах! И в дребезги колдовство! Ба-бах!! И нет уже более смертельной жажды, этого животного страха, жалкой немоги и отчаянья. Мысли мои снова отчётливы и резки. Поставленные задачи ясны.

– Батальо-о-он! К бою! Артиллерия, дай огня!

Сказать по правде... Единственное, чем радовал нас фриц, так это своей педантичностью. Война войной, но обед по расписанию. За это время мы успевали поменять дислокацию, кое-как окопаться, сделать новые огненные гнёзда и, если повезёт, перекурить.

В общем и целом на нашей линии обороны было как у всех. Худо-бедно, но мы хоть имели связь со штабом своего полка... У других складывалось ещё «веселее». Среди нас ходили упорные слухи о полковнике Людникове, которые подтвердил и начальник полковой разведки Николай Ледвиг. Напрочь отрезанный гитлеровцами от своей дивизии, полковник Людников, как легендарный царь Леонид, со своими спартанцами, с малым количеством воинов 40 дней подряд героически отражал яростные атаки врага. Как такое возможно! Как это у него получилось? – остаётся загадкой. Но ясно одно: героизм и везение, далеко не одно и то же. Генералиссимус А.В. Суворов как-то ответил своим завистникам-злопыхателям: «поми-луйте, господа... Раз везение, два везение, три... Но, чёрт возьми, должно же быть и умение!» За мужество, стойкость и героизм отважного полковника, защитники Сталинграда окрестили его неприступный плацдарм – «островом Людникова». Вот на таких героев, равнялись и мы. <...>

...Вот поэтому, сжав зубы, наши советские солдаты стояли насмерть у берега Волги. Не показали фашистам спины, не зная... доживёт ли кто из них до утра».³⁹

³⁹ См. там же.

Глава 8

...В воздухе ошутимо плыл тёплый запах взрывчатки, парной дух размороженной взрывом земли. Скулы, подбородок и нос кусал ноябрьский мороз, ставший к середине месяца по настоящему зимним и злым. Дорога льдисто хрустела, по-заячьи петляла среди городских руин.

Колёса командирского «виллиса» крутились-прыгали на колдобинах, выбоинах, на намертво вмёрзших в землю, как рыба в лёд, трупах погибших...И, Магомеду Танкаевичу, казалось, колёса эти, наматывали на себя его жизнь, жизнь батальона, и её становилось всё меньше и меньше. Вместе с водителем – Алёшкой Осинцевым, они пробирались на позиции комбата Воронова, где можно будет, как полагал Танкаев, согреться кружкой кипятка, зажевать, чёрный, что земля, сухарь, но главное убедить Иваныча – объединить их силы. К 15 ноября, к гадалке не ходи, стало очевидным: позиции порознь не удержать.

Воинский дух в сердцах коммунистов и комсомольцев ещё оставался, но вот противостоять танковым атакам было нечем и некому. Объединившись в один кулак, была пусть слабая, но всё же надежда, выстоять ещё день, другой. В ушах майора Танкаева до сих пор стоял сорванный, хрипучий голос начштаба полка Шашкова:

«Нет! Не-ет!! Повторяю! Остановить фашистскую сволочь любой ценой! Любо-ойй!! Как? Не понял! Орудия?! Ну, ты орёл из тучи! Я что-о! Рожу их тебе, майор! Нет! Что хочешь делай, джигит...Но день ещё простоять, кровь из носа! Приказ командующего фронтом! Будь наготове, майор. На твоём участке возможен танковый удар фон Дитца. Держишь!»

«Да чтоб вам всем...животы свело!.. – перекипал возмущением комбат. – Мудрецы! Бумажные вояки! Язвить вас в душу...Ни авиации, ни боеприпасов, ни пушек, ни подкрепления...Только приказы: «Любой ценой! Ещё час!..» Да мы, б...хоть всем гуртом костыми ляжем... Фриц не поморщится. Расколошматит нас под орех – «данке шён» – и дело с концом...Вай-ме! Всё у нас так...на коленке гвоздь куём! – рычал в душе майор, сжимал в бессилии жилистые комья бурых кулаков, матерился. – Я что-о? Со штыками-лопатами на танки должен идти?! Хотя... – он зло усмехнулся в опалённые усы, хрустнул суставами пальцев. – Голь на выдумки хитра! Вон, старший сержант Нурмухамедов из 3-го пулемётного взвода, что сварганил! Воткнул стоймя в землю ось от разбитой подводы, установил «дегтярь» на тележном колесе и строчил по «рамке», как тот зенитчик...крутятся вокруг оси. Хрен с ним, не попал, но спугнул крылатого шпика. Молодца! Кулибин – одно слово».

Машина резко свернула вправо, объезжая подбитую самоходку, и этот крутой поворот, подспудное ожидание выстрела снайпера возродили в нём пугающе-сладостное переживание трёхдневной давности; ночной плацдарм, исклёванная осколками кирпичная стена, чуть подсвеченная дроглыми языками крохотного костерка часовых; тени автоматчиков исчезающие в проулке на выходе из тёмного двора...Полуподвал бывшей продуктовой базы, струйка ветра пахнула нефтяной гарь. В пробитый пулей железный лист, заменявший оконную раму.

* * *

...Магомед и Вера, плечо к плечу, сидели на артиллерийском ящике, согревались трофейным порошковым какао. Полчаса как отгремел бой, потери снова были аховые, невосполнимые. Он молчал, как камень, твердел желваками, подавленный взгляд тонул в железной солдатской кружке. Она чувствовала его злобное ожесточение, не проходящую боль за погибших, хотела по-женски хоть как-то заслонить его скрытую беззащитность, ослабить душевную его петлю отчаянья. Осторожно коснулась пальцами его предплечья и тут же отдёргнула руку, будто обожглась о раскалённый металл.

– Цх-х! Нэ трогай меня! – Он тяжело дышал, молчал, сурово смотрел на неё немигающими глазами.

Вера насилу выдержала дикий взгляд пылающих фиолетовых глаз. Тихо и просто спросила:

– Почему? Что случилось, Миша?

– А ты, не знаешь-ш? – он резко отставил кружку, едва не расплескав содержимое. Его впалую щеку дёрнула судорога.

– Знаю. Но я...я в чём виновата? – она не спускала с него встревоженных глаз.

– Ты...ни в чём, женщина, – он исподлобья смотрел в её потемневшие фиалковые глаза.

– У меня есть имя, товарищ комбат.

– Ты ни в чём, ефрейтор Тройчук. Прасти, Вэрушка, не в тебе дэло.

– Тогда почему? – с горечью воскликнула она. – Каждый день, когда ты на передовой, я молила о твоём спасении. Чтобы тебе было легче. Случись с тобой непоправимое...у меня сразу бы перестало биться сердце.

– Но видишь, я жив, – его губы тронула улыбка. – Наверное, твоя свеча горела не зря.

– Да уж «наверное»!.. – Вера чуть не расплакалась. – Ты, не ответил на мой вопрос «почему»?

Сердце Магомеда смягчилось от этих слов, – сердечная тревога слышалась в них, – и ему захотелось убедить любимую в своей правоте, в своих предчувствиях.

– «Почему», гавариш-ш? – повторил Магомед дроглым, словно надорванным голосом. – Да потому что смэрт на мне. Поняла, смэрт! Опять...столько молодых рэбят...Опят считай батальон погиб...Солнце навсегда померкло для них...Прощай моя честь! Э-э...почему? Почему я не погиб с ними! – Он умолк, поник головой. Но вскоре заговорил опять, и в голосе его звучала боль и угроза, горечь и отчаянье. – Нет мне прощения, дошло-о? Я их убийца! О, земля...и как ты только меня ещё носиш-ш? Что их матерям скажу?.. После смерти...все слова шелуха.

Раскаянье когтило аварское сердце, безжалостно терзало его. При этом он испытал безгневное чувство к себе. ...Старому Танка не понравилось бы его поведение. « Запомни, сын, нельзя мужчине показывать свою слабость перед женщиной, стыдно это и унижительно, а позор одного наводит и на остальных тень позора. У тебя папаха на голове, а не чухта! Сначала ты горец! Потом аварец! И уж потом – всё остальное. Помни и никогда не забывай из какого ты рода...»

Вера вздрогнула, будто услышала это суровое горское напутствие, словно не Магомеда, а её в самое сердце ужалили эти слова. Вспыхнула вся, затрепетала, как свеча на ветру:

– Не говори так! Не смей! Ты тоже рисковал...Не прятался за спины других...Тебя тоже могли...О, Господи, что болтаю? Типун мне на язык!...Нет никакой на тебе вины...

Он слушал, дорожил её словами. В них была родниковая чистота и любовь. Две крупные росинки повисли на её длинных чёрных ресницах, глаза заволклись слезами.

– Ну-ну...Давай, бэз этого. Милая, отчего плачешь? Твой я...с тобой...живой.

Вера вздрогнула, снова обернулась к нему и словно окаменела. Как замороженная, глядела на Магомеда, хотела что-то сказать и не могла. Но вот сгорстила волю, совладала с собою:

– Спасибо, что выслушал меня. – Она тонула в горячей бездне его тёмно-коньячных глаз, чувствуя их сильную магию, страстный приказ.

– Спасибо, что гаварила со мной. – Он тоже ничего не видел перед собой в этом пепельном сумеречье подземелья...Только два фиалковых солнца, окружённые надежной охраной длинных ресниц, что сверкали из-под тонко натянутых над ними чёрных бровей. Она попыталась сказать ещё что-то, но вновь не смогла. Слова раскатились невесть куда, как ядрышки, порванных бус. Вера опустила глаза.

А ему...замороженному бесконечными боями, опустошённом страшными потерями, исхлестанному приказами...Ему, право, было невдомёк, что ей, охваченной горячечной дрожью, истерзанной ежедневной невыносимой мыслью «жив или...» Бесконечно любящей, он

сидящий вот так близко, ей-ей казался богу равным. Откуда ему было знать... Как почувствовать-понять?.. Что видя его таким – «без лица», подавленным, молчаливым – она сама становилась такой – «убитой», лишалась дара речи. Язык немел, под кожей пробежал лёгкий быстрый жар, а глаза... Они широко смотрели на любимого... и ничего не видели, в ушах же – один непрерывный звон. – Она замолчала, словно подбирала нужные слова...

Он наслаждался этой тишиной, этой неподвижностью, этим изящным, подсвеченным, прозрачным, как розовый воск, профилем любимой... Этим, вдруг остановившимся временем; неподвижной далёкой свинцовой тучей, застывшей на подступах к городу. Этой краткой, нереальной тишиной перед новой бурей, перед ещё более жестоким шквалом свинца, с неизбежными смертями-потерями на этой проклятой войне.

Слушал тишину и представлял её довоенное-мирное время: не в засаленном грубом ватнике с ремнём, не в армейских сапогах и ушанке... Но идущую по бульвару или тропинке парка светлым летним днём. Золотая, как солнце кожа, тоненькие каблочки, шёлковый узел русских волос, лёгкие складки на ситцевом платье... и с улыбкой на детских губах. Ему ужасно хотелось оказаться с ней рядом в том, навсегда исчезнувшем времени, шагать вместе по тропинке среди аметистовых скользивших теней, где на цветах рассыпано воздушное-пёстрое конфетти смятённых, непоседливых бабочек.

Почему? Почему мы раньше не встретились? – сам не свой он тонул в бурливом омуте ревности. – Почему так! Ты здесь, а я там?

Ему вдруг подумалось... Чей-то серп мог быть нацелен на этот нежный стройный цветок... Его любимый цветок! Иай! Чьи-то мельничные жернова могли стереть её в порошок! О, Небо! Образ любимой, подобно горделивой деве-луне, молчаливо и бесстрастно исчезал на глазах в перламутровых волнах рассвета... – Уф Алла! Уйищ-гурищ? Нет... нет! – Эта мысль, как кипяток, ударила из сердца, шибанула в голову. Глаза застила огненная мгла. – Вай-ме! Почему мы были порознь? – кричала душа. Но не у кого было об этом спросить. И некому было ответить. Вера молчала, выпрямив спину, застыв, как изваяние. Было слышно, как беспощадно, разбивая волшебную магию тишины, сжирая ленту, на правом фланге, загрохотал пулемёт лейтенанта Дзотова.

– Ласточка, любовь моя, что мучит тебя? Скажи мне, милая, скажи... – то ли наяву, горячо сказал он.

Вера встрепенулась, глаза её как прежде сверкали, бледные щёки зарделись, на губах заиграла лёгкая счастливая улыбка. Словно защищаясь, протянула она руки к нему.

– Дикий вид у тебя, Миша. Ой дикий...

– Э-э... станэш-ш тут диким! Как сама? – Он глядел на неё пламенными глазами. Нет, не сумела по счастью война убить в нём ни любовь, ни страсть к ней... в кровавой сталинградской бойне! Напрасными были все опасения, – его близкие губы опять произносили одно только имя, и не было ничего на свете прекрасней и желанней этого слова.

– Вэра, Вэрушка, Вэра! – без конца повторял он, вкладывая в этот призыв всё сладкое безумие своё. Как обычно упрямо и одержимо зазывал её в свой сказочный Дагестан, где восточный блеск играет каждой гранью... В тот благодатный, величественный, солнечный край, где они никогда не познают разлуки... Где их ждёт просторный крепкий родовой дом; уют в котором отполирован временем и традициями предков... Где для любви и счастья – века – застыли в грандиозном каменном громадьё, где аромат цветов изыскан и тонок, где свободно и гордо парят орлы... Где в сакральной тиши у горных, хрустальных ручьёв можно говорить на единственном достойном понимания языке души... Где, по его словам, даже смерть легка и прекрасна...

– Вах... рохел... радость моя... Мы рождены с тобой для любви в пламени войны... – жарко шептал он. Сила этого зова покоряла, и гибкий стан её, как ветка ивы, клонился к зовущему. Охваченная знойным ознобом, она вдруг слабо воскликнула:

– Обними! Обними скорей меня, Миша! – и сама упала на грудь любимому.

* * *

Танкаев очнулся от острого, как скальпель чувства опасности. «Виллис» снова объезжал очередной завал из кирпича и бетона, погнутой арматуры, когда он до головокружения ощутил их открытую незащитность и обречённость среди слепых непомерных сил, сдвигающих границы государств, опрокидывающих суверенные страны и правительства, уносящих в преисподнюю целые племена и народы.

...Лёшка Осинцев – худой, с обветренным лицом и виноватыми глазами, словно почувствовал напряжение командира. Испуганно улыбнулся:

– Пустяки! ас проскочим пустырь...и готово, товарищ майор!

Гибко согнувшись в талии, припал к рулю, утопил сапогом педаль газа, подныривая под железной станиной поваленного башенного крана, а в нём самом гулял страх, что вот сейчас немые, угрюмые руины оживут, где-то тускло вспыхнет металл и ударит в упор пулемётная очередь.

Машина теперь бойко катила горошиной по проулку. По сторонам тянулись безглазые коробки домов, сквозь которые изредка, почти беззвучно пролетали розовые и жёлтые трассеры.

– Кажись, проскочили, товарищ, майор! – лучистые глаза Осинцева рывками оглядывали своего командира, и тот неожиданно почувствовал удивительное доверие, внезапное облегчение, словно его напряжённая-ожесточённая воля, на мгновение ослабела, и он передал себя во власть этого улыбчивого парня.

* * *

...И вновь память унесла его к Вере. Он снова целовал её, чувствовал свежий запах волос, трепет ресниц, словно у губ его шелестела и билась робкая бабочка...

Словно апрельская капля, частили краткие минуты счастья. Они находились одни в укывище, покорённые страстью молодости, фронтовой любви, позабыв обо всём на свете! Тёплые отсветы светильника, слаженного из артиллерийской гильзы, мягко трепетали на покрасневшихся щеках Веры. Он брал её лицо в ладони и, повернув к свету, глядел, не отрываясь, глядел на милые черты или вдруг в яростном порыве принимался целовать-обнимать её. От каждого прикосновения трепетали они, как чуткие листья, и сладкого бились и таяли их сердца.

...Оба забыли, где они, кто они, и лишь одна исступлённая жажда – слиться, слиться навек! – владела ими.

– Свет моих глаз...Моё серебро-золото, – по-аварски воспевал её красоту он.

– Это как? – она увернулась от его ласк, вскинула чёрную бровь.

– Днём – красное золото, ночью – серебро, небо освещающая луна...

Вэрушка, как же я рад, как благодарен судьбе...что встретил тебя здэс...Эй, куда ты? Клянусь, не могу дольше терпеть! Истаял совсэм, а сердце твоё всё не смягчается.

– Не надо так говорить... – она откинула назад разметавшиеся по плечам волосы! Вновь ловко уклонилась от его властной руки, и он, чувствуя её тёплый женский аромат, видя как выгоревшее х/б гимнастёрки перетянутое ремнём соблазнительно-туго натянулось на её упругой груди, цокнул зубом:

– Ну-ка, ну-ка! Просвэти невежу...Это почэму же нэльзя...говорить о «счастье»? – он едко усмехнулся, бросил в рот папиросу и прикурил.

– Потому...счастлив только тот будет, кто переживёт эту проклятую войну. Мамочка моя! Сколько же вас молодых, хороших каждый день гибнет! – она схватила пальцами за виски, сверкнув фиалковыми, полуобморочными глазами полными слёз, и продолжила:

– Только за последние два дня... Тихонов Андрей, Юрка Марченко, лейтенант Амир Байрамгулов, старшина Лукашевич Василь, Арсен Абжандадзе, Коля Смирнов, Мерчанов, Черкашин, Петров...

Вера чувствовала – силы покидают её. Стараясь быть твёрдой, но тщетно. Слезы хлынули из её глаз. Закрыв лицо дрожащими пальцами, она больше не сдерживала себя.

– А ну, преркратить слёзы! Будь мужчиной, боец Тройчук! Ох уж, мне эти жэнские радости и печали. Хватит! Всех оплакивать – слёз не хватит.

– Ещё скажи: всех помнить – башка треснет. Ты, ведь, и так можешь...

– Отставить! Сама гавариш, моей вины в сём нэт! Приказ не обсуждают. За Волгу ни ногой! Мы все выполняли свой долг.

Но Вера будто не слышала. Продолжая кусать дрожащие губы, словно роняла простые и страшные слова:

– Мамочка моя! Чего я только за то время в лазарете не насмотрелась!.. Дети, которые с голоду ели глину с пылью... У них вся кожа в язвах, чирьях, а ноги распухли – в сапоги не лезут... Господи, что они – звери с нами сделали, Миша? – Она потеряно всплеснула руками. – Ненавижу! Всех их не-на-ви-жу!!

Испуганная, она вдруг замолчала, съёжилась, скованно трясла перед грудью сжатыми кулаками и, качая головою, с безумной выразительностью рассказывала:

– ...нынче, при утренним обходе, значит... Лощилова Галка, ты знаешь, старшая медсестра... Узнала, что Ващенко из четвёртой роты, из новобранцев... до операции на костылях из лазарета, значит...

– ну! – Магомед нетерпеливо щёлкнул пальцами, не спуская с неё глаз.

– Хай такой подняла! Батарею не слышно стало! И матом – фронтовым, отборным:

– Я тебя, оторву... в штафбат законопачу... Ра-та-та-та-та-та-а! Ты ж гангрену мог заработать, дурья твоя башка! Эх, знала б, что ты такой ходок... Отрезала бы тебе ногу начисто, по самое то место!..

При этих словах Вера густо зарделась, но не споткнулась, даже окрепла голосом и расправила дрожащими руками мятую гимнастёрку.

– Тот солдатик, Ващенко – жалобно так стонет в подушку... Мать без конца вспоминает:

– Ой, мама... больно мне, больно... Ой, не могу терпеть! Ой, мама, сил моих больше нет...

– И вдруг с обидой в адрес Галки Лощиловой. – Я ведь, на фронте, тетенька... только второй день... Не воевал ещё, пороху не нюхал... и вот!

А она, я не поверила, простила ему «тётку»! Ей ведь всего двадцать два... и по-матерински так, сродобольно:

– Не беда, сынок. Успеешь, вот невидаль! Фронт не пивная. Кружку твою никто не выпьет. И вдруг, как расплачется вместе с ним... Эта гром-баба! Говорит ему: – Ты поплачь, поплачь, сыночек... не держи в себе боль, открой клапан... вот увидишь, легче будет. Рецепт хоть и бабий, зато действенный, верный.

– Он что? – Магомед затушил папиросу.

– Зубами ляскает от смертельной боли, стонет сквозь слёзы:

– Тётенька... ты сядь со мной рядом... покачай меня за плечо, как мамка...

Я грешным делом подумала: Галка отрежет дежурно, как большинство санитарок: «А сиську тебе не дать?...» Ан нет, присела на край койки, ровно он ей и впрямь родной сын, мягко так покачивает его за плечо. А он, давясь слезами, бурчит: – Ходить-то я буду, сестра? Я ж на гражданке... в футбол играл, за район... лучшим нападающим был... С девчонкой вот... познакомился только...

Галка колышет-гладит его за плечо, приговаривает:

– А то, мой хороший! Какие твои годы? Потерпи, родной. Ещё все мячи твои будут.

И он... доверчиво так, прижавшись к её груди, вроде как успокоился, забредил так... А того не знал, что обе ноги то ему хирург той ночью... выше колен уже отнял. Не слышал, как они в таз брякнулись... Под наркозом был, вот и не помнит бедовый...

Вера вновь закрыла лицо руками, плечи её задрожали.

– Зато живой домой взрётца. Орёл с перебитыми крыльями всё равно орёл.

– Зачем ты так? – отрывисто с возмущением вспыхнула она.

– Как? – его фарфоровые белки влажно блеснули. – Нам никому нэ дано знать, что уготовано судьбой... Каков будет наш послэдний шаг...

– Давайте, мой товарищ командир, лучше помолчим.

– Кхэ, можно, конэчно, и помолчать. Только зачэм?

– За «надом», – она утёрла платком слёзы, не глядя в его сторону сделала торопливый поток из кружки.

Помолчали. Вера странно улыбалась, подбородок её комкала неуверенность. Ей было неловко, но более страшно-произнести слово, как будто каждое из них в языке потеряло своё значение и констатировало только одно – смерть. Она украдкой глянула на комбата, на его китель, мерцавший тяжёлым рядом боевых орденов и подумала: «Господи, как всё просто на самом деле. Счастье это отсутствие несчастья. Вот он жив – жива и я. – Сердце заполошно выстукивало: – Умоляю тебя, Миша... Мишенька, родной! Уцелей... Уцелей... Только уцелей! Как жутко... кто следующий? Скоро останемся мы одни... Одни бабы...» Ничего, всё не убьют!» – вспомнились его убеждённые слова. – Может быть, всех и не убьют... Но для меня хватит и одного тебя... чтобы жизнь моя оборвалась. Закончилась навсегда.

* * *

*Через горы, реки и долины,
Сквозь пургу, огонь и чёрный дым,
Мы вели машины,
Объезжая мины,
По путям-дорогам фронтовым...*

Танкаев мазнул взглядом водителя. Неунывающий Осинцев мурлыкал под нос, прикипевшую к сердцу, весёлую песню. Юное, безусое лицо его озарилось верой в удачу, радостно блестели глаза.

Поймав на себе взгляд комбата, он повеселел ещё больше. «Виллис» продолжал намаывать вёрсты разбитых улиц; миновал, ухавшую артиллерийскими залпами береговую зону. Майор, прислушиваясь к звуку двигателя машины, поймал себя на мысли, что перегретый мотор, совсем, как загнанный человек, вдыхал нервными рваными глотками воздух, рычал-чертыхался, старался не подвести своих седоков, чувствуя при этом, как жестко, почти со стуком, работают его железные сочленения, отвердевшие ремни и сухожилия двигателя.

Но вот пробились на относительно ровную дорогу, и двигатель, работавший на пределе, в постоянном надрыве, с разрывающимся железным сердцем, с тупыми ударами изнемогающих мышц, – облегчённо вздохнул. Фыркнул-чихнул и побежал легко, почти невесомо, словно у него открывалось второе дыхание.

Магомед Танкаевич напряжённо наблюдал, как зримо теперь сокращался разрыв между ними и, грохотавшим впереди, рубежом комбата Воронова. Обернулся и сердце поневоле зануло. Где-то там, за дымами-пожарищами, руинами безглазых домов, за сгоревшими коробками бронетехники, остался покинутый им плацдарм, его Верушка, его батальон, который давно потерял должный боевой ритм, сбил дыхание, и теперь жарко и сипло дышал, бредил, захлёбывался кровью; батальон в горле которого бурлил и клокотал ком боли. Лаза коего заливал липкий пот и отчаянье. Воля которую он, батальон, использовал как палку, нещадно колодила его по мышцам ног, по горячим рёбрам, по дрожащему мокротами животу и спине...

Но воля таяла, как снег на солнце, и отступала перед страданием униженной, обессиленной плоти. И всё-таки, вопреки всему, батальон продолжал драться, не пропуская рвавшегося к Волге врага. Он стоял на его пути, заставляя двигать свои ноги, локти, колени, плечи и руки, уже не волей, не грозным командирским приказом, а зловещей суеверной мыслью – не оказаться в окружении, не быть отрезанными друг от друга, не попасть в лапы фашистов, не потерять обгоревшего красного знамени полка, с которым в этом аду соединяла батальон незримая сила. Необъяснимая общая судьба, общий путь, общая жизнь и смерть.

Как никто другой, чувствовал эту незримую связь и комбат Танкаев. Именно понимание сего, ответственность за своих солдат, чувство долга перед Родиной, необъяснимая общая судьба, общий путь по дорогам войны, по этой обугленной земле, обогрётной кровью, где суждены им скорые несчастья и беды, – он, комбат Танкаев, обязан добраться до Иваныча, объединить их силы в единый кулак, – и попытаться выжить. А если нет: погибнуть всем, но удержать плацдарм и не пропустить фашистского зверя.

...и теперь, когда «виллис» катился вперёд легко и живо, Магомед Танкаевич чувствовал облегчение, словно его дыхание, удары сердца, неверные толчки о дорогу, складывались с упругим скоком колёс, с ровным дыханием радиатора этой маленькой, вёрткой и такой незаменимой на фронте машины.

...Думая об оставленных им командирах-солдатах, думал майор и о своей любимой. Думал и о том, что бы сказал по сему поводу его отец. Вряд ли бы он приветствовал их любовь, когда от взрывов и бомб грохочет Земля. Когда силы Тьмы крушат каменные своды мироздания и бросают глыбы на человечество. Есть ли в аду место для любви? Есть ли место для цветущего сада в огне? Когда Небо охвачено пламенем, пеплом и дымом... Когда в нём клубятся и дико мечутся разорванные тучи и всей гигантской массой падают на потрясённую землю! Когда в самых основах своих рушится мир... И оттуда, из огненного клубящегося хаоса, несётся громоподобный хохот Шайтана, треск и крики дикой оргии Зла?

«Уф Алла... Пожалуй, так бы ответил и вразумил меня отец... – мучительно думал сын. – И был. Наверное, прав».

Магомед чувствовал-знал: душою и телом тянулась Вера к нему, равно, как он тянулся к ней. Но оба скрывали плохое предчувствие: их близость, фронтовая любовь – лишь навлечёт тысячи бед на голову того и другого, погубит обоих... А, возможно, ещё и чью-то третью жизнь, которая легко может стать плодом их возможной близости.

«Не торопись, сын... – отчётливо вспомнились двухлетней давности напутственные слова отца. Смотри, не стань посмешищем для людей. Помни, из какого ты рода! Ты отправляешься на войну, так иди с сердцем воина и бей врага. Молод ты ещё, – тебе что, счастливый! Храбростью, силой, умом, хитростью, стойкостью, мужеством – заслужи славу воина, как твои достославные предки. Милостью Всевышнего наступят светлые дни. Любая война заканчивается миром, сын. Вернёшься домой! Разве, какая девушка у нас... откажет такому джигиту, как ты?! Э-э, в горах столько свежих прекрасных цветов! Все у твоих ног, все перед твоими глазами. Сорвёшь любой из них! Будь спокоен, и я буду спокоен, и мать будет спокойна и счастлива – счастьем твоим!»

«Всё так... всё правильно, дада... И правда, может ли быть танец Любви на тропе Войны? – усмехнулся Магомед. – Но разве, ты, не был молод?! Разве, сердцу прикажешь? Разве, можно любовь кнутом оседлать?»

Он на секунду прикрыл усталые глаза... и тут же вновь оказался рядом с нею...

Глава 9

...В продувном подвале зябко и сыро, от печки «буржуйки» толку – пшик. Вера была в лёгкой гимнастёрке, плечи закутала в шаль, – тоже худая защита от сырости и сквозняков. Поёжилась, холод пронизывал её, но она молчала, крепилась: рядиться при герое-командире в опостылевший ватник, (в к тором, по её мнению, любая стройная девушка превращалась в бесформенную базарную торгашку пирожками) – нет, ни за что! Уж краше штрафбат.

А ему и в голову не приходило, он весь ушёл в свои думы. Судьба плацдарма и батальона были поручены командованием его командирским заботам – опыту, его совести. Удерживать рубеж от врага, оберегать жизни солдат – всё это было его священным долгом, – а, по слову горцев, «доверенное даже волк бережёт».

Что же делать ему со своей любовью? Всепожирающая страсть пронизывала его существо, безжалостно терзала мозг и сердце. Но как! Как совместить всё это? Как примирить душевную муку с возложенным на него ответственным делом?

...Тем временем холод и сквозняки брали своё. Вера стала дрожать. Ощутил дрожь любимой и Магомед, вздрогнул сам, повернулся к ней. Вай-ме! Тут только заметил он, как легко одета она. Верушка, его любовь, его святыня, а он даже не озаботился!

Не принимая никаких возражений, он заставил Веру срочно влезть в телогрейку.

– Глупая! Сколько раз это будет повторятца? Простыть, околеть, хочэш-ш? Отставить, боец Тройчук. Вон... замёрзла совсэм, как синица на вэтке!

– Не беда... – еле слышно виновато пролепетала она.

– Разговорчики! Я тебе дам «не бэда»! – в его голосе звучала неподдельное беспокойство. – Ца, ца, ца... нашла мэсто и время форсить. Э-э, что будет со мной, если ты захвораеш-ш? – Он притянул к себе её тонкий стан. – Теперь чисто, чэстно и ясно ответь. Согрэваешся? Ещэ холодно?.. Жизнь моя! – прерывисто шептал Магомед, и казалось: изо рта вырывался пожирающий огонь. Один поворот головы, один взгляд, одно лёгкое прикосновение – и кровь забурлила в аварских жилах.

Вера, поборов себя, смирилась, угреваясь в толстом армейском бушлате. И вдруг на самом деле почувствовала, как опасно продрогла, молча и быстро застегнулась на все пуговицы. У-ух!

Он крепче прижал её к своей груди, нечаянно царапнув щёчку любимой орденами. Она не заметила этой малости. Сердце снова бурно забилося. Вера не противилась, – оттого ли, что кавказский напор его напугал её, подчинил себе, оттого ли что она разделяла сей порыв и сама страстно хотела его близости. А он, теряя рассудок, сильнее обнимал её, крепче прижимал к своей груди. И снова, как это уже было не раз, за два последних месяца, – одно только чувство владело ими в эти сумасшедшие мгновения – чувство беспредельного безумного счастья, несравнимого ни с чем на свете! Что горячим, молодым, любящим сердцам: мир – война?.. Стоит ли думать о них? Это всё такие пустяки...

...Он знакомо склонялся к лицу любимой, горячее дыхание обжигало её. Приникал к ней и шептал те же странные речи, которые часто на аварском родном языке, но оттого не менее понятные и желанные.

– Душа моя! Жизнь моя! – и сладостное горячее безумие загоралось в чёрных глазах. – Уф Алла! Зачэм мучиш так долго? Уже второй месяц по тебе сохну...

– Всего-то?... – она игриво уворачивалась от его жадных губ. – Да что тебе надо, смола? – Вера шутя дразнила его. – Чего ты все хочешь, неуёмный?

– Вах! А ты не знаеш-ш? Разве, не, не ты сказала прошлый раз?

– ? – её фиалковые глаза смеялись.

– Что «любиш-ш»! Зачэм тогда всё ходиш вокруг да около?

– Ну сказала, – тихо согласилась она, розовые губы тронула неуверенная улыбка. – Плохо сказала?.. Не нравится?

– Ох, любимая! Зачем пытаеш-ш меня? Так кошка с мышью играет: поймает когтями её. Придушит, наиграется вдоволь и выбросит вон. Так и ты! Ни убить, ни отпустить нэ хочеш-ш. Иай! Хоть бы Всевышнего побоялась... Будь ты женщиной... Клянус сумел бы тебе отомстить!

– Миша! Мишенька... да что с тобой? Не узнаю, ты ли... это? Видит Бог, как я жалею тебя за твои страдания.

Медное лицо Магомеда потемнело.

– Ты кого жалеешь?.. Меня жалееш-ш?! Красного боевого командира?! Орденосца-а, жалееш-ш!...

Он резко поднялся, замер возле топчана, высокий, широкоплечий, перетянутый ремнями. Влажные, немигающие, глаза смотрели на неё пристально и, как показалось, враждебно. Вера вдруг испугалась этого взгляда. Тёмная, слепая сила хлынула в неё из этих чёрно-фиолетовых глаз. Окатила изнутри леденящим потоком. Пропитала каждую горячую клетку, замораживая в ней кровяную каплю.

– Значит жалееш-ш меня? – грозно повторил он.

– Жалею, Миша... – будто под гипнозом, кивнула она. – Так жалею, что жизнь свою готова отдать за тебя, мой боевой товарищ командир.

– Отставить, ефрейтор Тройчук! Зачем же ты раниш мя, свет моих глаз, прямо в сэрдце? Зачем опаляеш огнём?

– ?! – её пальцы, не зная покоя, нервно комкали край бушлата.

– Молчи, женщина-а! Если для тебя сказанное слово царапина, для меня удар кинжалом. Ты! – всадила мне в сэрдце горячую пулю... Думаеш, что одной мало для меня, да-а?.. Вот здесь сэрдце, – он хлопнул себя пятернёй по груди. – На, убэй меня, не медли, не мучай! Убэй и конэц всему! – Он дико сверкнул зрачками, по-конски выворачивая белки глаз.

Вера так и обмерла: ни жива, ни мертва. Видит Бог, таким она ещё не видела Магомеда. Это был совершенно другой Магомед. Не её Миша... Чужой, по-волчьи дикий, опасный горец. Точно почувствовав её растерянность, страх, он тотчас же подмигнул. – Щютка! – и белозубо громко-весело рассмеялся. – Э-э... чего ты? Нэ бойся. Щютка, дошло-о?

– Бешенный! Я... чуть не умерла со страху, – давась словами прошептала она. – Ненормальный! Ты шути... да знай меру, Миша! – Я и так знаю. – Под вздетой бровью блеснул чёрно-фиолетовый глаз, и сквозь приглушённую стукатуху выстрелов, сквозь близкий рокот мотора проезжавшего грузовика, она услышала твёрдый голос:

– Если мужчина мэры не вэдет, знаеш-ш, что бывает, ефрейтор Тройчук?

– Так точно. Догадываюсь, – смедея голосом, сказала Вера.

– Вот и хорошо. Без свадьбы только муху женятца. – он по-житейски усмехнулся. Отэц учил нас: «Большое дэло суеты не терпит. Нэ торопи зиму стать летом, ещё должна быть вэсна». Магомед хотел ещё кое-что добавить резкое-едкое по сему поводу, но воздержался, пощадил слух любимой. «ох, уж эти военно-полевые романы! Вай-уляй!» Он всё мог понять, но вот принять – нет. Было для него в этой «блиндажной любви», что-то скоротечное, брезгливое от визгливых собачьих случек... То, что позорило честь мужчины. Горскую честь.

...Пролетели, как быстрые стрижи, первые минуты страсти, их сменили мгновения растерянности и внутренней тревоги – следовало расстаться, идти на позиции. Но всё его естество протестовало, ноги, словно налились чугуном. Он снова явственно осознал, какое счастье, и беда одновременно постигли его. Фронтная любовь! Он словно попал на разрыв. Прочувствовал и сладость любви, и горечь сурового командирского долга, всякий раз беспощадно разлучавший его с любимой.

Уж сколько раз, после таких встреч, жадно подставлял он лицо ветру и снегу, словно ожидая спасения-успокоения от них, и они без помех хлестали его! Пустое!

Думал: охладив лоб, охладит и свою аварскую кровь, взнуздает страсть, уймёт взбудораженное горское сердце. Напрасный труд! С опаской и радостью убеждался он, что образ Веры неодолимо овладел его сердцем и крепко, как орлица держит в когтях пойманную добычу, вошёл в его сознание.

Комбат посмотрел на часы, время отдыха, данное измученным бойцам, заканчивалось. Через пять минут он обязан будет покинуть убежище. А потому решил не глядеть больше на любимую, не говорить с ней, зная наперёд, какая это будет для него пытка. Глядеть? Говорить? Шевельнуться не смел, он не смел, вздохнуть полной грудью, чтобы невольным движением не выдать себя.

...Притихла и Вера, сидела с поникшей головой. Кто скажет, что бушевало в ней в этот час, какие волны вздымались в любящем сердце? Для чужого взора сердце её было – словно безмолвная чёрная пропасть: ничего не разглядишь, ни на что не получишь ответа.

– Пора, – он снял с замороженной, чуть оттаявшей кирпичной стены ППШ, привычно забросил его на плечо. Рот кривило внутреннее усилие, будто он предчувствовал что-то страшное, непоправимое, приближение какой-то чудовищной развязки.

– Что сидишь? Врёмя! Ну-ка!

– Да-да. – Она бегло ощупывала его тревожными глазами и кротко улыбалась побледневшими губами. И вдруг задыхаясь, с бурной обидой глядя в глаза Магомеда и, беспорядочно взмахивая руками, разродилась перекипевшим шлаком слов:

– Не «нукай», не запряг! Привык тпрукать и нукать у себя в горах. Лошадь я тебе, что ли? Ты! Ты-ы!..

Но он строго осадил её:

– Молчи! Что себе позволяешь? Оба остановились друг перед другом. Напряжённое до предела молчание, накалённые взгляды не сулили ничего доброго... А из последующего осязаемо и ярко запомнился Танкаеву один момент. Вера в сбитой на плечи шали, растрёпанная и неузнаваемая от волнения, обескровившего её лицо, таким же неузнаваемым ломким голосом крикнула: «Не могу я так больше! Не мо-гу!» – бросилась к выходу неверной спотыкающейся рысью. Но у дверей остановилась, как-то боком сделала к нему два шага... И вдруг лицо её сразу смялось, задрожало, стало мокрым и диким. Фиалковые глаза стали тёмными, как обсидиан, дыхание делалось всё чаще, короче и громче.

– Ми... Миш... Ми... Ми... ша – повторяла она, не двигая губами...

– Вэрушка! – дальше он не сумел продолжать, в горле застрял горький полынный ком. Глаза защипали близкие слёзы. Не сговариваясь, они бросились друг к другу. Стройная, лёгкая, большеглазая русская красавица со слезами забила горлицей у него на груди. Такая любимая такая желанная, такая красивая, что звёзды с неба падают.

«Вера! Вера! Вокзюлев чи... – горячо выстукивало её имя сердце. – Разве другой может полюбить её так, как я её люблю!! Нет, клянусь Небом, нет!» – две скупые слезы обожгли медь его скул. – Любимая! Моя! Моя...»

И он, как орёл крыльями, укрыл её от всего враждебного мира в своих надёжных-сильных объятиях, пропахших порохом и табаком.

– Ми-ша...

– Вэ-руш-ка...

Голоса дрожали. Он нащупал рукой её сбившуюся на плечи шаль, бережно поправил, стёр губами алмазные росинки, скатившиеся из её близких, прекрасных глаз.

Вера молчала. Нежное лицо её то вспыхивало, то погасало. Грудь бурно вздымалась. Пальцы лихорадочно зарывались в складки его шинели, будто что-то искали и не могли найти.

Магомед не ожидал такого нападения, смешался, но лишь на миг. Стиснув ладонями девичьи пылающие щёки, он приподнял её голову и заглянул в искрящиеся от слёз глаза:

– Молчи! Не муч себя! Не муч!... Не муч-ч...

– Люблю...люблю тебя! Больше жизни люблю! Боюсь за тебя...страшно. Уцелей, Мишенька! Только уцелей!

– Всех не убьют, – хрипло повторил он обычное. – Пойдём, Вэра. Товарищи командиры, солдаты не поймут меня.

– Да, да... Не шуми так... – слух её болезненно скоблил скрип его кожаных ремней. Вера обвела низкий закопчённый полуподвал тяжёлым, негнушимся взглядом. Качнувшись всем телом, подошла к нему вплотную, и трудно поднимая голос сказала:

– Кроме тебя...кроме тебя...Нету никого у меня во всем свете!.. – она подняла пьяные от душевной муки и страхов глаза, точно прошалась. Сухая спазма захлестнула ей горло, и она насилиу прошептала: – Поцелуй меня...

Налетевший сквозняк сорвал с головы лёгкую шаль и бросил шёлковую прядь её волос в суровое лицо Магомеда. Последние силы покинули их, и ищущие губы слились в поцелуе.

Грубые, застуженные голоса солдат, заносивших на руках раненого товарища, прервали их. Рассеялся туман блаженного самозабвения. Чувство долга схватило Магомеда клещами за горло. Чувство греха – острой болью пронзило сердце Веры. Стремительно вырвалась она из его рук и, не оглядываясь, побежала в лазарет. Её уже не было, а в воздухе витал тонкий запах «Красной Москвы» – духов (взятых в долг у подруг) и золотистый отсвет её русых волос.

* * *

*Эх, дорожка, фронтовая,
Не страшна бомбёжка любая.
А помирать нам рановато –
Есть у нас ещё дома дела.*

Лёшка Осинцев нажал педаль тормоза. Машина содрогнулась сбрасывая скорость. Завизжал металл, они чуть не врезались в перевёрнутый вверх дном грузовик, вокруг которого летали разбросанные тела фрицев. НО машина, скользя по бурой от крови наледи, пронеслась мимо в шаге от бампера подбитого «опеля». Выровнялась, пошла свободно.

– Мать твою!..– Лёшка перевёл дыхание, увеличил скорость работы «дворников», но всё равно он едва мог видеть, куда движется. Лобовое стекло было почти полностью ухлюстано слоем грязного снега с песком. Колючий песок был везде. Каждый раз, вздыхая, они ощущали во рту песок. – Простите, товарищ майор. Сорвалось с языка...Споёшь тут, жди! Тут хрен на танке проедешь. Гляди-ка, что делается! – Он снова сбавил скорость. Впереди дорогу перекрыли три других немецких грузовика, столкнувшиеся прямо посреди шоссе. – Ё-моё! – Осинцев почувствовал, как начало заносить их «виллис» влево, и с ужасом понял: слой наледи, покрывший дорогу опасен и ненадёжен. Он быстро вывернул руль в противоположную сторону. Три столкнувшихся обгорелых автомобиля быстро приближались, красный стоп-сигнал у одного из них ещё продолжал импульсивно мигать.

Снова бешено завизжали тормоза, они едва не врезались в бетонное ограждение, но сумели избежать столкновения с искорёженными грузовиками. «Виллис» пробкой из бутылки пролетел мимо мигающих стоп-сигналов. Танкаев увидел тело водителя, свисавшее в распакнутую настежь дверь. Резцом, как алмазом на стекле, вырезала память Магомеда и удержала надолго, свисавшего из кабины немца. Половина его лица исчезла, и теперь челюсть, подбородок и нос висели на белёсых, бескровных сухожилиях. Уцелевшие зубы блестели в отсветах пламени, а глаз, уже схваченный морозом, как жуткая ёлочная игрушка, повис на толстом сосуде, свешиваясь из-бордово-чёрной дыры в том месте, где была глазница. Сквозь плёнку слёз, надутых ветром, комбат мрачно глядел перед собой на застывшую, как огненная лава серую кипень, многих сотен порубанных, подавленных, пострелянных людей. В памяти отпечаталось: руки большинства из них – в насадном порыве были вытянуты перед собой, а пальцы согнуты наподобие когтей зверя; в вытаращенных глазах застыло – безумие, ужас...Количе-

ство погибших на этом тесном участке прорыва потрясло и подавляло, брало за живое даже выдавшего виды, стреляного волка-комбата Танкаева.

...Машина выскочила на торный отрезок дороги, когда Лёшка радостно, как на свадьбе, заорал во всё горло:

– Танки! Наши, товарищ майор!

– Врош-ш... Гдэ? – глаза Танкаева загорелись мрачным огнём. – Не может быть! – недоверчиво воскликнул он.

– Да вон же! Справа, на повороте! – Осинцев выбросил руку вперёд, голос его дрожал от радостного возбуждения.

– Стоп машина! – прорычал комбат. Щёки его пылали, суровое-сдержанное лицо стало грозным, глаза метали молнии.

Сердца забились в надежде, готовые выпрыгнуть из груди.

Это впрямь были свои. Среди кромешного ада, среди той дьявольской спутанности движений, атак, контратак, – которая в последний огненный месяц преследовала обе армии, нашу и неприятельскую, ломая все приказы и планы, – мать перемать – могло быть всё, что угодно!

Комбат бросил к глазам бинокль: «Свои или чужие? Неужто свершилось?!» Он до последнего момента не мог поверить в такую исключительную удачу! В запотевших окружках стёкол виднелись нарастающие плотные клубы пыли, обозначились гребни руин, в которых шевелились серые силуэты пехоты. Тревога ещё знобила душу сомненьями, когда он в окружье стекол явственно различил советские каски и плащ-палатки, башни танков, орудийные стволы, протыкавшие завесы пыли и выхлопных газов. А ещё через несколько звенящих напряжение минут – догадка превратилась в упругую счастливую убеждённость: «Наши!» И они, как будто, тоже узнали их, – продвигались навстречу совершенно спокойно, уверенно; и в этом спокойном-упругом продвижении чувствовалась та же, как у них, стоявшая у «виллиса», счастливая улыбка по поводу столь долгожданной, судьбоносной встречи! Не отдирая от глаз командирского бинокля Танкаев радостно зыкнул: «Да чтоб нам всём!.. Свои! Наши, Осинцев!»

И когда первый танковый фугас проломил рядом кирпичную стену, будто вынул из неё кусок, и пока разрастался внутри здания взрыв, выдавливая из пролома тучу дыма, они не поверили, что стреляли по ним...

Остолбеневший Осинцев заметил, как выпал из фокуса дом. Размыто колыхнулся словно попал в слоистый плазменный воздух, а потом, точно в замедленной съёмке, обвалилась стена, сползла вниз, стена трёхэтажки. Из клубов гари и пыли, как призрак, проявился первый немецкий «тигр» вымазанный белой маскировочной краской. Огромная машина, на мгновение показавшая, плавно ушла-исчезла в дыму, качая ребристой бронёй, среди корявых развалин.

– Дэлль мостугай! – в ярости рычал Танкаев. – Бар-раны! Чтоб глаза наши лопнули! Немцы-ы!

Будто услышав их злые ругательства, с той стороны ударили танковые пулемёты, посылая сквозь оседавшую пряжу пыли брызгающие, мерцающие в жирных клубах гари, трассеры.

Проклятье! Танковые крупнокалиберные пулемёты херачили в слепую сплошной режущей плоскостью, словно включили циркулярную пилу, и она, злющая ведьма, – спиливала низкий срез пространства, искря, грохоча стальными зубьями. Сердечники тыкали всё живое: стоящее-бегущее-прыгающее, отрывали руки, ноги, раскалывали черепа, превращали в дуршлаг человеческие тела.

...Танкаев после первого взрыва, швырнувшего ему в лицо кирпичное крошево и тугой вихрь жара, видя, как взрывная волна подобно бульдозеру развернула машину, – понял случившуюся катастрофу. «Но как? Ка-ак?! Могло случиться такое затмение?! Я видел... Я лично видел наши каски, шинели!» – эта ледяная мысль, входила в мозг и стучала взад и вперёд, что швейная игла.

Твою мать!.. Уверенность в «своих» была такой, что когда фрицы даже стали стрелять, они несколько мгновений не могли понять, что это значит, и ещё потерянно улыбались – под целым градом осколков и пуль, который, будь они не одни, сразу бы выкосил сотни человек. Теперь они твёрдо знали: это роковая ошибка; ясно видели, впереди неприятель, и что форма эта его, а не наша, и тотчас ответили огнём.

...Воздух дёргался короткими вспышками, будто в длинный, путанной новогодней гирлянде лопались маленькие, чёрно-красные лампочки.

...Странное колдовское оцепенение охватило Танкаева, ноги онемели, словно налились чугуном. Было гнетущее ощущение: что среди калейдоскопа вспышек и взрывов, решительно покрывая собою всё – наплывала в полнеба тень. Стремительно приближался сумрак, будто тень кожистых крыльев какого-то исполинского чудовища, властно ложилась на город.

Они находились на границе нефтеперерабатывающего производства. С левой стороны возвышались стальные конструкции, виднелись уцелевшие от бомбёжек металлические башни и железные раковины реакторов. Над полуразрушенными заборами промзоны туманились огромные сферы, чем-то похожие не то на воздушные шары, не то на управляемые аэростаты-дирижабли, готовые вот-вот взлететь со своих стапелей. Цилиндры нефтехранилищ, как небоскрёбы заслоняли небо. Повсюду железобетонные сваи, вентили, узлы стальных мембран, клубки трубопроводов, обгорелые бухты с колючей проволокой ит. п. И всё это было взорвано, пробито, перемолочено, сплющено, изувечено взрывами авиабомб и гаубичным артогнём. Повсюду был ветер, снег и обгорелый ледяной металл, вдоль которого теперь громыхали немецкие танки и мотопехота противника.

...Осинцев махал ему автоматом и что-то истошно орал. Но взгляд комбата прикипел к флагманскому танку, который тщетно пытался вписаться в пространство между подбитой самоходкой и бензоцистерной, коя запруживала своими габаритами узкий проезд. Время как будто замерло, звуки боя пропали. Магомед слышал лишь загнанное буханье собственного сердца по рёбрам. Видел, как вминается бок «тигра» в проклёпанное полукружье бензоцистерны... Как сыпятся, прыгают и летят блохами, железные клёпки... Как из рваной прорехи начинает жадно хлестать жёлтая, что моча жижа, а танк продолжает начинать своё слепое-тупое движение, и, как консервный нож, вскрывает и рвёт железный бок с надписью «ОГНЕОПАСНО», всё шире открывая хлещущий бензином пролом.

Вай-ме! Чувствуя спинным мозгом, как в этом дьявольском-сложном движении воли разбил колдовские чары, разморозил-растормозил свои ноги и, увлекая с собой Осинцева, Звериным броском кинулся на дорогу, на разбитый асфальт. Слыша, как знакомо и жутко ахает, трещит, вскипает горящее топливо, и огромный ревуший взрыв, как охапка алых маков с чёрной прожилью, всепожирающим хлопком трахнул до самых крыш, отбрасывая, как игрушку, многоэтажный танк, стрекочущую саранчу мотоциклетов, наполняя перекрёсток слепящей ртутной вспышкой, адовым пеклом, тупым выжигающим небо огнём.

Танкаев и Осинцев, как в воду, летели к земле, бухнулись грудью, сдирая бушлаты и локти, перегруппировываясь в кувырке. Лежали в кювете и видели, как вторым оглушительным взрывом лопнула и взлетела на воздух другая цистерна: не то с газом, не то с нефтью, не то с тем же бензином... Как горели кирпичные стены домов, как факелы, пылали застуженные, облетевшие тополя; чёрный скелет грузовика просвечивал сквозь красно-золотое зарево, и в нём бились, корчились, исчезали в трескучем вихре автоматчики СС. Какой-то офицер в чёрном плаще нараспашку, бежал в их сторону, ещё сохраняя свой контур, подобье тела, будучи весь охвачен огнём, сторал на глазах, подламывался, падал, и к нему по асфальту приближался кипящий ручей бензина.

...Они отползали от взрыва, обугленные, в волдырях, сбивая с шапок капли огня, видя, как смрадно, страшно горит весь квартал: танки, грузовики, пара легковых автомобилей, бро-

нетранспортёр. Какой-то мотоцикл с контуженым водителем, дав круголя, не удержался на скорости, влетел в огонь, забился в пароксизмах и замер, охваченный красным бураном.

Танкаев моментальным взглядом определили расстояние до отброшенного взрывной волной «виллиса».

– Была не была... Быстро в машину! – комбат встряхнул ошалевшего Алёшку за грудки, так что затрещал солдатский бушлат. Рванули. Добежали. Майор втолкнул его на заднее сиденье, сам ввинтился на переднее. Повернул ключ. Кинул пробитого пулемётной очередью, потерявшего один глаз, «американца» вперёд. Слева гулко застрочил пулемёт. Трассирующие пули прочертили оранжевые строчки, отскакивая от камней, как брошенные окурки.

...с рёвом и хрустом железа «виллис» сквозь пули свернул с перекрёстка, повинувшись животной реакцией. Вздыхливая колёсами ошмётья песка и снега, они мгновенно покинули опасное место, оставляя за собой море бушующего огня.

– И-ай, съездил к тебе, Арсэний Иваныч! – люто рычал комбат. – Скажи на милость... Не солоно хлебавши... Как ты сам, брат? Бисмилла, арра-х ман, аррахим... Дэржис, джигит!

Мило просвистала граната с радостным визгом, как ведьма в ступе. В правую щёку им дуло тёплым ветром и сильно качнуло. Раскалённый хвостатый шар, обогнав их, шарахнул в чёрный проём первого этажа, промерцал ослепительной вспышкой, превращая каждую соринку и волос в слепящую плазму, оплавляя в жидкое стекло бетонные стены. Наружу вырвался жаркий хлопок. Знакомо пахло душным паром огромного мясного котла. Значит там были люди! По всему гражданские, беженцы, возможно, чья-то семья... В оконном проёме дрожал и светился лилово-малиновым воздух, – в нём, как в тернопечи крематория, исчезала и гасла уничтоженная материя.

– Шакалы! Да сгниёт на корню ваш род! Да уточните вы в своей собачьей крови!... Лёшка-а, дэржис-с!! – Танкаев снова резко вывернул руль, сделав крутой вираж. Дал полный газ. «Виллис» на бетонном бордюре, как гончий пёс, подпрыгнул ввверх на всех четырёх колёсах – пулемётная очередь зло прохлестала у него под ребристыми шинами. Перемахнув овраг одним мощным броском, машина с лязгом коснулась земли, заскакала юрким лягушонком среди канав и воронок, повторно увёртываясь от осколков раскалённого металла.

– Да вашу в душу мать!.. Чёртова сволоч-ч!

Теперь с характерным для немецких моторов горлово зарокотало справа – ещё один преследователь, мигая фарами, поливая пулемётными очередями из MG 42, яро гнался за ними.

Пули вонзались в землю, щепили дерево, кололи асфальт у самых колёс «виллиса», свистели совсем рядом, повторяя все их рывки, повороты. Мотоцикл с коляской неумолимо нагонял-приближался, и пули ложились всё ближе к цели. Одна трассирующая пуля расколола в дребезги боковое зеркало, другая просвистела так близко, что у комбата захватило дух, а в глазах на миг застыло ошеломление.

– Граната есть? – срываясь на крик, гаркнул Танкаев.

– Что-о? – сердце Осинцева паровым молотом стучало в груди.

– Граната, баран! – под вздетой бровью абрека грозно сверкнул волчий чёрно-фиолетовый глаз.

– Так точно! Вот! – Лёшка лихорадочно протянул увесистую болванку.

Майор рванул чеку и, не снижая скорости, уверенным броском швырнул через плечо лимонку, закованную в рубчатый железный доспех.

Мотоцикл подбросило, швырнуло взрывом и он, теряя седоков и управление, рухнув в кювет. Пулемёт строчил сам по себе; пули, отскакивая от гранитных стенок водостока, изрешетили тела стрелка и водителя. Мотоцикл был смят, топливный бак мгновением позже взорвался. Второй вражеский экипаж, на счастье беглецов, внезапно подорвался на противопехотной mine. Взрыв выбросил эсэсовцев из тархтящей «колесницы» двумя окровавленными мешками. Изодранное в клочья колесо коляски нашло следующую мину. Взрыв вспыхнувшего

топлива разорвал машину на части – взметнул столб пламени, и в свинцовое небо взлетели куски рваного железа.

...Комбат резко дал по тормозам. Остановил машину и оглянулся. Погони не было. Им опять повезло. Немыслимо повезло! Секунду Танкаев смотрел на пожар, и в его тёмных глазах стояла картина разрушения.

Осинцев был потрясён неведомыми доселе способностями командира. На бледном лице Алёшки слабо загорелся румянец.

– Не знаю, как и благодарить вас, товарищ майор. Заново родились...мы сегодня. Если бы не вы...

– Отставить, сержант. Что, набоялся?

– Как есть...немножко, – замороженно глядя на своего спасителя, мелко тряс головой Осинцев.

– Кхе, если «немножко», значит герой, – подмигнул комбат.

– Ну вы даёте, Магомед Танкаевич! Наши так не пляшут...Лихо, товарищ майор! Высший пилотаж! Чтоб я так мог...Где научились?

Танкаев добродушно улыбнулся, белой блесной зубов. Приветливо, почти ласково глядел на желторотого первогодка Осинцева, своими тёмно-каштановыми глазами. – Всё хорошо, что хорошо кончается, Алёшка. «Гдэ научился» гавариш-ш? Жить захочэш, ещё не так сможеш-ш. Дошло-о? Эх ты...»не страшна нам бомбёжка любая» – задумчиво усмехнулся комбат; сбил на глаза парня обгоревшую ушанку и утвердительно кивнул:

– А помирать нам и вправду – рановато. Есть у нас ещё дома дэла». Вэрно, сержант?

– Так точно, товарищ комбат! – Лёшка был польщён обращением.

– Хм, хорошая пэсня. Напишешь...потом мне слова, мм?

– Есть, товарищ майор. В лучшем виде.

– Кстати, чьи это слова? Чья музыка?⁴⁰

Осинцев откровенно пожал плечами:

– Не могу знать, товарищ майор. Можя, народные?

Танкаев не ответил. Ещё раз посмотрел на пожар, и в его агатовых аварских глазах, так похожих на глаза отца Танка, – отразился багровый перламутр огня. Углядев напоследок перекошенные, застывшие лица врагов, он забыл о них навсегда, словно бритвой отрезал. Приобщил к пустоте, в которую превращалось множество ненавистных врагов, павших от его руки и оружия. Затем, резко повернувшись, скомандовал:

– Давай за руль, поэт-песэнник. Врэмя не ждёт.

И они продолжили свой путь по минным полям на оставленный им плацдарм.

⁴⁰ «Дорожка фронтовая». Стихи Б.Ласкина и Н. Лабковского, музыка б. Мокроусова.

Глава 10

Политрук Алексей Кучменёв, оставшийся за главного на время отсутствия комбата, сидел за командирским столом; курил и остро вслушивался в грозовые гулы и перекаты разрывов. Снаружи, в отдалении на соседнем плацдарме майора Воронова, исступлённо гремел бой, медленно удаляясь на юго-восток, не то в район злосчастливого элеватора, не то к обглоданному снарядами Мамаеву кургану, куда были стянуты огромные силы врага. Капитана волновала и вселяла тревогу в сердце плотность залпового огня неприятельской артиллерии, которая лишь нарастала. Это мог быть отвлекающий удар немцев, имитирующих прорыв к Волге на центральном направлении. Тогда в самом скором времени со стороны Рынка, Орловки, Городища и речки Мокрая Мечетка следовало ожидать мощного удара по всем промзонам заводов: Дзержинский тракторный, завод «Красный Октябрь» и артиллерийский завод «Баррикады», один из секторов которого защищал их батальон. Либо это был действительно, массивный прорыв механизированных дивизий 6-й армии, и тогда у их батальона худо-бедно, выкраивалось ещё некое дополнительное время, глубже, как кротам, врыться в землю на новом рубеже.

...Глядя на чадающий оранжевый язык копилки, зажатый в латунных губах сплющенной гильзы, Алексей с мрачным чувством подводил черту: «Это будет наш последний рубеж... Где мы примем последний и смертельный бой. Дальше ледяная вода... и кирдык. Свинцовые омуты Волги, как подол матери, накроет всех с головой... Других добьёт враг... А тех, кто дрогнет и подымет руки – заградотряды НКВД. Приказ Хозяина... – измождённое лицо Кучменёва, костистое, как кулак, треснуло в угрюмой усмешке. – Приказ товарища Сталина... Приказ Бога на земле. Супротив не попрёшь. Да хер то с ним... Всё один раз помирать... Так умрём с честью, достойно, за Родину

Загасив папиросу, он положил задубевшие на морозе бурые, венозные руки в желтоватый круг света. Смотрел на свои ороговевшие пальцы, в складках, мозолях, со следами старых ожогов, царапин и драк, ружейной смазки и серой металлической пыли – ровно изучил оперативную карту, тактику предстоящего боя; словно опытный хиромант читал пророчества по линиям судьбы. Пытался разобраться в сложившейся гиблой ситуации, докопаться до сути: «почему всё так, а не иначе? Почему нет выхода, нет заслона от поглощавшей их катастрофы. Понимал: и он сам, и комбат Танкаев, и их батальон... И их 100-я дивизия, и вся 62-я армия командующего Чуйкова, и 64-я армия Шумилова, и весь Сталинградский фронт генерала Ерёменко – попали в тройной капкан, вернее отданы на закланье, но более того были обмануты и брошены на произвол судьбы.

«Да провались всё пропадом... Гори ясным пламенем!.. – капитан Кучменёв катал комки желваков под забитой пороховой гарью кожей, скрежетал зубами от бессилия, от невозможности, что либо изменить в этом кровавом хаосе, в этом фатальном исходе. Потрясённый распахнувшимся от отчаянья сознанием, он только теперь «без дураков» прозрел и осознал весь ужас и чудовищность циклопических размеров случившейся катастрофы. Чувствовал себя беспомощным, потерянным муравьём, чей огромный, хорошо продуманный, многоярусный лесной дом был разрушен и сожжён дотла, а все тропы, ведущие к нему, – были сплошь усеяны сотнями тысяч обугленных трупов, таких же, как он, обманутых муравьёв.

И в этой жестокой шараде обмана участвовал не только опытный, кровожадный противник, не только суровый генералитет Сталинградского фронта, но и они сами, давшие себя околпачить, усыпить свои чуткие звериные чувства, выводившие их раньше из засад и ловушек.

Язвить вас в душу!.. В обмане участвовали и рубиновые кремлёвские звёзды, разукрасившие небеса и души защитников обречённого города ложными узорами надежд и пустыми посулами-выручки... Участвовала в сём зловещем заговоре и ненасытная, всепожирающая река, своими сучьими стремнинами и бурлящими водоворотами. Участвовало и чугунное злобное

небо, и, как мачеха, равнодушное ледяное солнце, и путанные, густые следы одичалых собачьих стай, безобразно отожравшихся на трупном человеческом мясе...

«Мать моя женщина!..» – политрук сдвинул виски ладонями, из груди вырвался стон. На его глазах день за днём, среди непрерывных взрывов, воздушных бомбардировок, шквальных арналётов и бесконечных танковых-штыковых атак, гибли, корчились в агонии, брошенные в огонь Преисподней три советских армии. Лучшие, преданные партии и трудовому народу, бойцы; коммунисты и комсомольцы, партийные и беспартийные добровольцы, бесстрашно умиравшие во время контратак, свято верившие громкому бою молотов Ставки – кузнице большевистской Победы и мудрому, безошибочному промыслу Великого вождя всех времён и народов.

«Как же так, товарищ Сталин?! Или русские бабы ещё нарожают?.. Но, ведь, так нельзя! Так преступно!.. Вас бы сюда, в чертово пекло... Глянули б хоть разок... Здесь каждый день, каждый час, каждую минуту гибнут ваши соратники... Страстные, своенравные командиры, цвет и доблесть нашей армии, – смилив гордыню, вручили вам свои судьбы и судьбы своих отборных частей и подразделений.

...И это напоздающее безумие, и ужас, невозможность остановить беду, превращались в душе ожесточённого политрука в острую, безумную и теперь уже слепую ненависть к Хозяину, который, как думалось Кучменёву, вероломно обманул их всех, брошенных и забытых в Сталинградском котле. Ненависть к усатому прозорливому грузину, с побитым оспой лицом в маршальском кителе и такой же фуражке, сидевшему сейчас за высокой Кремлёвской стеной, сладко курившему трубку и смакующему «хванчкару»... Или, быть может, неторопливо ходившему с лукавой хищной улыбкой по ухоженным аллеям Кремля, вдоль голубых канадских елей.

Алексею вдруг померещилось, будто перед его глазами замерцали и сместились какие-то тайные плазменные пластины... И он через время и расстояние, через руины сгоревших городов и селений, через окровавленные поля и чьи-то головы, внезапно узрел Самого... Потерял поначалу дар речи, будто встретился с Богом... Потом, задыхаясь от злости и бешенства устремился к Нему, чтобы с порога, не медля доложить-докричаться об истинном положении дел в Сталинградском котле! О сложившейся катастрофе! О неминуемой гибели советских армий! О требуемой немедленной, экстренной подмоге – войсками, бронетехникой, артиллерией, авиацией, лазаретами. Чтобы спасти тех, кого ещё можно было спасти! Чтобы удержать Сталинград, вонзить в его защитников всемогущие-быстрые, как молнии, команды, пригвоздить к береговой кромке, остановить обезумевших людей. А главное! – ободрить, вселить надежду и веру в победу, поднять воинский Дух и реально прийти на выручку обречённым героям.

Но Хозяин, как и положено Великому вождю, остался бесстрастным. Спокойно сидел в обшитом кавказским дубом кабинете, мягком-уютном кожаном кресле, и, разве, только придержал у морщинистых губ стакан золотисто-чёрного чая в серебряном подстаканнике... И, право, как нашкодившему, зарвавшемуся в своих играх ребёнку, погрозил скрюченным пальцем, будто сказал: «Ах, Алексей-Моисей... савсэм нихарашё дэлаешь... А ещё капитан Красной Армии, политрук! За пистолет хватайшся, как какой-то психопат, бомбист-террорист... Ай-вай... Нэсознательно, глупо... А главное зачём? Согласись, Алексей-Моисей, ну ни к лицу это командиру Красной Армии, коммунисту, орденноносцу тем более... Ни камильфо. Савсэм ни камильфо, как бы сказали французы. Но я ни какой-нибудь там француз-лягушатник... Потому скажу с советской, пролетарской прямоотой... – Он взял паузу. И, вежливо теребя морщинистыми пальцами пышную виноградную гроздь, отщипнул от неё приглянувшуюся красно-бордовую кисточку.

Смачно надкусил прозрачные глянцевиные ягоды так, что они – сочные, спелые, полные щедрого южного солнца и сока, лопнули, брызнув на белый фарфор подноса. Точно пузырящейся кровью, залили его неровные серо-жёлтые прокуренные зубы, тёмные губы, подмо-

чили седоватые усы, зависнув на их проволочном волосе пунцовыми каплями. Виноградные косточки, хрустнули на крепких зубах, как шейные позвонки жертвы, в пасти тигра.

– Вах! Сматри, какой сочный виноград попался, чистый мёд... Харёший урожай нынче на Кавказе... Э-э жаль, что Гитлер – собака и его полчища... помэшали собрать его нам... Так бы в каждый дом советского труженика, в каждую сэмью пришло бы это лакомство...

Слизывая кончиком языка с губ сладкую кровь южных ягод, аккуратно промакивая белой салфеткой, ставший багряным, карниз усов, он взял со стола тёмную, как каштан, прокуренную трубку. Стал вытряхивать, выскабливать из неё в хрустальную пепельницу прогоревший табак, орудую маленькой костяной лопаткой.

* * *

... всё это время... Мгновенно схваченный, обезоруженный ретивой – натренированной охраной, генерал-лейтенант Власика (что занимался личной охраной Самого) – капитан Кучменёв стоял в раскоряку перед Ним, с круто заломленными назад руками и хватал окровавленным ртом воздух.

– Смир-рно! – приказал Власик и, не дожидаясь указаний Хозяина, (который увлечённый чисткой своей трубки, казалось, окончательно забыл о политруке), – едва заметно кивнул майору охраны, который, как палач, дозорил рядом с жертвой и, напрягая железный затылок, чутко ждал приказов начальника.

И в ту же секунду хромовый, со стальным вкладышем сапог майора, пыром саданул политрука в живот, разбивая всмятку внутренние органы, брызнувшие кровью и соком. Ему показалось, что в живот ворвался снаряд и, проделав дыру, вынес живую, пульсирующую сердцевину. Этим ударом, задохнувшийся окончательно от темноты боли, Кучменёв был отсечён от прошлого, утратил с ним связь. Обмяк, повис пустым мешком на мускулистых руках дюжих энкэвэдэшников, коротко выбритые под «полубокс» бело-розовые головы, которых убедительно напоминали твёрдо-крепкие корнеплоды.

... В приоткрытой двери на всякий случай, на миг застряла голова личного секретаря Верховного, – тов. Поскрёбышева. Цепкие глаза сфотографировали происходящее, с верноподданническим усердием поймали мельком брошенный в его сторону взгляд Хозяина, вспыхнули пониманием – и тотчас тяжёлая дубовая дверь, так же бесшумно закрылась. Голова Поскрёбышева уже исчезла, но в воздухе ещё ощутимо витало жаркое собачье дыхание, и слюдяно розовел потный отблеск его залысин.

... Алексей со сломанными рёбрами, продолжал висеть на руках охраны, с выпученными, полными слёз глазами, выпуская изо рта незримый горячий пар боли. А в токающих висках напряженной лесой билась одна-единственная мысль: «Вот она твоя смерть! Сейчас! Сейчас... будет всё кончено!..»

Крепкий широкогрудый майор-особист, больно ударяя твёрдым, как камень, ребром подошвы по косточкам, раздвинул ему ноги. Он сделал это умело, заученными движениями. Так в кузнях ставят в станок лошадей перед тем, как подковывать. Сделал и, засопев, стал медленно, вразвалку расхаживать возле него. На его тупом и холодном, как наковальня лице, ровным счётом не было никаких эмоций, кроме пробежавшей порой, как тёмная вода подо льдом, судороги презрения.

– Говори, сука! Кому служишь? Кем завербован, гад? Когда?! Кто содействовал попасть в Кремль!

– Отвечайте, – спокойно добавил генерал-лейтенант Власик, сложив на груди длинные руки. – Рекомендую. Сами понимаете, капитан, вы проиграли. Вам лучше во всём признаться. Причём немедленно. Согласитесь, глупо умирать мучительно и долго, когда можно легко и быстро. Это лучше... когда быстро.

Генерал личной охраны Сталина, обращался к Кучменёву на «вы», при этом узкие-ломкие губы его брезгливо выпячивались. Было очевидно: он испытывал к фронтовому капитану

сугубо временный служебный интерес, утолив который, больше никогда не вспомнит о нём, как о прошлогодней прихлопнутой мухе. Дознаватель-майор обращался на «ты», и в этом обращении было зудящее нетерпение, злость, тупая ненависть и лютая, по сути беспочвенная обида всех тыловых служб без исключения, на фронтовых командиров, с передовой, особенно с боевыми орденами-медалями на груди. Словом, клочкотала-бурлила в нём плохо скрытая страсть оскорблённого человека, желавшего покуситься.

– Говори, продажная тварь! – майор, закипая яростью, злым пузырящимся голосом рыкнул: – Говори, паскуда, пока я тебе язык клещами не вырвал. Обрезки... будешь давать показания!

Алексей пригнул голову, чуток прирассветил глаза, словно искал, откуда последует удар. Задержал взгляд на отутюженном, чисто выбритом Власике и тот, словно подтверждая угрозы майора, не повышая голоса, задал вопрос:

– Звание?.. Имя?..

– Капитан Кучменёв... – камнями упали слова. Собственное имя, произнесённое вслух, причиняло ему дополнительное страдание, словно палачи, завладевшие его телом, теперь, узнав его имя, приобрели над ним окончательную губительную власть.

– Воинская часть? Командир?.. – генерал продолжил показательно раскручивать спираль допроса. – Откуда – куда? Всё по порядку, ну! – Там... у вас... в моих документах... всё есть... Так какого рожна... Зачем весь этот... балаган. Кому это всё нужно?

Кому-у? Или хотите... сделать из меня предателя? Врага народа?! Или козла отпущения?!

– Вот об этом и поговорим.

– Но я не предатель! Не враг наро-да-а!! Я...

– Молчать! Здесь вопросы задаю я. – Генерал с нарастающим гневом повторил вопрос. – Воинская часть? Командир!

Он загравленно молчал, дёргая кадыком, будто не расслышал слов, не понял, к кому обращён вопрос. Зыряка исподлобья заплывшими от кровавых синяков глазами.

– Здесь дураков нет, мразь. Одни правдорубы, – майор сгорстил пятернёй его светлые липкие волосы, отодрал упавшую на грудь голову, заглядывая в лицо. – Ну что-о, орденосец, вспомнил?!

– 100-я дивизия... 472 стрелковый полк, 2-й батальон... Комбат – майор Танкаев... – сипло выдавил политрук, проталкивая колючие репы слов сквозь сухое горло, будто они, выталкиваясь, кровянили гортань. – Что вы... творите, генерал? С кем? А ты-ы... – он укусил взглядом мордатого особиста. – Ты – сука майор!...

Удар кулака ослепил его, но Кучменёв повторил:

– С-сука – ты майор... Причём конченная.

Майор со всей дури снова хрястнул с плеча. Удар оглушил его, но Алексей продолжая висеть на руках дюжих особистов, вместе с кровью схаркнул:

– Пробы... на тебе... ставить негде... Упырь!..

– Твою мать... – криво усмехнулся майор. – А диверсант-то у нас крепкий орешек... С гонором... Уважения с пристрастием требует св-волочь! Ещё рыпнешься... как говно, по стене размажу.

Политрук, удерживая своё помрачённое сознание на грани обморока, пытался протолкнуть ещё слова сквозь разбухшее горло, ставшее похожим на голенище кирзового сапога, но язык разбух во рту, словно его укусила оса.

* * *

Бывший пулемётчик полковой военной разведки майора Ледвига, – капитан Кучменёв – верил в свою удачу. Будучи убеждённым коммунистом, преданным партии, он, тем не менее, верил в своего ангела хранителя, сакральную хранящую силу которого, он чувствовал, всякий раз отправляясь в составе разведгруппы за «языком». Чувствовал он эту, обе-

регавшую его силу, и когда шёл, как по лезвию бритвы, по минному полю, по опасно-тонкому льду весенней, талой реки... И когда обнаруженные противником под шквальным огнём тащили на себе немецкого офицера. Вражеские пулемёты, как кровожадные хищные птицы, выклёвывали-выбивали железными клювами вокруг боевых товарищей, но его Смерть обходила... ровно берегла для другого особого случая.

...Но вот теперь, эта хранящая его сила, будто иссякший родник, пропала. Не было больше под сердцем этого прохладного родничка, сладкого чувства, оберегавшей силы, что укрывала его незримым щитом и подсказывала выход в безвыходной ситуации. Осознание сей потери – ледяной водой окатило с головы до ног, деморализовало его. Он вдруг ощутил себя ничтожным зёрнышком, попавшим в грохочущие челюсти каменных жерновов... Мальчишкой, под ногами которого начинали сыпаться камни, а сам он колеблется на шаткой кромке, за которой открывалась непроглядная синяя бездна...

...Как только его схватила охрана. Он мастак рукопашного боя, вспыхнул безумной мыслью: раскидать, насевишь на него костоломов и бежать! Куда?.. Да хоть к чёрту на рога! Хоть броситься в окно на мостовую вниз головой... и дело с концом! Потому как знал – это премного лучше, чем быть брошенным в каменный подвал, где под неусыпными 2ласками» заплечных дел мастеров, через пару дней признаешься во всём, подпишешься собственной кровью под тем, о чём никогда и не слыхивал! Словом огребёшь по самые ноздри, потеряв имя и честь, навек покрывши себя несмываемым позором: предателя Родины, заговорщика, шпиона абвера, завербованного диверсанта... И ещё возьмёшь на себя грехи целой бочки арестантов, лишь бы перестали огнём-железом пытаться, на дыбе с живого шкуру сдирать, да из яиц твоих смётка делать в дверном косяке... Уж эти краснопёрые «знатоки» в васильковых фуражках, ушастых галифе и навакшенных до зеркального блеска яловых сапогах, будь уверен, сумеют доказать: и твою дружбу в засос с разведками «союзных шлюх» – США и Британии... И тайную, греховную связь с нацистской Германией... А хочешь? – с фашистской Италией или злобной муреной – милитаристской Японией.

...Эта дикая мысль крутым кипятком ошпарила сердце... А что?! Крутнуться, вырваться из двойного захвата – ударить ногой охранника, ребром ладони перебить кадык другому, вырвать в мгновение ока пистолет из кобуры третьего, прошивая его нутро с ливером пульей. Бравый наставник майор Ледвиг любил в шутку говорить: «Обидеть фронтовика-разведчика может каждый. Но не каждый может успеть, перед ним извиниться. И ещё хорошо знал Алексей: бывших разведчиков не бывает».

Подумал, сгорстил волю в кулак, готовый к рывку... Но одного не учёл: в личной охране Хозяина, (а в этой спецслужбе числились исключительно офицеры) все были подстать легендарному майору Ледвигу, а то и покруче, – тщательно профильтрованные особистами – из рядов тех же разведчиков, отличников огневой-политической подготовки, а также мастеров рукопашного боя, с холодным оружием в том числе.

...и только Алексей налил решимостью, напряг плечи, как твёрдый ствол ТТ упёрся ему в затылок. Этот аргумент был более чем убедительным. Подавленный и смиренный, он обречённо опустил руки. В следующую минуту, на него, как из рога изобилия посыпались вопросы дознания и удары – решающий миг был потерян. А, может, всё-таки нет?

* * *

...Свирепый майор продолжал рассматривать Кучменёва белёсыми, злобными глазами, моргал подслеповато бесцветными ресницами. Но оттопыриваясь, возле жертвы, он разглядывал капитана не всего целиком, а какой-то отдельный его фрагмент, как мясник, прежде чем рубануть топором по туше, выбирает требуемый кусок. Нашёл, и уже примерился ударить его ногой в пах, чётко помещая стопу в промежность, как вдруг все замерли, услышав требовательный стук чубука о столешницу. Вытянулись гусаками во фронт, взяв равнение на Верхов-

ного, словно отлитые из олова. Генерал-лейтенант Власик умолк; слышно стало рваное дыхание политрука, со вздутых губ которого тянулась к полу лиловая слюна.

Политрук всё так же, как куль, висел на чугунных руках племенных выкормышей охраны, отсечённый от прошлого и от будущего, в каком-то затхлом узилище, в какой-то прослойке времени, стиснутой двумя горбами боли. И между этих красных, ободранных до мяса горбов, проглядывалась согбенная фигура Хозяина, сидевшего за столом с зелёной лампой и увлечённо копавшегося с трубкой. Очистив её и продув, он добрался, наконец, до своего любимого табака «Герцеговина Флор». Прихватил желтоватыми пальцами ароматную пряжу золотисто-коричневого табака с зелёным отливом, стряхнул лишнее в резной костяной ларей. Натолкал отмеренную пайку в обугленное жерло трубки, стал утрамбовывать, тепло поглядывая, как на старых кунаков – на другие обугленные трубки, разных размеров и форм, разложенные на столе. И вдруг, будто невзначай, вот только натолкнувшись взглядом на свою охрану, задержал на них долгий, прищуренный взгляд.

...Напоролся на пытливый, немигающий взгляд Вождя и политрук. И внутренне содрогнулся, внезапно почувствовав в нём – свою смерть. Тёмная, зловещая сила хлынула в него из этих прищуренных, полуоткрытых с тёмно-пигментными веками глаз. Окатила изнутри ледовитым потоком. Пропитала каждую горячую клетку, замораживая в ней кровяную каплю. Превратила мозг в чёрный лёд, где, как беспокойная креветка в льдине, застыла ужасная мысль. И когда Он, снова отвлёкся на своих телохранителей, потеряв интерес к нему, и мозг Алексея начал медленно оттаивать, то поселившийся в нём ужас не исчезал, трогал изнутри ледяными перстами.

– Э-э...ви, что остолопы, мне тут устроили? – обратился Он к Власику хрипловатым недовольным с грузинским акцентом голосом, столь хорошо известным по радиовыступлениям. – У меня что здэс – Лубянка, что ли? Ваши застэнки, а-а?...

– Виноват, товарищ Сталин. – Власик щёлкнул каблуками, держа руки по швам.

– Канэчно, виноват! Развэ...я нэ просил на паслэднем заседании твоих рэтивных архаровцев попридэржать свои аргументы в моём присутствии? Вэрно сказано: «Заставь дурака Богу малитца, он лоб расшибет». Так – нэт?

– Так точно, товарищ Сталин. Исправимся.

– А куда вы дэнэтишь? – лицо Его передёрнулось раздражённой гримасой и он, не глядя на присутствующих, жадно засосал мундштук, окутался слюдяной табачной синью.

– Но мы же делаем своё дело, товарищ Сталин. Мы должны немедленно реагировать на любое поползновение...

– Имэнно «должны» – вот ключевое слово...в этом кантэксте, таварищ Власик.

– Так точно. Но мы стараемся. Согласитесь, захвачен и обезврежен...– генерал нервно кивнул на политрука. – Ведь, это...и есть наша главная задача.

– Тапорно работают тваи люди...Нэ следует пэрэгибать палку, таварищ Власик.

– Прошу извинить, товарищ Сталин. Не понял.

– Брось «ваньку» валять. Что тут панимат? Тапорно, значит грубо. Э-э...кто из нас русский: ты или я? – Сталин ткнул мундштуком в сторону Власика, хитро прищурил один глаз.

– Хм...Мы все советские люди, товарищ Сталин. Национальные приоритеты, как и классовые...у нас ликвидированы ещё в 17-ом году...

– Брось, я ж ни об этом, – Хозяин снова окутался ломкой синей вуалью дыма. – Гляди, что твои дуболомы сдэлали? Пагады пагады, нэ тараторь, как баба...Всё вэрно...Это правильно, что твои бойцы начеку...Маладцы, так дэржать! – вождь кивнул, стоявшим, как изваяния, особистам. Но вэрно и то...чито кабинет Вэрховного Главнакамадующего – это нэ мэсто для допросов, – так же скрипуче и недовольно, с характерной расстановкой уточнил Сталин. Раскострил потухшую трубку, всосал сквозь мундштук горячий дым, выпустил из угла рта душистую голубую змейку.

...Пока они перекликались, недовольные друг другом, но зависимые один от другого, Кучменёв наблюдал всемогущего Вождя, старался судорожно упорядочить свои первые о нём впечатления.

Глава 11

Первое, что очень сильно бросилось ему в глаза... Было то обстоятельство, что товарищ Сталин, всегда такой большой, статный, цветущий на почтовых марках, открытках, плакатах, на транспарантах, картинах, в газетах и календарях... На самом деле был невеликого роста, сутуловат, с весьма покатыми плечами, отнюдь, не героической внешности и уж точно не с цветущим лицом, как на почтовых конвертах.

Тем не менее, курящий трубку Сталин, в пальцах которого появлялись то золотисто-парчовая щепоть табака, то костяная лопатка, то вишнёвый чубук, – выгодно отличился от всей окружавшей его титулованной камарильи. Этой трубкой, набором инструментов, самим неторопливым ритуалом курения, он решительно разнился с остальными, выделялся из некурящего либо курящего стандартные папиросы большинства. И в его манерах и жестах, в его попыхи-ваниях и посасываниях, в его сухом глянцевином кулаке, снимавшем дымящий с малиновым глазком чубук, было что-то воистину величественное – именно «сталинское», убедительное, не карикатурное, но настоящее. И это очаровывало.

Однако, наряду с этим отталкивало и смущало другое. Сталин – кумир миллионов, облечённый высшей верховной властью, рядом с которым по воле судьбы оказался он – никому неизвестный в Кремле – Кучменёв, неся страшную-грозную весть,, надеясь, что она поразит Вождя и заставит тут же воспользоваться своей верховной властью, дабы избежать катастрофы, нависшей над всеми беды... Этот колупанный оспой, темнолицый, как грецкий орех, с глубокой проседью грузин, был ещё и тем человеком, – кто руководил жесточайшими, карательными репрессиями перед войной! И, помимо сотен тысяч безвинных людей, из-за своей бредовой мнительности, хронической обидчивости, страшной патологической злопамятности и подозрительности, – практически поголовно уничтожил всё верховное командование Красной Армии, и тем самым крепко способствовал ослаблению боеспособности Родины. Словом Он, – олицетворял (по убеждению политрука Кучменёва) те беспощадные, фанатичные в своей кровожадности силы, которые едва не погубили страну. И вот Алексей, в своей безысходности, должен был искать поддержку у человека, которого в тайниках души теперь люто ненавидел, коему приписывал главную вину за поражение СССР, особенно в первые месяцы войны.

И всё же, нечто, до конца неясное, располагало к Нему политрука Кучменёва. Вопреки всему внушало: внутренний трепет, доверие и сочувствие, живой интерес и сострадание. Ужасные, ежедневные потоки беды, мрачные сводки с фронтов, заливавшие кабинет, со всех сторон, окружали Сталина, тем не менее, не бросившего Москву в тяжелейшую пору 41-го года. Эти ежесуточные безымянные беды, беззвучные горести, сильнейшие потрясения и переживания за истекающие кровью фронты, за воющую страну-население, за разрушенные города, огромные территории, оказавшиеся под сапогом оккупантов, казались насквозь пронизывали этого небольшое ростом, невероятно уставшего, измученного многочасовой ежедневной работой, бессонницей и головной болью человека с трубкой. Они проникали через его маршальский китель, нательное бельё, через золочёные гербастые пуговицы. И это, как ничто другое, делало Вождя по-человечески близким ему, Кучменёву, доступным, понятным; свидетельствовало о его тайном несчастье и безутешном горе. – Товарищ Сталин! – голос генерала гудел, как натянутая басовая струна. – Я не стал бы вас беспокоить лишь для того, что бы принести извинения за грубые нарушения субординации моих подчинённых. Гарантирую, товарищ Сталин, с ними разговор будет суровый, – произнёс Власик, дождавшись момента, когда трубка Верховного была раскурена, и малиновый уголёк ровно разгорался в чубуке, при каждом вдохе, словно налитый кровью тигриный глаз. – Но человек, который был схвачен в приёмной вашего личного секретаря... Вооружён и очень опасен. По-всему обладает важнейшими секретными сведениями...

– Кароче, товарищ Власик, – Хозяин, не выпуская трубку, коротким-вялым жестом крест-накрест перечеркнул воздух, будто заклеил лейкопластырем рот генералу. – Ваше предложение, генерал... только по существу.

– Прошу передать задержанного нам! – взволнованный и серьёзный генерал замер в ожидании ответа.

– Зачём?

– Мы выйдем из него всё, товарищ Сталин! Убеждён: сведения которыми он располагает... настолько важны и тревожны... настолько подтверждают ваши и наши опасения, что обязаны их выжать из него немедленно, передать вам... Копнём под корень, весь куст выдернем! Гарантирую, будет всё без утечек. И, быть может, тогда, вы, огласите их на экстренном собрании Генерального Штаба... или на заседании Верховного Совета...

– Ну, это уж мне решать, – Хозяин криво усмехнулся, пыхнул трубкой, становясь в пол-оборота к начальнику своей личной охраны. – В связи со сказанным тобой... у меня паявылся маленький вапрос.

– Слушаю! Задавайте, товарищ Сталин! – Власик по-стороевому уставу разворачиваясь на месте так, чтобы всякий раз быть лицом к Самому, вновь щёлкнул каблуками сапог.

– Э-э... скажи мне... нэ понятливому такому-сякому... Это ж каво, ты, считаешь шпионом, аа?

– Как... «кого»? – обомлевший генерал, на миг потерял дар речи. – Вот эту!.. Этого!.. – тщательно подбирая слова, Власик красноречиво взглянул на избитого капитана. – Прикажете увести задержанного, товарищ Главкомандующий?

– Ва-а... Политрука Кучменёва? Да, ты, в своём уме? Ни-и в коем случае! Э-э... какой он враг? Да ещё и шпион – дэверсант... Кхе, ти на себя пасмарты, товарищ Власик! На своих дуболомов... Гляди, чито твои абалдуи сдэлали с политруком, понимаеш-ш! С баевым офицером, прибывшим ко мне из самого Сталинграда. Вот ему! – Верховный жадно засосал мундштук, хищно щуря глаза, – в атличии от вас... крэмлёвских кровапёров... действительно ест, что мне сказать.

– То..., т... Товарищ Сталин! Да как же... А вопрос вашей безопасности?! – напряжённое лицо Власика пошло свекольно-красными пятнами, губы дрожали, словно по ним пробежала мгновенная судорога. Кулаки продолжали сжиматься на фоне сочно-алых генеральских лампасов. – нет, не-ет! Это не возможно!.. Я не имею права...

– Зато я имэю, балван. Видыш-ш, всё нэважное-важно, так – нэт?

– Так точно, товарищ Сталин.

Хозяин резко повернулся к нему лицом. И Власик, чуть не в упор, отчётливо увидел тёмные волоски на сухих пальцах Вождя, сжимавших каштановый чубук огнедышащей трубки.

Но ещё он увидел стремительно нарастающий, словно огонь в степи, внутренний гнев Хозяина. Почувствовал всеми фибрами в его голосе-тоне, – воплощение вековой, неукротимой стихии, витающей в кавказских ущельях, яростной, беспощадной и злой, воспроизводимой в каждом поколении горцев, той энергии, коя мерцала сейчас в его тигриных глазах... Что не раз вырывалась за зубчатые стены Кремля на просторы Великой Державы, уносила без счёту жизни советских людей, ломала-калечила судьбы, корчевала квадратно-гнездовым способом и бесчеловечно перебрасывала с родных-исторических мест целые народы, казнила преданных делу ленинской революции, бывших соратников верных сынов Великого Октября, – не взирая на звания-должности-регалии-заслуги, будь то любимые народом культовые партийные вожди, учёные мужи мирового значения, писатели-поэты... Или опытные ветераны гражданской войны, испытанные в огненных боях командармы Красной армии.

Человек с трубкой – товарищ Сталин был перед ним. Власик видел вьевшуюся табачную желтизну на его цепких пальцах, неусыпно бдящий рубиновый зрак в чубуке, и сыпкую едва

заметную морось тяжёлого карниза проволочных усов, который, как чуть приметный оскал, – выдаёт в хищнике его зловещее намерение.

– Виноват. Вспылил. Разрешите покинуть кабинет? – генерал-лейтенант, жарко сверкая золотыми погонами и орденами, взял под козырёк. Было очевидно: с Хозяином спорить – возможно, лишь до определённого момента, – покуда в прищуренных глазах не полыхнёт про- блеск стали.

– Пашли все вон. Надоели, как горькая рэдька. Одын с ним гаварить.

– Так точно.

– Э-э... И пусть твои архаровцы привэдут героя в надлежащий вид. Не комильфо. Савсэм не комильфо получаетца, товарищ Власик.

– Слушаюсь, товарищ Сталин! Шнюков! – генерал полыхнут убийственным взглядом в сторону обалдевшего майора. – Задача ясна?

– Так точно! – подслеповатые с белыми ресницами свиные глаза Шнюкова вспыхнули деятельным напряжением. Было видно невооружённым глазом: майор, как и его начальник, чувствовал себя под огромным прессом... Вот только в отличие от генерала, на его тупой и холодной, как наковальня, роже ясно читался спелый вопрос: «...и на кой... с этим дерьмом вошкается Верховный? К стенке гада... В расход! И полная готовальня».

– В чём дело, майор? Почему стоим?! – Власик с угрозой в глазах сделал на встречу шаг, поймал того за рукав, спросил, задыхаясь:

– Ты что, стервец, кота тянешь?.. погоны жмут?!

– Никак нет!

– Так шевели копытами, чёрт тебя дери! – рявкнул озлобленный Власик, и уже тише буркнул под нос: – Дуб ты морёный... тупое животное, честное слово.

* * *

И вот они остались вдвоём: он и товарищ Сталин. Вождь, не вставая с места, отодвинул в сторону разложенные трубки, не спеша убрал папки с бумагами. Затем поднял глаза и задержал долгий пристальный взгляд на бордовом политруке. Его вздутое, в багровых шишках и кровоподтёках лицо, похожее на разбитый о стену кулак, было утёрто сырым полотенцем, волосы наспех причёсаны.

Сталин брезгливо поморщил нос, почувствовав, как кисло пахло, провонявшее на сто рядов потом и гарью его фронтовое х/б; запрещённое давно не знавшее мочалки и мыла тело, пережившее и свирепые танковые атаки, и страхи бомбардировок, и стремительные рукопашные схватки, и сводящие с ума минуты отчаянья, а теперь ко всему унижительное-показушное избиение...

Хай... хай... так пахла царская каторга, зинданы, вставшего на тропу Войны огненного Кавказа, пленные и заложники, мужчины и женщины... Так пахла война, траншеи полные тлена, червей и протухшей крови; беженцы и конвойные товарные поезда с грязными зеками, штрафные изоляторы заблёванные кровью, засранные дерьмом тюрьмы и концентрационные лагеря... Так пахли все, с кем ему, Отцу народов, приходилось встречаться за долгую, полную риска, опасности, лютую жизнь.

* * *

Капитан Кучменёв по прозвищу Рысян, совершенно невероятным образом, должно быть, не без магии-мистики тайных начал, оказавшийся в Кремле, в кабинете Самого... Пережив фильтрационный допрос с пристрастием и столбняк первичного оцепенения, – не сомневался, что приключившееся с ним «очевидное-невероятное» – преодолимо. Вчерашний разведчик, шаставший по тылам врага, как следопыт-добытчик, крепкий и надёжный, что сыромятный ремень, везучий, уважаемый в полку, почитаемый в батальоне, за бесстрашие, жёсткую справедливость, солёные шутки и мудрое самообладие в бою, он вновь верил в свою шальную удачу. Чёрт знает почему, он будто знал, что не погибнет на этой войне и живой – невредимый, вер-

нётся домой, в любимый Ленинград, где ждёт его родня и новая интересная, послевоенная жизнь. Бросая гранату в окно дымящегося здания, поднимая в атаку роту, прыгая с пулемётом на перевес через воронки-канавы, рассматривая убитого фрица, чью грудь с Железным крестом разворотила очередь его «дегтяря», он подсознательно испытывал странное устойчивое чувство, что кто-то невидимый благоволит к нему, оставляет его в живых, устраняет из жизни тех, кто жаждал его убить. Рысян, втайне от всех, не сомневался в своём превосходстве не только над фронтовыми товарищами, не только над стрелявшими в него врагами, но и над незримой, витавшей в развалинах Сталинграда Злой силой, управлявшей судьбами людей, исходом ожесточённых боёв, течением этой войны, на которой гарантирована относительная безопасность, а главное жизнь.

...когда его «нахлобучили»-оглушили в одном из коридоров Кремля, с тупой болью в затылке проволокли по приёмной личного секретаря Самого, тов. Поскрёбышева; проталкивая стволами пистолетов, били ногами на ясеневом паркете, наклоня оскаленные красные лица, волочили в «полусознанке» с разбитым лицом в кабинет... Кучменёв, страдая и охая, на деле сохранял в себе скрытую силу и злость, попавшей в капкан рыси. Был убеждён, что правдами-неправдами сыщёт способ вырваться от особистов, а выпадет случай и отомстит им жестоко. Найдёт в застенке «слабое звено», возможно лаз, по которому проползёт на брюхе и... поминай как звали. Или уличит момент, вырвет из рук охраны оружие и, расстреливая их в упор, проложит тропу на волю. «Дальше фронта, ведь, не сошлют?» – рассуждал он. И слышал насмешливый внутренний голос: «Ну ты, умник, даёшь... Это ж кто тебе такое загнул на Лубянке?» Мысль такая трезвила голову... но не надолго. Бурная ярость, вера в себя вновь бухали в его сердце набатом. Словом, как и в бою, Рысян сразу и твёрдо принял решение: если уж погибать то с музыкой, к Богу идти – под фанфары!»

...Но когда его оставили один на один с Отцом всех народов... Когда тот из-под тяжёлой аркады бровей стал молча и долго смотреть на него немигающими, чуть слезящимися, воспалёнными от бессонницы красными глазами... Капитан Кучменёв в сём взгляде снова, с пущей силой почувствовал свою смерть.

...Верховный, словно угадав отчаянье политрука, внезапную, поразившую его, немочь, лишь вяло покачал головой, как опытный хирург в последний раз осматривающий безнадежного пациента, перед тем, как начать вскрытие... Будто сказал:

– Ну что, Алексэй-Моисэй, пришла тебе пара отвечать за твои выходки-продёлки-преступления. Э-э...зачём в Кремль пробрался, как вор? Дывэрсию хатэл устроить, аа? Зачём за пистолэт хватался... Вознамэрился убить меня, чтоли? Букашка ти глупая...на кого руку хатэл поднять? Хо! Сколько вас таких ничтожных казьявок и мизгирей сгарэло в очистиститэльном огне. Глупо, оч-чень глупо, Алексэй. Ни по зубам вам это...пока я жив. Крэпка Совэтская Власть. Ай-вай, чито сдэлать с тобой за это?

При этом Отец народов ещё раз оглядел Рысяна с ног до головы, но на сей раз, как лесоруб оглядывает дерево, которое следует завалить, ищет на круглом крепком стволе место, куда с силой врубить топор. Куснул кончик уса и приподнял, такую же, чёрнёного серебра, густую кавказскую бровь.

– А можит, ти просто...дурак? Контуженный на всю башку, аа? Можит тибя лэчит надо? Молчать, щ-щенок! Я знаю о тибэ всё. Мои людэ слэдили за тобой пастоянно, с мамэнта, как ти бил направлен начальником палкавой развэдки Ледвигом в батальон к майору Магомеду Танкаеву. Вот здэс, – он постучал указательным пальцем по краю толстой папки, – собраны все тваи прэступления и злодэйства, записан каждый твой подлый шаг. Э-э, бивший капитан-палитрук...чито мнэ сдэлать с тобой за это?

Рысян ни живой, ни мёртвый от услышанного, тупо стоял перед Верховным, щурясь на жёсткий свет настольной лампы. Он был раздавлен обвинительными аргументами, как кухонный таракан твёрдым хозяйским тапком. Хотел возразить, докричаться, что всё это гнусная

ложь! Клевета! Что он офицер Красной Армии, коммунист с 38-го года, – не совершал никаких преступлений. Честно служил-воевал... Двигался вместе с замызганными боевыми колоннами по грязным, раздавленным грузовиками, тяжёлой техникой и пехотой дорогам. Терпел нужду, голод; выходил из окружения; мёрз на ветру, укрываясь за студёной, мокрой бронёй. Ел, как все сухой паёк, тоскуя по горячей еде. Жестоко мучился ночами зверской изжогой, грибок ног и разрывающим когтями грудь сухим, режущим кашлем. А потом, с марша, задерживаясь на сутки, в наспех построенном лагере, был брошен вместе с другими в Сталинград, в его первые пожары и взрывы, под артиллерию, авиацию, под пулемёты и винтовки вражеских снайперов. За смелость и решительность, проявленные в бою, был награждён орденом Красной Звезды и медалью «За Отвагу». Был замечен и переведён Ледвигом в полковую разведку... Снова проявил доблесть, добыл важного «языка», и снова был представлен к награде... И только, после тяжёлого ранения в грудь, под Орловкой (раньше сроку, покинув госпиталь), он был направлен начальством, в должности старшего политрука, в сводный батальон майора Танкаева. Он хотел сказать об этом всё маленькому человечку с трубкой, имевшему над всеми и каждым непомерную власть. Но язык предательски прилип к нёбу... А горячие, убедительные слова, которые прежде, что густая листва, шумели при каждой волновавшей его мысли, теперь, как назло, опали, лежали где-то у ног жухлой слипшейся грудой, не годились для воплощения мыслей и чувств, и от этого ещё ужасней.

Твою мать!.. Было дико и нелепо. Кожу продирали озноб... Впереди маячила смерть, а тут, перед ним, что могильный былинный камень, стоял какой-то необъяснимый препон, непробиваемый – не подъёмный, мешавший думать, дышать, принимать верное решение, держать себя должно в руках. В гудевшей, как рельс, голове кружились роем, какие-то уж совсем не нужные слова, которые тоже незримо срывались с губ, падали рядом, трещали, как пустая скорлупа желудей под ногою. И рыча от отчаянья, дикой несправедливости, которая стеной стояла между ним и подлой, кем-то подтасованной действительностью, в этот предсмертный час, он сорвался. Дрожа ноздрями, безумно тараща глаза, закричал, обращаясь к Вождю, которому было всё по плечу в этом бушующем мире, – хватаясь за него своим воплем как за спасательный круг.

– Да поймите же вы-ы... что меня сейчас расстреляют, как грёбаную контру-у!! Грохнут к чёртовой матери – имя не спросят!.. Понимаете или нет?! Раздавят, как тлю!.. Но я не предатель! Не враг народа-а... Я верой-правдой служил-сражался за Родину-у!! Два ранения в грудь!.. Собаки вы рваные! Псы цепные...

– А ты бы ни бэгал, ни прыгал козлом по Кремлю с писталэтом... Ни трогал би людэй в синих фуражках... тибя бы... – резонно возражал маленький человек в кресле и его зоркие глаза, рыжие и лучистые, с аспидными зрачками, – брызгали весёлой, ядовитой ненавистью. – И насчёт «сабак рваных»... ты ни прав, бивший капитан-палитрук. Что? Опять «вспыллил»? «Пагаричился», аа? Э-э, ни харашё это. Савсэм ни комильфо. Видимо... всё-таки правильно гаварит таварищ Власик: «Брось козла причёсывать. Один хер – козлом останитца». Как думаеш-ш, бивший капитан-палитрук, аа? Так чито мне сдэлать с табой за это?

... с опалённой ресницы Рысяна сорвалась скупая полынная слеза. И в ней, как в прозрачной капле росы, в мгновение ока отразилась и промелькнула вся его жизнь; всё дорогое и милое сердцу, с чем он жил все эти годы, хранил в сердце... С чем шёл в атаку; что согревало в лютый мороз, что помогало выжить в этом аду... и с чем он теперь навсегда прощался. Остекленев взором, каменея скулами, он отчётливо брал умом: судьбу, как и суку-войну просчитать невозможно. Каждый её момент, каждый поворот – таит в себе бесщётное количество разбегающихся вариантов. И каждая из этих возможностей, как правило, связана с человеческой жизнью.

* * *

Видит Бог, именно думалось, так горело внутри Алексея в те мгновения тишины, когда его подвели и оставили один на один со Сталиным. Но вот ведь! – гром не из тучи... В действительности всё получилось совсем иначе.

Товарищ Сталин оставаясь в кресле, вновь набил любезную трубку. И после – тоже нет! – не набросился зверем, не зарычал, не закричал, не сделал чего-то ужасного, чего ожидал Рысян. Напротив, внимательно посмотрел на него, явно приглашая к серьёзному разговору.

– капитан Кучменёв. Замкомбата 472-го стрелкового полка. После ранения у Орловки, назначен старшим политруком во 2-ой батальон, – по-военному вытянув руки по швам, дождал Алексей.

– Н-да... – хозяин, топорща моржёвые усы, красноречиво задержал взгляд на побоях Кучменёва. Подкожное кровоизлияние набрякло, вздулось, как грелка, уродуя лицо. От левого виска, кроя веко и, разползшись кленовым листом до половины щеки, багровел лиловый синяк. Разбитые: нос, губы и правая бровь – тоже не радовали взгляд. – Э-э, видиш-ш, с каким кантингетом прыходитца работать. Дубаломы, чэстное слово. Но ти, капитан, особо ни дэрни на них зла, ни обижайся... – малиновый зрак чубука предостерегающе вспыхнул зловещим рубином. Верховный, ровно кавказский вулкан, окутался синим дымом. – Сагласен, они ни ангелы, канечно... Но ангелы в этой спэцструктуре, сам панимаеш-ш... и ни работают. Что дэлатя, Алексэй-Моисэй? У кадаго свой хлеб. Слюжба такая. Врэмя в мире такое! Вайна, как лакмусовая бумажка... Сразу видно, у каво какой хвост, зубы. Врэмя малчания ягнят прашло. Ваа, так всэгда бивает в час суровых испытаний. Ягнята одэли волчьи шкуры... и показали свой истинный хычный оскал. Но сэрдца их астались овэчыи, палитрук. Зато ми – Савэтская власть! – имэим настоящие волчьи зубы и аппетит, на таких-сяких псэвдапатриотов. А что же... по факту получаетца, палитрук? – Сталин, прищутив один глаз, искоса посмотрел на него, отвёл трубку в сторону. Лицо его передёрнулось гримасой отвращения, и он с презрением произнёс:

– А по факту: врагов-прэдателей всо больше и больше, а друзей-таварищэй всо мэнше... Во-от! – сегодняшняя правда мамэнта, капитан. Опять же морковку прапалывать можно только двумя способами, вэрно? Либо видэрать сарняки, либо марковку. Хотя-а... Э-э, я тебе больше скажу. Адын о-очен хитрый челаовек, навэрно, еврей, изрёк: «Сарняк-это растэние, достоинство, каторого нам ещэ ни извэстно». Что ж, можит быть... Поживём-увидым. Ти, понял мою мысль? – Он скрежетнул зубом по мундштуку. – Вот-вот, я тоже так нэ думаю. Это всо придумки хитроных троцкистов, либералов-империалистов и прочих врагов Савэтской власти. Уж павэрь моему опиту. Хуже явного врага... скрытый враг, каторый наносыт удар ножом в спину. Вот наши правэренные таварищи из НКВД и дэжат ухо востро. Находят и карчуют в наших рядах таких ядовитых ящериц-змэй, тарантулов и скорпионов! Панятно тепэрь тебе, капитан-палитрук?

– Так точно, товарищ Сталин! – заученно по-строевому ответил Кучменёв. Хотел привычно бросить ладонь к виску, козырнуть, да вовремя спохватился, – в Красной Армии к «пустой» голове руку не прикладывают.

* * *

«Гадство! Нет! – тысячу раз нет!» – ему было, что возразить, что сказать на слова. Самого. Сотни вопросов терзали душу. Но он стоял, будто стреноженный, набрав в рот воды. Новое стойкое ощущение овладело им. Словно он, капитан Кучменёв, шагал в середине какой-то растянувшейся до горизонта, шинельной колонны, впряжённый в сыромятную упряжь; тянул за собой деревенские, с плетёным кузовом санки с установленным на них тяжёлым пулемётом «максим». Поклажа была тяжёлой: помимо циклопического ствола, колесная станина, бронированный щиток и полный боевой запас патронов в металлических цинках. Но мускулы его были крепки, не изношены, и, когда сани застревали в колдобине, зарывались носом в снег, он с силой поддёргивал ремень, вырывал из плена полозья, слыша, как грёмко звякает вправленная

пулемётная лента. Тело его было жилистым-тренированным, но в голове было туманно и пусто. Он будто не понимал, не хотел понимать, куда его ведут, зачем запрягли в построение, окриками торопят, чуть что, – толкают в спину прикладами. Он был туп и покорен, как выхолощенный мерин, лишённый норова, воли, природной смекалки. Он, хоть убей, не мог понять, кто он! Кто такие, идущие вокруг него вооружённые люди. В его голове возникали и тут же исчезали разрозненные цветные видения, не собираясь в целостную мозаику. Словно из него вырезали крохотную толику мозга, к которой, как лепестки, присоединялись впечатления жизни. Теперь эти впечатления, как лепестки без сердцевин, рассыпались. Сыпались в его сознании, что шелуха, причиняя муку, отвлекая от простой и тяжёлой работы, к которой его приспособил хозяин. Порой ему чудилось, что в его оскопленном сознании что-то начинает расти. Подымается, как срубленный мотыгой сочный корень, выдавливая из себя зелёную почку. Но не хватало грома небесного, после коего из голубой тучи грянет шумный животворящий дождь, вспоит умирающий корень, вылепит из него изуродованную клейкую почку.

...Так, гипнотически действовали на Кучменёва резоны товарища Сталина, впрочем, как и на миллионы других, таких же как он советских людей. Доводы Отца народов, точно острейший нож, без усилий резали под корень трепещущую плоть вопросов политрука. И он, всё основательней замуравывая в себе следы памяти: «почему он здесь?» «зачем так истово стремился в Кремль?» «О чём жаждал доложить-докричаться до Все слышащего уха»... Теперь, как мерин, тупо и упрямо продолжал в мельтешащей пурге мыслей «тянуть пулемёт», чутко слыша лишь хозяйские строгие окрики и грёмкое бряканье вправленной в затвор пулемётной ленты.

Глава 12

– ...значит 100-я дивизия, гавариш... – Сталин задержал гнутый мундштук у сиреневых губ. Посмотрел на Кучменёва.

– Так точно, товарищ Сталин.

– Кто комдив? – лицо Хозяина, прищуренные глаза обрели вдруг выражение недоверия. Озирая политрука со всех сторон, Он, словно желал убедиться, что перед ним натуральный, из костей и кожи, человек, действительно из Сталинграда, а не ряженная кукла.

– Генерал-майор Березин, товарищ Сталин.

– При вас, на Волге, Березин?

– Никак нет, товарищ Сталин.

– ? – на тёмном, как грецкий орех, лице главнокомандующего застыло желчное раздражение.

– Был с нами. Неделю назад убит. Прямое попадание гаубичного фугаса в КП. Санитары даже толком собрать не смогли.

– Вай-ме... М-да, трудно сэйчас... в Сталинграде и рядовому и генэралу, – Он сокрушённо покачал головой. Затянулся дымом и, чуть погодя, продолжил:

– А камандир батальона кто? – Он цокнул по-кавказски зубом, будто сказал: «Ни обижайся, капитан. Это ещё нюжно понять, кто ти такой! Как к тебе попавла информация и пачэму её даставил... имэнно ти! Тех, кто даставляет падобную инфармацию с фронта... нюжно правэрать и правэрать, нэ так ли?»

– Майор Танкаев, товарищ Сталин.

– Тан-ка-ев? – оживился Верховный. Чиркнул спичкой. – Чэченэц? – настороженно спросил Он.

– Никак нет. Дагестанец.

– Лезгин? Даргинэц?

– Аварец, товарищ Сталин. Родом из Урады. Слыхали о таком селении?

– Мм... аварэц, значит... Чито ж, аварцы на Кавказе издрэвле славились воинской доблестью, бурками, лашадьми и арюжием. Вэликий имам Шамиль... был тоже аварцэм. Э-э, надэюсь... и твой камандыр Танкаев – кавказэц доблестной чэканки? Ни хужэ тибя, палитрук?

– Никак нет.

– ?! – глаза Верховного вновь обрели выражение предельного недоверия.

– Лучше, товарищ Сталин! – убеждённо скрепил Рысян.

– Хороший атвэт. Маладэц. Да ти... присаживайся, джигит. – Вождь вялым жестом пригласил сесть на стул к большому двухтумбовому столу. Сам при этом оставался в кресле, среди золотисто-лимонных пятен солнца. – Хочиш-ш виноград? – Хозяин успокаивался, обрёл равновесие. Отыскал точку опоры, позволяющую ему оставаться спокойным, величественным, знающим хитросплетения государственных нитей, управляющим военной и политической ситуацией. – Ти кюшай, капитан, виноград. Пробывал его когда-нибудь?

– Давно. Один раз. Мамка по случаю где-то достала, для нас с сестрой. Но вкуса... не помню. – Рысян, веселея голосом, ближе придвинул стул, потянулся за виноградом.

– «Мамка» достала... – усмехнулся Сталин. – А вот типэрь «папка» угащает тибя, Алексэй. – Я, вэдь, ваш отэц, капитан. Ви, – Он качнул трубкой туда-сюда, – все мои дэти. Вся страна – от Тихого океана до британских марэй. И каждова жалко. Ви, как пальцы на руке. Руби любой – больно будэт. О каждом сэрдцэ балит. Вэриш-ш? Сиди, сиди, вставать ни надо.

– Так точно, товарищ Сталин. Да мы... за вас!.. – заквашенные-залепленные кровавыми синяками глаза политрука вспыхнули праведным гневом. Жилистые рабочие руки сжались в

костистые буро-красные комья. Весь оголённый нерв, – Рысян двигал на лбу набухшие жилы, остервенело, пучил налитые яростью-гневом глаза.

– Э-э, громко-много гаварит об этом ни надо! – Вождь снисходительно резонил товарища политрука, пододвигая к нему ближе поднос с бордово-красными пышными гроздьями. Но одержимый Рысян будто не слышал:

– Да мы за вас, товарищ Сталин...любого порвём, как грелку. Всех врагов-предателей! Холуёв херовых – к стенке! Других, мать их в щель...Нагнём и макнём в их же дерьмо...Вы только дайте пр-приказ...Укажите кого! И: «Вставай страна огромная!...» «Смело мы в бой пойдём! За власть Советов...»

– И как один умрём в барьбэ за это...» – Вождь потрепал по плечу не в меру возбуждённого Кучменёва и благосклонно кивнул. – Это харашё, что ты сознательный, палитрук. Панимаеш-ш всё с полуслова. Вот только ни за миня... – Сталин категорично чиркнул перед собой мундштуком. – А за нашу Родину, за коммунистическую партию, за вэсь савэтский трудовой народ...За Савэтский Союз – ми все гатови жизни отдать. Ти, понял мою мысль?

– Так точно, товарищ Сталин! – гремя стулом, снова вскочил капитан.

– Ти сиди, сиди, дарагой. Кюшай-кюшай, виноград. Оч-чень палэзно. Витамины, панимаеш-ш? Доктор савэтует.

Когда виноградная гроздь заметно поредела, товарищ Сталин, просматривавший с карандашом какие-то бумаги, неожиданно оторвался от них, кивнул Кучменёву:

– Ну как, Алэксэй-Моисэй, вспомнил забытый вкус?

– Так точно, товарищ Сталин! Вперёд до Победы наелся. Огромное спасибо.

– На здоровье, джигит. А типэр...как на духу расскажи мне всё папарядку. Как и что в Сталинграде...Всё бэз утайки! Как воюют, как защищают город наши красноамэйцы. Каков их воинский дух? Какие патэри? Какие трудности? Чэстно и ясно расскажи. А я сравню твой атвэт...с дакладами маих гэнэралов. Э-э, надэюс, Алэксэй-Моисэй, ми достигли с тобой давэ-рительности? Я аткрыл свои карты...аткрой и, ти, свои. Ни бойса...всё, как ест, гавари.

И политрук Кучменёв, в сотый раз повторявший перекипевшие слова, теперь уже Главнокомандующему Советского Союза поведал вслух всю страшную правду гибнущих красных армий. О том, что дивизии наши сократились числом до полка...а роты – до взвода... Что нет боеприпасов, хоть сдохни! Нет артиллерии...Нет авиации – поддержки с воздуха. Что танков нет... и резервной силы...А те, что остались...стоят по колено в крови, в окопах заваленных трупами...И в буквальном смысле штыком и гранатой отбиваются от танков врага.

Вождь в начале рассказа продолжал курить, стараясь сохранить невозмутимость. Но в середине повествования замер, опустил трубку на стол. После ряда последних трагичных событий: со сдачей заводских корпусов «Баррикады» и поголовной гибелью подразделений полковника Соболева, геройски вызвавшего огонь правобережной артиллерии на себя...После сообщения о том, что 193-я стрелковая дивизия потерпела поражение...И 18 октября командующий Чуйков отвёл 308-ю стрелковую дивизию, чтобы избежать её уничтожения, а немцы укрепились на тракторном заводе и ведут свирепые бои за «Баррикады»...Что 64-я армия генерала Шумилова потерпела крупную неудачу, пытаясь нанести удар во фланг – 4-й танковой армии Гота, но была отброшена к Волге... Что 27 октября 6-й армии Паулюса всё же удалось установить свой контроль над заводом «Баррикады» и половиной территории «Красного Октября»...И что теперь, на 29 октября, враг контролирует более 90% территории всего Сталинграда, – Верховный не выдержал. Серое лицо его вновь передёрнулось гримасой отвращения:

– Звэри...чёрные звэри... – казалось, Хозяин потерял всякий интерес к политруку, и говорил сам с собой. – Дадай⁴¹...Вай-ме!⁴²

⁴¹ Возглас горя, отчаяния (груз.)

Абгладали Сталинград, как волки тушу вола... Затагнули город железной пэтрлэй, крэпчэ, чэм карсэт манашки... Чтож, если буйвол пал, хищная стая всэгда найдётца. Значыт... всё правда...

Святой Гиваргий, куда катытца наша Красная Армия? Нэт, нэт... Ни дапускаю дажи такой мысли! – тихо и отрешённо прохрипел Он, сосредоточиваясь взглядом на невидимой точке, в которой заключалась сущность мучительной и неизбежной развязки. – Видыт Бог, эту праблему... одним оружием ни рэшить! Кто пэрвым сломитца духом... патеряет инициативу... Вэру, надэжду в Пабэду... Сдаст город, – тот и проиграл! – подвёл черту Он, пробуя раскурить погасшую трубку, вдруг разом похудевший, осунувшийся, словно вместе с дымом истаяла часть его сгоревшей плоти. Пепельно-серый, маленький, Он сидел в кожаном кресле среди пёстрых оперативных карт, испещрённых чёрными-красными стрелками наступлений – боёв – обороны, мусоля в пальцах вишнёвый чубук, напрочь утерав в своём образе то весомое, величественное – «сталинское», что подавляло любого своей пугающей большевистской мощью, бескомпромиссностью, пугающей непонятно авангардной новизной, – в гранитной правде которой, чувствовалось решительно всё: и политическое, и экономическое господство, и военная слава, и величие, и тоталитарная власть.

...Алексей закончил свою горячую исповедь; тяжело дышал, будто в одиночку разгрузил «рабочую лошадку» трёхтонку ЗИС-5, водители которых всеми правдами и не правдами, под бомбёжками и пулемётным огнём «юнкерсов», доставляли – на передовую ящики с боеприпасами, флаги с водой, бинты и медикаменты для провонявших карболкой-фенолом и гнилой кровью лазаретов.

Верховный молчал, раздумчиво набивал трубку. Молчал и он, тайком поглядывая на Отца народов... Смотря на побитое оспинами лицо Вождя, на его седоватые усы, будто присыпанные пеплом... Ему вдруг представилась старая, покрытая окалиной артиллерийская гильза с пробитым, окисленным капсюлем. Из тех, что звонкими-гремливими гудами валялись позади противотанковой батареи капитана Антонова. Через несколько дней яркие латунные гильзы темнели, их давили сапогами и гусеницами; они, израсходовав всю взрывную мощь, выбросив тяжёлое острие снаряда, валялись ненужным хламом. Такое же ощущение израсходованности и опустошённости производил в это час и Главкомандующий, из которого вырвалась и исчезла вся энергия власти.

⁴² Восклицание, дословно – «горе мне!...» (груз.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.